

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт социальных
и политических наук

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА: ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

1-й молодежный конвент

Материалы международной
студенческой конференции
28–29 апреля 2017 года

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт гуманитарных наук и искусств
Институт социальных и политических наук

**МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА:
ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
1-й молодежный конвент**

Материалы международной студенческой конференции
28–29 апреля 2017 года

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 316.472.3(063)

ББК С524.22я43

М735

Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии : 1-й молодежный конвент : материалы международ. студ. конф. 28–29 апреля 2017 года. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 394 с.

ISBN 978-5-7996-2237-4

Сборник материалов первого молодежного конвента Уральского федерального университета содержит работы студентов, аспирантов и молодых ученых по искусствоведению и культурологии, истории и археологии, теоретической и прикладной лингвистике, международным отношениям, психологии и нейронаукам, социологии и социальной работе, филологии, философии.

Издание адресовано студентам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры общественных и гуманитарных наук.

УДК 316.472.3(063)

ББК С524.22я43

ISBN 978-5-7996-2237-4

© Уральский федеральный
университет, 2017

Раздел первый ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 101.3+303.442.43

Логинов Алексей Валерьевич,
доцент кафедры социальной философии
департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

В российском образовании продолжается спор «физиков» и «лириков». На основе опыта семинарских занятий со студентами нефило-софских специальностей я обобщаю представления о различии «стартовых позиций» естествознания и обществознания. На примере теории Н. Лумана я показываю значение социальных наук как средств воспроизводства многомерности общества и делаю вывод о привлекательности современной ситуации множества интерпретаций того, что есть и как возможна социальная реальность.

Ключевые слова: наука; идеология; методология; интерпретация.

Aleksei Valeryevich Loginov
Docent at social philosophy department
Institute of Social and Political Sciences
Ural Federal University

AN ENDLESS INTERPRETATION: MULTIDIMENSIONAL SOCIETY AND SOCIAL SCIENCES

Struggle over recognition between «physics» and «lyrics», i. e. that who attack humanities from the background of natural sciences and vice versa still is on Russian education system' agenda. Having in mind my experience of teaching philosophy I start with the key differences in «starting points» of natural and social sciences that my students usually agree with. Then I apply N. Luhmann's concept of self-description (as the basic implement social system reproduces itself with) to the struggle mentioned above and show how the very disposition of the sciences might be replaced and reconstructed.

Keywords: science, ideology, methodology, interpretation.

Практически любой преподаватель философии сталкивается с необходимостью отвечать на вопрос либо любопытных (вопрос задан в начале курса), либо смелых (вопрос задан в конце курса) – студентов «зачем это надо – изучать философию?». По большому счету, этот же вопрос, но уже по другому предмету может быть задан любому представителю блока социально-гуманитарных дисциплин. Зачем нужна история, если она так нас ничему и не научила? Зачем нужна социология, если людям вполне достаточно их здравого смысла для повседневных занятий? Зачем учения о картинах, музыке и стихах, если достаточно, а иногда чрезмерно много самих картин, музыки и стихов? При этом вопрос: «зачем нужна физика?», по отношению к представителям корпорации Э. Резерфорда (именно Резерфорду приписывают афоризм, что есть физика, а все остальное – филателия) возникает, видимо, крайне редко и так тихо, что его звучанием можно пренебречь. На мой взгляд, основа прочной «научности» и притягательности естественных наук базируется на трех допущениях:

1. Допущение о внеположенности объекта изучения (позволяет использовать корреспондентную теорию истины и классическую субъект-объектную схему в эпистемологическом обосновании статуса науки).

2. Допущение об объективности объекта (изучаемый объект имеет свойства «как есть», и эти свойства не меняются из-за процесса изучения объекта субъектом).

3. Знание, продуцируемое естественными науками универсально и ценностно нейтрально.

При этом науки об обществе и человеке данными стартовыми позициями не обладают (науки об обществе вписаны в свой объект изучения; люди и «метафизическая часть» элементов социальных систем обладают исчезающими либо изменяющимися от самого факта изучения свойствами; знание об обществе легко ангажируется политически и т. д.) и в этом смысле не соответствуют критериям научности* [1].

Однако, принимая во внимание *воспроизводимый, конструируемый* характер общества, недостатки стартовых позиций наук об обществе (дальнейшее деление обществознания на субдисциплины пропускаю. – А. Л.) оказываются достоинствами. Дело в том, что социальные науки, каждая из которых не достигает полноты описания социальной системы [См.: 2], вынуждены защищать свой результат познания как лучший, т. е. полный, а по факту – согласовывать свою интерпретацию социального мира с интерпретациями науки – конкурента на статус производителя *полного и достаточного* знания о социальной реальности. Тем самым множество интерпретаций социального мира в социальных науках есть результат и условие многомерности общества как системы – каждая из наук, стартуя со значимого для нее различия, в этом смысле становится идеологией, воспроизводя хронологические характеристики той подсистемы общества (региональной онтологии), которую описывает [3]. Нарастающее дробление наук об обществе и непрекращающиеся попытки создать «поля» меж-

* Критику жесткого противопоставления наук и его исторический характер см.: Лекторский В. А. Проблема единства знания: вчера и сегодня // Социемы. 2010. № 18 / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. Екатеринбург, 2010. С. 5–16.

дисциплинарности силами самих ученых – свидетельство высокой дифференциации, многомерности самого общества, поскольку семантические затраты на самоописание «простых» обществ невелики, а точки интеграции могли бы быть заданы авторитарно: «Простым сегментарным обществам самоописания доставляли сравнительно мало труда, и семантические затраты могли удерживаться на низком уровне. Дело было в том, что все жизненно важное концентрировалось прежде всего в мельчайших единицах..., а взаимосвязи больших масштабов должны были функционировать лишь по случаю» [4, с. 195].

Таким образом, обществознание (или филателия), методологически выстроенная в спектре между объяснением, пониманием и критикой социальной реальности [5] есть способ создавать и менять эту реальность, поддерживать или пытаться редуцировать ее многомерность, выделять в этой реальности место для «настоящей науки» и фиксировать социальный характер критериев научности.

Литература

1. Лекторский В. А. Проблема единства знания: вчера и сегодня // Социемы. 2010. № 18 / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, 2010. С. 5–16.
2. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии, 1994.
3. Логинов А. В. Онтологический статус идеологии в современности // Изв. УрГУ. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 4 (83). С. 15–29.
4. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 194–218.
5. Neuman L. W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches / 2nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991. P. 640.

Соколов Сергей Васильевич,
доцент кафедры истории России
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ИДЕЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В РОССИЙСКОМ ИСТОРИОПИСАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ*

В работе рассматривается эволюция представлений российских историописателей о восточнославянском единстве с XI до конца XVII в. Автор делает вывод о том, что представление об общем происхождении восточнославянских народов основано на раннесредневековых идеях об общем происхождении всех славян. В XVI в. после политической дезинтеграции восточнославянских земель возникает альтернативная идея о том, что москвиты происходят от других предков и не являются родственниками народам Беларуси и Украины.

Ключевые слова: восточные славяне; этническое происхождение; историография.

Sokolov Sergei Vasilyevich,
Associate Professor
Institute for Humanities and Arts
Ural Federal University

MEDIEVAL AND EARLY MODERN RUSSIAN HISTORICAL WRITERS ABOUT COMMON ORIGIN OF THE EAST SLAVS

In the article, the evolution of the ideas held by Russian historical writers about East Slavs unity is examined. The author concludes that ideas about common origin of the East Slavs are based on the notion of common origin

* Работа выполнена в рамках проекта «Древнерусское прошлое в представлении украинских историописателей XVII в.: источники, идеи, влияние» при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук (договор № 14.Y30.16.8453-МК).

described by early medieval authors. In the 16th century, an alternative theory, held that the Muscovites did not share the common ancestry, emerged. The background for this was political disintegration of the East Slavs.

Keywords: East Slavs, ethnic origin, historiography.

Начало образования трех современных восточнославянских народов из единой древнерусской народности исследователи относят к XV в. Триггером этого процесса стала политическая дезинтеграция Древнерусского государства, завершившаяся в XIV в. разделом древнерусских земель: часть из них отошла к Литве, часть сохранилась как конгломерат полунезависимых княжеств, часть оставалась под непосредственным контролем ордынских ханов. Среди историков, этнологов и лингвистов идут споры о том, когда же окончательно складываются русская, украинская и белорусская народности, однако несомненно, что к концу XVII в. процесс этнического размежевания зашел уже достаточно далеко.

Несмотря на то, что русских, украинцев и белорусов в Средние века фактически еще не существовало, следует рассмотреть ранние идеи о славянском этногенезе, поскольку они оказали значительное влияние на идеи историописателей Нового времени об общем или различном происхождении восточных славян. «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., утверждала, что славяне произошли от единого корня. Сразу после рассказа о сооружении Вавилонской башни (столпа) летописец писал: «По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норичи, которые и есть славяне» [1, с. 144]. В другом месте «Повести...», когда летописцу нужно было подчеркнуть, что апостол Павел является первоучителем не только для западных славян, но и для восточных, он опять недвусмысленно подчеркивает общее происхождение всех славян: «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской» [1, с. 152].

Общее происхождение всех славян подчеркивалось и западными хронистами. Например, автор Великопольской хроники (XIV в.) рассказывал историю о трех братьях – Лехе, Чехе и Русе, которые будто бы дали начало крупнейшим славянским народам. Впрочем, уже в этой хронике подчеркивается неравенство потоков братьев: «Из них (потоков. – С. С.) наивысшей властью и господством во всей империи всегда обладали лехиты, как это явствует из хроник и из их территории» [2, с. 52]. В XV в. польский хронист Я. Длугош уже считал, что Рус был не братом, но потомком Леха [3, с. 218].

Именно в это время становится актуальным вопрос о происхождении отдельных групп восточных славян, прежде всего формирующихся русского и украинского народов. Наибольшее внимание этим вопросам стали уделять в Польско-Литовском государстве. Часть польских историописателей придерживалась старого мнения о единстве всех восточных славян, то есть об общем происхождении жителей Московии, Украины и даже Польши. Одним из ярких выразителей этих идей были М. Стрыйковский, издавший свою книгу в 1582 г. Стрыйковский не только возводил происхождение русских и других славян к общим библейским предкам (как это делали средневековые авторы), но и шел дальше, утверждая, что общими для поляков и русских предками являются античные сарматы [4, с. 12].

Между тем в XVI – первой половине XVII в. в Речи Посполитой разворачиваются ученые споры вокруг этнической номинации славянских народов. Уже в начале XVI в. появляются идеи о том, что славянское население Литвы и Московии различаются по своему происхождению. Эти идеи были высказаны польским историописателем М. Меховским и, видимо, отражали сложившуюся к тому времени практику наименования: население Малой России в Польше называли рускими (русаками или в латинизированной форме – рутенами и роксоланами), что отражало зафиксированное самоназвание этого населения «русский» или «росьский» народ [5, с. 26].

Мнение Меховского было поддержано другими польскими историописателями XVI в., например М. Кромером и М. Бель-

ским. Они полагали, что русские Малой России происходят от роксолан – сарматского племени, проживавшего в первые века нашей эры в Северном Причерноморье. Для польских авторов сближение русских с роксоланами было весьма важным в политико-идеологическом плане, поскольку польский народ также мыслился потомком сарматов. Другими словами, общее происхождение русских (украинцев) и поляков на сарматской основе давало Речи Посполитой безусловный аргумент для контроля над территорией Среднего Поднепровья.

Происхождение «московского народа» в соответствии с этой идеей было иным. Московиты происходили от мосхов, мифических потомков Мосоха, шестого сына библейского Иафета. Последний иногда описывался как злодей, что усиливало противопоставление православного населения Речи Посполитой и Московского государства [4, с. 13].

В Московском государстве тема общего или различного происхождения русских, украинцев и белорусов не поднималась вплоть до конца XVII в. Ее появление в российском историописании было обусловлено присоединением Левобережной Украины и интенсивными контактами между московскими и украинскими интеллектуалами. Следует отметить, что идея общего происхождения восточнославянских народов находила безусловную поддержку у украинской элиты. В одном из украинских исторических обзоров, написанных для участников переговоров в Москве, сказано, что «Смоленск, Витепск, Полоцк, Новгород, Галич и все Подолие, Львов, Перемышль, Ярослав и все Покутие, Люблин и всю Черную Русию, Луцк, Владимир, Отсрэг, Изяслав и всем Волинем владели сынове Владимира Святого, яко природные князи российские... о сем дивно поляком русские земли наследником называться и всех вещей чюднейшая ложь соплетать...» [6, с. 41].

Однако наиболее четко идею единства всех восточных славян выразил «Синописис» – опубликованная в 1674 г. первая печатная книга по русской истории. Автор «Синописиса» вводит понятие «славенороссийский народ» для обозначения единой восточнославянской нации. Кроме того, в «Синописисе» утверждается, что

славенороссийский народ происходит от сарматов, а значит, равнозначен польскому народу [7, с. 7–10].

Идеи «Синописа» оказали прямое влияние на представление об этничности, общем прошлом и даже на национальную политику в имперский период. Официально в XVIII – начале XX в. русский народ рассматривался как триединый, состоящий из великорусского, малорусского и белорусского элементов. В начале XVIII в. идею о триединстве поддерживал и продвигал архиепископ Феофан (Прокопович), сам происходивший с Украины и прекрасно знавший «Синописис». Идеи о славянском единстве впоследствии были использованы славянофилами для конструирования своей идеи славянского единства, в том числе панславизма.

Литература

1. Повесть временных лет / подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 3-е изд. СПб. : Наука, 2007. 672 с.
2. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В. Л. Янина; сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М. : Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
3. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). М. : Памятники ист. мысли, 2004. 493 с.
4. Карнаухов Д. В. Moschi Unde: развитие представлений о происхождении «Московского народа» в польской историографии эпохи Возрождения // Гуманитар. науки в Сибири. 2009. № 2. С. 10–14.
5. Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. СПб. : Петербург. Востоковедение, 1999. 314 с.
6. Кочегаров К. А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века // Славяноведение. 2015. № 2. С. 19–41.
7. Киевский Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева. Киев : Тип. Киево-Печерской лавры, 1823. 150 с.

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,
доцент кафедры теории и истории международных отношений
института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

НОВЫЙ ВИТОК МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕС*

В статье представлена характеристика современного этапа развития международных культурных отношений Европейского союза. Выделяются некоторые особенности внешней стратегии ЕС в области культуры и дипломатии, которые активно обсуждаются всеми институтами ЕС и находят свое оформление в различных принимаемых документах и коммюнике.

Ключевые слова: международные культурные отношения, европейская культурная политика, Европейский союз.

Tabarintseva-Romanova Ksenia,
Assistant Professor of Department of International Relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

A NEW ROUND OF INTERNATIONAL CULTURAL RELATIONS OF THE EU

The article describes the current stage in the development of international cultural relations of the European Union. Some features of the EU external strategy in the field of culture and diplomacy are highlighted, which are actively discussed by all EU institutions and find their formulation in various documents and communiques adopted.

Keywords: international cultural relations, European cultural policy, the European Union.

* Статья выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+, Jean Monnet, 565442-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE.

Культура во внешних связях Европейского союза с 2007 г. является одним из прерогативных направлений реализации европейской повестки дня по культуре. С 2011 г. разработка стратегического подхода в этой области является одним из приоритетных направлений работы Европейского совета. Одним из значимых этапов в развитии межкультурных отношений ЕС стал документ «Культура во внешних связях ЕС», подготовленный Европарламентом (2013–2014), в котором особо акцентировался значительный потенциал культуры во внешних отношениях и подчеркивалось, что Европейский союз и его государства-члены получают преимущества, улучшив координацию культурной дипломатии. Также указывалось, что европейский опыт работы в рамках идей плюрализма и культурного разнообразия позволил бы продвигать культуру на международной арене как фактор стабилизации мира и социально-экономического развития [1].

В области культуры и творческих отраслей ЕС уже финансирует ряд проектов, таких как сети творческих центров или программ «АКТ культур +» (Африка, страны Карибского бассейна и Тихого океана); программы по поддержке культурного управления и содействию межкультурному диалогу. Делегации ЕС регулярно организуют культурные мероприятия в рамках культурной дипломатии (например, восстановление рукописей Тимбукту в Мали, поддержка ЕС фонда Анны Линд в Южном Средиземноморье). В рамках Восточного партнерства культурная программа поддерживает вклад культурных и творческих отраслей в устойчивое развитие гуманитарных, социальных и экономических областей. В то же время проект «Городские стратегии, реализуемые Сообществом в исторических городах» направлен на стимулирование социально-экономического развития путем поощрения культурного наследия в девяти исторических городах Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины.

Отличительными чертами международных культурных отношений ЕС, которые активно находят свое отражение в принимаемых документах Еврокомиссии, Европарламента и Евросовета, являются особое внимание к социально-экономическому аспекту развития культурного сектора (создание новых рабочих мест,

привлечение новых инвестиций, развитие культурного туризма); усиление роли пропаганды европейских ценностей и использование их в качестве имиджеобразующего элемента во внешней стратегии ЕС; «вынесение за скобки» религиозного аспекта. Анализ программ показывает, что культурные проекты направлены на «стирание» религиозных различий путем акцентирования внимания на общекультурную значимость и историческую ценность объектов, например: программа «По следам наследия вдоль финикийских морских путей и исторических портовых городов Средиземноморья» (участники: Греция, Италия, Ливан, Мальта, Сирия, Тунис) направлена на оказание содействия в ознакомлении общества со средиземноморскими портовыми городами вдоль финикийских морских путей [См.: 2].

Литература

1. Conclusioni del Consiglio sulla cultura nelle relazioni esterne dell'UE, in particolare sulla cultura nella cooperazione allo sviluppo 24 novembre 2015.
2. *Табаринцева-Романова К. М.* Культурная политика Европейского союза в средиземноморском регионе // Изв. УрФУ. Серия 3. 2016. № 1. С. 67–74.

Раздел второй

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 792.01

Зиннатуллина Рената Маратовна,
магистрант 1-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ СПЕКТАКЛЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ТЕАТРА)

Статья посвящена перформативным средствам создания материальности спектакля, таким как телесность и атмосфера, которые появились в результате «перформативного поворота» в искусстве XX века. Анализ этих средств позволяет исследователю понимать спектакль не как артефакт, а как событие, проживаемое актерами и зрителями во время представления. Автор статьи пытается приложить оптику перформативной эстетики к некоторым современным российским спектаклям.

Ключевые слова: перформативность; эстетика; театр.

Zinnatullina Renata Maratovna,
1-year student of the Master's program of the
Department of Philosophy
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

PERFORMATIVE FEATURES OF THE THEATER STAGES (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN THEATRE)

This article explores such performative features of materiality of stages as corporality and atmosphere, which have emerged because of «performative turn» in the art of XX century. The analysis of these features allows researcher to understand stage not as an artefact, but rather as a certain event experiencing by actors and spectators during the whole performance. The author tries to apply a theoretical vision of performative aesthetic to some contemporary Russian theater stages.

Keywords: performance, aesthetic, theatre.

XX век проходил под эгидой трансформаций – они происходили во всех сферах жизни человека, в том числе и в искусстве. В 1960-х годах искусство претерпело «перформативный поворот», который изменил как границы искусства, так и способы его интерпретации. С этого момента художники стремятся создавать не артефакты, а события, включая в них взаимодействие со зрителями, различные эффекты, которые влияют как на само действие, так и на его результаты. Также меняются художественные средства, которые теперь называются «перформативными».

«Перформативный поворот» ярко проявляется в театре, так как именно там существует возможность «разрушить» четвертую стену и создавать неповторимые и непредсказуемые события. Среди новых средств создания материальности спектаклей исследователи эстетики перформативности выделяют такие средства, как телесность (эффект присутствия и тела животных), создание атмосферы (пространство, запахи), звуковой аспект (звуковые пространства и голос) и временной аспект (ритм) [1]. Несмотря на то, что эти средства кажутся не новыми, современные художни-

ки используют их, создавая особые условия для взаимодействия актеров и зрителей. Интересно было бы приложить этот подход к современным российским спектаклям, чтобы понять, остаются ли они в рамках традиционной эстетики либо же переходят к перформативным средствам создания спектаклей.

В создании перформативного спектакля тело актера зачастую намеренно противоречит его роли (например, в спектакле «Июль» по пьесе Ивана Вырыпаева красивая девушка читает текст пожилого маньяка), что заставляет зрителя смещать фокус восприятия то на реальное тело, то на семиотическое (персонаж). Также тела актеров часто подвергаются физическому воздействию, что повергает зрителей в шок. Например, в спектакле по пьесе Чехова «Чайка», поставленном в Центре современной драматургии в Екатеринбурге Ринатом Ташимовым, актеры обливали себя ледяной водой и заворачивались в мокрые простыни. Здесь же мы видим полуобнаженные тела актеров, которые также отсылают нас не к персонажам, а к реальным телам, создавая эффект присутствия, который вызывает у зрителя сильные физиологические, аффективные, энергетические и моторные реакции.

Атмосфера спектакля может создаваться звуками, световыми эффектами, запахами. Она является одним из важнейших элементов перформативного пространства, так как спектакль становится изменчивым и мимолетным, тем самым превращаясь в живое событие, а не артефакт. Благодаря особой атмосфере, которая оказывает воздействие на его тело и сознание, зритель чувствует себя частью этого события и переживает его как участник.

В современном российском театре можно выделить таких режиссеров, как Иван Вырыпаев, Кирилл Серебренников, Елена Гремина, Николай Коляда и некоторых других, которые активно используют перформативные средства для создания новых спектаклей и постановки классических пьес. Современные исследователи называют эти эксперименты «перформансами насилия» [2], так как часто эти спектакли являются жестокими, шокирующими зрителя гипернатурализмом, ненормативной лексикой и ужасающими сюжетами. Такие средства создают новую театральную реальность, в ходе которой как актеры, так и зрители претерпевают

физические и эмоциональные изменения. Таким образом, спектакль становится не артефактом искусства, а уникальным событием, характер и исход которого зависит от вовлеченности зрителя.

Литература

1. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М. : Международ. театр. агентство «Play&Play», Изд-во «Канон+», 2015. 376 с.
2. Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 376 с.

УДК 7.074+379.824

Пермякова Ольга Вячеславовна,

аспирант департамента

«Факультет искусствоведения

и социокультурных технологий»

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета;

заведующая сектором зарубежного искусства

Екатеринбургского музея изобразительных искусств

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. О СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Рассматривается проблема включения закрытых частных коллекций в музейные собрания. На основе немецких, французских, русских исследований XX века осмысливается феномен коллекционирования и личность коллекционера.

Ключевые слова: коллекционирование; частная коллекция; коллекционер; печатная графика; музеи.

Permiakova Olga Vyacheslavovna

1-year student of the PhD program
of the Department of Art History
and Sociocultural Technologies
Institute for Arts and Humanities
Ural Federal University;
Head of the Sector of Foreign Art
Ekaterinburg Museum of Fine Arts

PRIVATE COLLECTIONS IN THE PUBLIC SPACE. THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF COLLECTING

This paper examines the problem of including of the private collections into the museum collections. The author comprehends phenomenon of collecting and collector on the base of the German, French, Russian researches of the XXth century.

Keywords: collecting, private collection, collector, prints, museums.

Коллекционирование как целенаправленное собирательство однородных предметов (как правило), обладающих научной, исторической или художественной ценностью, имеет давнюю историю [1]. В зависимости от задач принято выделять коллекционирование научное, учебное, любительское. Любительские коллекции, связанные с деятельностью конкретного индивида, зачастую представляют собой коллекции закрытого типа (в отличие от научных и учебных, которые носят преимущественно открытый характер и подразумевают ориентированность на массы). Процесс национализации художественных ценностей из замкнутых частных и фамильных собраний в первой трети XX века привел к существенному расширению состава музейных коллекций, сделав доступным то, что ранее было скрыто от глаз публики. В связи с этим выдающийся русский философ Г. Г. Шпет (1879–1937) указывал в начале прошлого века на наличие огромного материала для изучения и необходимость теоретической работы [2, с. 416].

Феномен коллекционирования привлекал внимание исследователей из разных областей на протяжении XX века. Ученые рассматривали его с позиций психологии, физиологии, социологии и т. д. Частное коллекционирование предполагает наличие некоторой движущей силы, внутренней мотивации у главного действующего лица этого процесса – коллекционера. При этом исследователи часто указывали на взаимоинтеграцию предмета и личности (Ж. Бодрийяр) [3, с. 72–89] и делали акцент на том, что без своего носителя феномен собирания теряет свой смысл (В. Беньямин) [4]. Анализ теорий немецких, французских, русских исследователей XX века позволил выявить причины коллекционирования (главным образом, психологические и физиологические – З. Фрейд, К. Абрахам, И. Павлов) и характерные черты, присущие коллекционеру (В. Беньямин, М. Реймс, Ж. Бодрийяр).

Коллекционер – фигура, привлекавшая на протяжении XX века внимание не только исследователей. Образ коллекционера не раз появляется в художественных произведениях, обретая в них не самые положительные качества (одержимость, безумие).

Однако в истории искусства коллекционер – это важное звено. Благодаря его деятельности до наших дней доходят в целости и сохранности (в том числе неизвестные ранее) предметы искусства. Сохранение культурных ценностей (не всегда осознанное) для будущих поколений – одна из главных функций коллекционера.

На сегодняшний день изучение частных коллекций, которые легли в основу собраний российских музеев в XX веке, значительно расширив их состав, становится все более и более масштабным явлением: появляются новые ценные сведения о коллекционерах и их увлечениях, сами изучаемые предметы позволяют более полно представить тот или иной период в истории искусства. И, несмотря на утверждение В. Беньямина, частные коллекции, становясь доступными обществу по разным причинам, вновь обретают свое значение и обнаруживают интерес не только среди исследователей, но и среди ценителей искусства, любителей и обывателей как нечто загадочное, позволяющее проникнуть в частный мир их бывшего владельца.

Литература

1. *Беньямин В.* Я распаковываю свою библиотеку / пер. с нем. Н. Тишковой. URL: <http://redkayakniga.ru/biblioteki/item/f00/s00/z0000017/st032.shtml> (дата обращения: 25.11.2016).
2. *Бодрийар Ж.* Маргинальная система: коллекция // Система вещей. М., 1995. 95 с.
3. Коллекционирование // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978.
4. *Шпет Г. Г.* Философия и психология культуры: избранное / отв. ред. Т. И. Артемьева, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева. М. : Наука, 2007. 478 с.

УДК 7.01+7.067.3

Пруцких Елизавета Дмитриевна,
магистрант 1-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

СОЦИАЛЬНАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

В данной работе рассматривается проблема переноса ориентированности искусства эстетической на социальную направленность. Утверждается, что существующая парадигма эстетической оценки искусства теряет свою актуальность в дискурсе современного социально ангажированного искусства.

Ключевые слова: современное искусство; социальное искусство; социальная ангажированность.

Prutskikh Elizaveta Dmitrievna,
1-year student of the Master's program of the
Department of Philosophy
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE SOCIAL ENGAGEMENT OF CONTEMPORARY ART

Article explores the problem of transferring orientation in art that turns from aesthetic to social paradigm. The author's point of view is that the existing paradigm of aesthetic evaluation of art loses its relevance in the discourse of modern socially engaged art.

Keywords: contemporary art, social art, social engagement.

«Какое искусство не ангажировано социально?» – таким вопросом задается Клэр Бишоп в одном из своих интервью [1]. Действительно, процесс создания произведения искусства и его «задокументированный» результат – это ситуации, в которых художник запускает потенцию для возникновения социальных отношений. Искусство сейчас переносит акцент с эстетического аспекта на социальные вопросы. В меняющемся социальном мире преобладание долгосрочных музейных экспозиций сменяется приоритетом временных инсталляций; укореняется направленность на скоропереходящие процессы и события, нежели на конкретный объект. Первенство процесса творения, зародившегося в начале истории перформативности, сменяется на первенство процесса восприятия произведения искусства зрителем, а автономное авторство сменяется расширением форм сотрудничества и участия. Все эти (и многие другие) изменения означают то, что современное искусство заявляет о своей социальной включенности.

В связи с данной тенденцией возникает огромная проблема восприятия и истолкования социально ангажированного искусства. Одно из главных клише, которого стоит избегать при восприятии, оценивании и теоретизации социально-ангажированного искусства, – это ожидание получить от него конкретную социальную выгоду здесь и сейчас. Такой подход является краткосрочным

в рамках исторической перспективы, а также обходит стороной тот факт, что даже в современном социальном искусстве художник остается в первую очередь художником. Он не стремится встать на позицию социального работника. То, что современный зритель готов добровольно прийти и поучаствовать в том или ином художественном проекте, – показатель «запуска» социальных отношений, а значит, социальный результат, на который может претендовать художник, уже достигнут. На сегодняшний день это ярко иллюстрируют различные биеннале современного искусства (например, Уральская индустриальная биеннале современного искусства), анализирующие способности и потенциалы искусства к освоению и преобразованию окружающего мира и свидетельствующие о том, что социальное пространство не покоряется искусством мгновенно, однако запускается уникальный процесс, маркирующий начало тех или иных социальных изменений.

Также существует проблема оценивания социального искусства. Парадигма эстетического восприятия и оценивания искусства в полной мере не раскрывает эмоциональную и социальную направленность современного искусства. Искусство включает в себя некоторый аспект «непонятности», который предполагает эмоциональный отклик зрителя. Социальное искусство работает не только на художественном, но еще и на социальном уровне. Изменение парадигмы восприятия искусства является одной из предпосылок изменений музейного пространства. Сам концепт современного музея можно описать как пространство объективного взаимодействия между позициями; некий микрокосм, социальное пространство, преисполненное взаимодействиями и коммуникациями. Современный музей несет в себе принципиально новое понимание искусства, художника и зрителя; выстраивание нового типа художественной коммуникации, где публика – это не молчаливые зрители, цель которых лишь получить некое визуальное и эстетическое наслаждение от того, что они видят. Музей больше не является только хранилищем художественной информации (художественных произведений), он начинает «говорить» со зрителем, вступать с ним в прямую коммуникацию посредством инсталляций, выставок, художественных проектов, пер-

формансов и т. д. Современное музейное пространство – потенциальная площадка для осуществления социальных коммуникаций искусства со зрителем.

Литература

1. Бишоп К. Социально ангажированное искусство нужно оценивать только эстетически // Open space: архив. URL: <http://os.colta.ru/art/events/details/16799/> (дата обращения: 28.03.2017).

УДК 7.036

Ризнычок Ирина Андреевна,
аспирант департамента
«Факультет искусствоведения
и социокультурных технологий»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета;
старший научный сотрудник сектора
отечественного искусства XX века
Екатеринбургского музея изобразительных искусств

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ В США (1960–1980-е): ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТ ЗАРУБЕЖНОГО ИСКУССТВА

Рассматривается проблема включения творчества русских художников-эмигрантов третьей волны в контекст зарубежного искусства. Автор обнаруживает, что у различных исследователей отсутствует единое мнение на этот счет, и предлагает рассматривать творчество художников-эмигрантов сразу в нескольких контекстах: советском, ближнего окружения (русской художественной эмиграции в США) и зарубежном.

Ключевые слова: русская эмиграция; третья волна; советские художники в США; интеграция в зарубежный контекст; социокультурная адаптация.

Riznychok Irina Andreevna,
1-year student of the PhD program
of the Department of Art History and Sociocultural Technologies
Institute for Arts and Humanities
Ural Federal University;
Senior researcher of the Sector of Russian Art of the XXth century
Ekaterinburg Museum of Fine Arts

RUSSIAN ARTISTS IN THE USA (1960–1980s): THE PROBLEM OF INTEGRATION INTO THE FOREIGN ART CONTEXT

Article examines the problem of inclusion of the third wave of Russian émigré artists in the United States into American art context. The author finds a lack of consensus on this subject among various researchers and proposes to consider the work of émigré artists in several contexts: soviet art, the circle of Russian artistic emigration and foreign ones.

Keywords: russian emigration, the third wave, soviet artist in the USA, integration into the foreign context, sociocultural adaptation.

На сегодняшний день культура русской художественной эмиграции является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. По ряду причин наиболее изученной является ее «первая волна», тогда как советская художественная эмиграция «третьей волны» (1960–1980-е) исследована менее основательно.

В 1960–1980-е годы из страны уезжали зрелые мастера, которым в силу обстоятельств не удалось реализовать свой потенциал в рамках советской системы. США, и Нью-Йорк в частности, привлекали художников культурой открытости и новыми возможностями. Наиболее успешными в среде русских эмигрантов стали представители соц-арта (А. Комар и В. Меламид, Л. Соков, А. Косолапов) и концептуализма (И. Кабаков): именно эти направления стали наиболее близки и понятны американскому зрителю, тогда как художники традиционного толка остались в стороне от американской арт-сцены.

Таким образом, одной из наиболее важных становится проблема включения творчества русских художников-эмигрантов в контекст зарубежного искусства. На этот счет существуют радикально отличные мнения. Так, А. Толстой утверждает, что феномен творчества эмигрантов «третьей волны» следует рассматривать как часть европейской американской, израильской культуры конца XX столетия [1]. Подобной же позиции придерживаются Е. Барбанов [2] и Д. Каспит [3].

Между тем многие исследователи приходят к выводу, что русские художники «третьей волны» эмиграции так и не оказались включенными в мировой художественный контекст, оставшись в рамках советской культуры и отстав на многие десятилетия от зарубежного художественного опыта. В частности, это мнение разделяют А. Якимович [4] и В. Тупицын [5].

Цель исследования – выявить механизмы включения русских художников-эмигрантов в контекст американского и международного искусства, оценив значимость их вклада в развитие зарубежной художественной жизни.

Подобное исследование опирается на предположение о том, что творчество русских художников-эмигрантов следует рассматривать сразу в трех измерениях: советском (официальном или неофициальном), ближнего окружения (русской художественной эмиграции в США) и зарубежном (американском и международном).

В ходе изучения творчества отдельных мастеров, эмигрировавших в США в 1960–1980-е годы, мы будем ориентироваться на модели и подходы, выработанные А. В. Толстым и сформулированные в рамках его фундаментальной работы «Художники русской эмиграции» (2005). В качестве метода планируется использовать архивные исследования (каталоги выставок, отзывы в американской прессе), а также интервьюирование непосредственных участников процесса: художников-эмигрантов, галеристов и коллекционеров советского искусства в США.

Подобный опыт исследования призван расширить и обогатить представление о феномене русской художественной эмиграции

«третьей волны» в США, выявив его характерные особенности как части мирового художественного процесса.

Литература

1. Толстой А. В. Художники русской эмиграции. Istanbul-Београд-Praha-Berlin-Paris / А. В. Толстой. М. : Искусство-XXI в., 2005. 383 с.
2. Барабанов Е. Искусство в дельте альтернативной культуры // Forbidden art: The Postwar Russian Avant-Garde. New York : Distributed Art Publishers, 1998. 326 p.
3. Каспит Д. Нью-Йорк – Москва, Москва – Нью-Йорк: душевные метания русского художника-иммигранта // Forbidden art: The Postwar Russian Avant-Garde. New York : Distributed Art Publishers, 1998. 326 p.
4. Якимович А. К. Полеты над бездной. Искусство. Культура. Картина мира. 1930–1990. М. : Искусство-XXI в., 2009. 461 с.
5. Тупицын В. «Другое» искусство: Беседы с художниками, критиками, философами: 1980–1995 гг. М. : Ad Marginem, 1997. 349 с.

УДК 72.03

Соколова Елена Александровна,
бакалавр 3-го курса департамента
«Факультет искусствоведения и социокультурных технологий»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

КЕНГО КУМА. НОВОЕ ВИДЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В данной статье рассматриваются здания, спроектированные Кенго Кума, в которых главным элементом становится дерево. Являясь носителем японских традиций, архитектор трансформирует здание как место общения людей и природы. Древние положения в японской натурфилософии

софии обретают новое прочтение в новых коммуникативных потребностях общества.

Ключевые слова: японская архитектура; деревянная архитектура; традиции; современность.

Sokolova Elena Aleksandrovna,

3-year student of the Department of Art History and Sociocultural

Technologies

Institute for Arts and Humanities

Ural Federal University

KENZO KUMA. NEW VISION OF JAPANESE WOODEN ARCHITECTURE

This article examines the buildings designed by Kenzo Kuma, in which the main element is a tree. Being the bearer of Japanese traditions, the architect transforms the building as a place of communication between people and nature. Ancient postulates in Japanese natural philosophy acquire a new vision in communicative needs of society.

Keywords: japanese architecture, wooden architecture, tradition, contemporaneity.

В начале XXI в. остекленные высотные здания становятся единообразными и обезличенными. Здания следуют нескольким простым принципам: высотность для увеличения площади пространства и использование стекла как прозрачного материала, способного проводить тепло и защищать от внешней среды. Небоскребы, безусловно, являются достижением в архитектуре, благодаря которому пространство используется экономно, разумно, но с эстетической точки зрения многоэтажные конструкции нередко обезличивают панораму города. Выделяясь своим высоким силуэтом и гладкой зеркальной поверхностью при отсутствии оригинальной художественной идеи они делают однотипным современный облик города.

Современный мир японской архитектуры, напротив, держится на балансе традиционных форм и передовых идей архитекторов,

которые тщательно перерабатываются, чтобы придать деталям или зданию современность прочтения в сложившихся архитектурных кодах. Японский архитектор Кенго Кума является ярким примером человека, которому интересны манипуляции с необычными формами в зданиях. Использование традиционного материала – дерева – подчеркивает его желание придать зданию новое звучание.

Цель исследования – проанализировать функциональную и идеологическую составляющие в архитектуре Кенго Кума. Задачи исследования – выделить предпочитаемые материалы для строительства, геометрические формы, которые зодчий использует в проектировании; выделить социальную значимость современной японской архитектуры и построек К. Кума в частности.

В древнейшей архитектуре Японии дерево как материал было священно. Деревянные храмовые постройки почти лишены окраски и украшений. Такой подход сохранял связь материала с миром природы и даже углублял эти связи, открывая в дереве качества скрытые, но опять же причастные к обожествляемой природе [1, с. 17–18]. Общение с природой как обязательная составляющая натурфилософии до сих пор остается важным для японцев, для чего требуется место, где много открытого пространства.

В своих архитектурских проектах (Lotus House, 2005; кафе Kureon, 2011; Sunny Hills Japan, 2013 и др.) Кенго Кума создает открытые площадки, рекреации, подобно средневековым верандам, чтобы направить сложившееся отношение японцев к природе на социальные связи общества. Особенностью конструкций архитектора также является то, что он использует пустое пространство, которое позволяет установить постоянный визуальный контакт между социумом, природой и зданием. Для К. Кума традиционные идеи в японском искусстве об естественных фактурах трансформируются в область социального. Архитектор называет свои деревянные здания «слабыми». Возможно, архитектор считает, что человек не чувствует себя комфортно в монолитных железобетонных стенах, а, напротив, природное начало материала и человека выступает как объединяющий фактор.

«Я хочу уничтожить архитектуру»: именно эта фраза является одной из любимых изречений архитектора. Именно этими словами японец подчеркивает, что хочет стереть границы архитектурного объекта, окружающей его среды, взаимодействия людей, чтобы каждый элемент дополнял и составлял единое и гармоничное пространство для социальных коммуникаций.

Литература

1. *Бродский В. Е.* Японское классическое искусство. Живопись. Графика: очерки. М. : Искусство, 1969. 287 с.

УДК 7.036

Усольцева Светлана Александровна,
магистрант 1-го курса департамента
«Факультет искусствоведения
и социокультурных технологий»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

АКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ЗРИТЕЛЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1990-е гг.: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Автор рассматривает появление термина «актуальное искусство» в России, стратегии взаимодействия актуального искусства и зрителя в Свердловске/Екатеринбурге в хронологическом порядке на примере художественных проектов, творческих объединений и отдельных авторов. Также в тексте анализируется место и роль художника и зрителя в проектах современного искусства в Екатеринбурге и их влияние друг на друга.

Ключевые слова: зритель; актуальное искусство; современное искусство; перформансы; медиaproстранство.

Usoltseva Svetlana Aleksandrovna,
1-year student of the Master's program
of the Department of Art History and Sociocultural Technologies
Institute for Arts and Humanities
Ural Federal University

CONTEMPORARY ART AND AUDIENCE IN EKATERINBURG IN 1990s: THE STRATEGIES OF INTERACTION

By taking art projects in chronological order the author defines and analyzes the strategies of interaction between contemporary art and audience in Sverdlovsk/Ekaterinburg, as well as reflects on the role that both the artist and mass audience play in contemporary art projects and how they influence each other.

Keywords: audience, contemporary artist, contemporary art, performances, media space.

Термин «современное искусство» (contemporary art) пришел в искусствоведческую лексику на смену «модернистского искусства» (modern art) после Второй мировой войны, а впервые его использовала в 1969 г. Розалинд Краусс – крупнейший теоретик искусства второй половины XX в. В нынешнем своем виде современное искусство сформировалось на рубеже 1960–1970-х гг.

В силу исторических и лингвистических особенностей в России в 1990-е гг. чаще использовался термин «актуальное искусство», обозначающий тяготение к новаторским, радикальным формам художественного творчества, использование новых технологий и приемов. Казалось, актуальное искусство, как и авангардные направления начала XX в., стремилось быть ближе к зрителю, становилось частью его публичной жизни, однако зачастую искусством не воспринималось.

В Екатеринбурге/Свердловске подобные взаимоотношения современного искусства со зрителем начали складываться еще в 1960–1980-е годы в сфере андеграундной культуры, включавшей такие явления, как так называемая «Уктусская школа» (А. Таршиш, С. Сигей, В. Дьяченко, Е. Арбенев), творчество В. Жукова, Н. Федореева, Е. Малахина и др. В этот период преобладала монологи-

ческая форма искусства, нацеленная на индивидуального зрителя, причем чаще всего из круга посвященных.

В 1990-е гг. ситуация изменилась. Актуальное искусство стало смело вторгаться в публичное пространство города и вовлекать в свои действия зрителя. Стрит-арт работы Старика Б. У. Кашкина и общества «Картинник», перформансы и художественные акции (галерея «Атомная провинция» – «Искусство», 1993 и др.) активно включали зрителя в сам художественный проект. Существенно расширилось воздействие на зрителя за счет выхода искусства в медиaprостранство, где телевидение стало виртуальной экспозиционной площадкой и мощным транслятором актуального искусства на огромную аудиторию. Например, благодаря спецпроектам Телевизионного агентства Урала (ТАУ) миллионная публика Екатеринбурга и Свердловской области узнала об акционизме в его самых радикальных формах («История Ихтиандра», А. Голиздрин, 1998), более близких жанру художественного триллера, нежели документальности телевидения.

В эти годы художники нередко брали на себя роль ведущих и продюсеров, сами создавали альтернативные телевизионные программы. Так, в 1998 г. в эфире Свердловской государственной телерадиокомпанией (СГТРК) выходила еженедельная «Галерея Арт-клипов» студии U-7 TV (Екатеринбург), авторами и ведущими который были художники А. Вяткин, В. Давыдов, использовавшими в визуальном решении передач о современном искусстве сами его приемы и язык.

Воздействие современного искусства на массового зрителя еще более усилилось в 2000-е г., когда для художников городская среда нередко становилась своего рода музеем или галереей: в рамках фестиваля «Длинные истории Екатеринбурга» (2003–2009) создавались публичные произведения нового типа (А. Вяткин «Памятник клавиатуре», 2005 и др.). В них зритель уже не ощущал четких границ между искусством и повседневной жизнью, но превращался из наблюдателя в соучастника, а порой и соавтора.

Таким образом, актуальное искусство отвечало демократическому свободолобивому характеру 1990-х. Художники сознательно эпатировали публику, которая далеко не всегда отвечала им

симпатией. В итоге таких стратегий взаимодействия даже самые активные участники художественного процесса были вынуждены либо сменить сферу деятельности, либо создавать произведения уже в других направлениях.

УДК 7.074+7.067

Черкасова Дарья Алексеевна,
бакалавр 4-го курса департамента
«Факультет искусствоведения и социокультурных технологий»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН ГЕРТРУДЫ СТАЙН В ПАРИЖЕ (1910–1930-е) КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЗНАКОМСТВА, СВЯЗИ, ВЛИЯНИЯ

Рассматривается проблема художественного салона как пространства, организующего различные творческие инициативы. На примере интернационального салона Гертруды Стайн прослеживаются связи между деятелями искусства различных национальностей.

Ключевые слова: Париж; художественный салон; Гертруда Стайн.

Cherkasova Daria Alekseevna,
4-year student of the Department of
Art History and Sociocultural Technologies
Institute for Arts and Humanities
Ural Federal University

GERTRUDE STEIN'S PARIS ART SALON (1910s-1930s) AS AN INTERNATIONAL COMMUNICATIVE SPACE

In this article examines the problem of communicative and creative potentials of an art salon. The author takes Gertrude Stein's art salon as an example of international space that brings together different art figures.

Keywords: Paris, art salon, Gertrude Stein.

Фигура Гертруды Стайн (1874–1946), писателя, коллекционера, покровителя художников, играла важную роль в мире парижского изобразительного искусства первой трети XX в. Между тем эта сторона ее деятельности изучена гораздо меньше, чем литературная. Как правило, она лишь кратко освещается в биографической литературе: в работах Д. Бриннина (1959), Ф. Дж. Хоффмана (1961), Р. Бриджмана (1971), И. Басса (Жизнь и время Гертруды Стайн, 2013). При этом исключительное внимание уделено взаимоотношениям Стайн с Пикассо и Матиссом (В. Гироуд. «Пикассо и Гертруда Стайн» (2007); Н. В. Геташвили. «Пикассо и Гертруда Стайн: перекрестье окрестностей» (2006) и др.). Лишь в книге Дж. Меллоу «Зачарованный круг: Гертруда Стайн и компания» (1974) сделана попытка рассмотреть художественное окружение писательницы как единую среду.

Показательны и важны для раскрытия данной темы художественно-исторические реконструкции деятельности Стайн в форме выставочных проектов. В последние годы их появилось несколько: крупные экспозиции «Seeing Gertrude Stein: Five stories» (Современный еврейский музей, Сан-Франциско, 2011), «The Steins Collect: Matisse, Picasso, and the Parisian Avant-Garde» (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, 2011), а также более общие выставки «Париж-Нью-Йорк» (Центр Жоржа Помпиду, Париж, 1977) и «Салон де Флерюс» (передвижная, Нью-Йорк, работает с 1992). Они воссоздают не только коллекции Гертруды и Лео Стайнов и их старшего брата Майкла, но и саму атмосферу салона, состав его участников. То есть феномен художественного салона как характерной для Парижа первой трети XX в. социально-культурной структуры, как традиционного места встреч творческой интеллигенции, группирующейся вокруг хозяйки, изучен недостаточно.

Художественно-литературные салоны в Париже имеют давнюю традицию. Они становились популярным благодаря личности его владельцев (часто это были именно известные женщины, такие, например, как Айседора Дункан). К такому типу относится и салон Стайн, который был, пожалуй, самым известным в Париже в те годы.

Будучи американкой, Стайн большую часть жизни (с 1903 г.) провела во Франции. Ее салон располагался в собственной квартире на улице Флерюс, 27. В разное время он объединял деятелей самых разных видов искусств разных национальностей: художников (П. Пикассо, А. Матисс, Х. Грисс, А. Руссо, Ж. Брак, М. Жаккоб, Ф. Пикабия, П. Ф. Челищев), скульпторов (Ж. Липшиц, Д. Дэвидсон), писателей (Г. Апполинер, Э. Хемингуэй, К. ван Вехтен), композиторов (Э. Сати, В. Томпсон) и др. На протяжении более тридцати лет своего существования салон менял «ориентацию» в зависимости от интересов самой Стайн [4]. В 1905–1910-е гг. Стайн держала салон вместе со своим старшим братом Лео (1872–1947), создав «междисциплинарное» творческое пространство; в 1920-е салон стал практически полностью литературным, а в конце 1920-х – 1930-е опять стал художественным и объединил молодых живописцев.

Интерес к изобразительному искусству пробудился у Стайнов именно в Париже. Салон начался с художественной коллекции, которую собирали Гертруда и Лео. Она привлекала к себе огромное внимание зрителей, поскольку объединяла работы передовых художников-модернистов и сама влияла на формирование других собраний: например, именно здесь С. И. Щукин познакомился с картиной Матисса «Музыка» (1907, Нью-Йоркский музей современного искусства), заказал художнику панно «Танец», «Музыка» (оба – 1910, Государственный Эрмитаж) и незавершенное «Купание, или медитация» [1; 3]. Коллекция была открыта для любого желающего; со временем принимать посетителей стали только по субботам.

Салон позволял устанавливать связи между современниками и способствовал формированию тенденций, определявших впоследствии творческий метод отдельных его представителей. Так, переходный этап в творчестве Пикассо, приведший к зарождению кубизма, связан как раз с пребыванием в салоне, знакомством с образцами африканского искусства и работой над портретом самой Стайн (1905/6, музей Метрополитен) [2]. Представленные в коллекции работы кубистов повлияли на следующее поколение художников, обосновавшихся в салоне в 1920-е гг. (в особенно-

сти на П. Ф. Челищева) [5]. Сама Стайн предпочитала работать над проектами с близкими ей участниками салона: в принесшей ей всемирную популярность опере «Четверо святых в трех актах» (1933), например, она написала либретто, а Вирджил Томпсон – музыку. Стайн выступала как публицист и публиковала заметки о деятелях искусства, входящих в ее круг, как во французских изданиях, так и в иностранных (именно благодаря Стайн и ее семье картины Матисса и Пикассо стали известны в Америке).

Ситуация встреч и взаимодействия разных национальных культур чрезвычайно характерна для Парижа первой трети XX в. – мировой художественной столицы, породившей такое явление, как интернациональная Парижская школа. Долгое и успешное существование салона Гертруды Стайн представляется важным фактором формирования подобной художественной ситуации.

Литература

1. Басс И. Жизнь и время Гертруды Стайн [Электронный ресурс] 2013. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1025011>.
2. Гетаишвили Н. В. Пикассо и Гертруда Стайн: перекрестье окрестностей // Пикассо и окрестности: сб. ст. М. : Прогресс-Традиция, 2006.
3. Турчин В. С. Два кубизма: диалог «Париж – Москва и Петербург» // Пикассо и окрестности : сб. ст. М. : Прогресс-Традиция, 2006.
4. Стайн Г. Автобиографии каждого. KOLONNA Publications, 2014.
5. Kirstein L. Tchelitchev. Santa Fe, New Mexico : Twelvetreepress, 1994. 179 p.

Раздел третий

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).083.3

Беспалова Ксения Андреевна,
магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Уральского федерального университета

РОЛЬ КАПИТАНА САДУЛЯ В ПЕРЕГОВОРАХ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ И ВОЛОГДЕ В 1918 ГОДУ

В статье автор кратко рассматривает деятельность капитана Садуля в России. Снискав доверие в большевистских кругах, он докладывал французскому руководству о планах большевиков, участвовал в подготовке к мирным переговорам в Брест-Литовске и в обсуждении позиции США относительно японской интервенции в Сибири.

Ключевые слова: Жак Садуль; мирные переговоры; Ленин; Троцкий; Французская военная миссия.

Bespalova Ksenia Andreevna,
1-year MA graduate student of the
department «Historical Faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE ROLE OF CAPTAIN SADOUL IN THE NEGOTIATIONS IN BREST-LITOVSK AND VOLOGDA IN 1918

In the article the author briefly reviews the activities of Captain Sadoul in Russia. Having gained confidence in the Bolshevik circles, he reported to the French leadership about the plans of the Bolsheviks, participated in the preparations for the peace negotiations in Brest-Litovsk and in the discussion of the USA position concerning the Japanese intervention in Siberia.

Keywords: Jacques Sadoul, The Peace negotiations, Lenin, Trotsky, The French Military Mission.

С октября 1917 года к Французской военной миссии был командирован член Социалистической партии Франции, секретарь министра вооружений А. Тома, капитан Жак Садуль. По заданию министра он регулярно направлял во Францию доклады о положении и перспективах социализма в России министру, генералам-главам миссии, а также некоторым своим друзьям, например писателю Р. Роллану и социалисту Ж. Лонге. Все эти письма были опубликованы в Берне, затем Петрограде и Париже в 1920 году единым сборником под названием «Записки о большевистской революции» [1, Ч. 1, с. 57].

26 октября 1917 года капитан познакомился с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким [2, с. 35], с которыми впоследствии ему удалось очень сблизиться. Садуль стал свидетелем революционных событий и ежедневно докладывал все, что удалось увидеть и услышать.

Капитан сообщал французскому правительству о ходе переговоров в Брест-Литовске. Троцкий даже предлагал Садулю участвовать в них, но он отказался, понимая, что это вызовет огромный политический скандал [2, с. 141], ведь в России он находился в качестве военнослужащего, а не политика. В рапорте от 25 ноя-

бря 1917 года Ж. Садуль приписал к личным заслугам условия, которые были предъявлены Центральным державам в ходе мирных переговоров [2, с. 109]. В целом можно допустить, что в виду ежедневных встреч с капитаном некоторые его идеи могли понравиться Ленину и Троцкому, и даже стать частью предложенных ими условий мирного договора, но этот факт не имеет документального подтверждения.

Доверие к капитану со стороны большевистского правительства росло с каждым днем. В записках за 2 марта 1918 года Ж. Садуль отметил, что Ленин и Троцкий предложили ему командировку в Вологду для обсуждения с находящимся там послом США американскую позицию относительно японской интервенции в Сибири. Интервенция была не только враждебна по отношению к России, но и шла вразрез с интересами союзников Японии [2, с. 197]. Предложенная капитану дипломатическая миссия поставила в тупик находящегося тогда на посту главы ФВМ генерала Нисселя, потому как Садуль находился в России исключительно как военный, а не как политик. В итоге Ж. Садуль все-таки поехал в Вологду в качестве неофициального частного лица [2, с. 199]. Эта встреча была достаточно плодотворной. Капитан даже писал после, что обращение Вудро Вильсона к Советам (имеется в виду телеграмма IV Всероссийскому чрезвычайному съезду Советов) могло быть результатом его поездки в Вологду [2, с. 210].

За первый год в России капитан проникся идеями революции и впоследствии стремился распространить коммунистические идеалы как по всей России, так и в родной Франции. Садуль пропагандировал перспективы большевистского режима, выступая в печати, издавая брошюры [3] и различные обращения к французским рабочим и солдатам [4]. За эту противоречащую официальной политике Франции деятельность премьер-министр Ж. Клемансо в телеграмме от 27 октября 1918 года генералу Лаверню требовал немедленного отзыва Ж. Садуля на родину [5], но капитан ослушался, остался в России и до 1924 года работал на Советскую власть.

За время его отсутствия на родине Военный суд в 1919 году заочно приговорил его к смертной казни по подозрению в дезертир-

стве и подстрекательстве солдат вступить в ряды Красной армии. В апреле 1925 года по результатам следствия Жак Садуль был оправдан и отпущен на свободу ввиду отсутствия состава преступления.

Литература

1. Беспалова К. А. Лейтенант Плено о большевистском движении и деятельности французских сторонников большевизма в России // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания : ежегодник // XXI Всерос. ист.-пед. чтения : сб. науч. ст. : в 2-х ч. Екатеринбург, 2017. Часть I. С. 56–63.
2. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1918. М. : Книга, 1990. 400 с.
3. *Sadoul J.* Vive la République des Soviets! Moscou, 1918. 72 p.
4. Appel du Capitaine Sadoul aux ouvriers de France (19 Novembre 1918) // Service historique de la Défense, Terre (SHD/T) 7 NN2013.
5. *Clémenceau J.* Le Président du Conseil, Ministre de la Guerre à l'Attaché Militaire de France à Copenhague (Paris, le 27 Octobre 1918) // SHD/T 7 NN2013.

УДК 903

Булакова Екатерина Александровна
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР И МОГИЛЬНИКА НЕПЛЮЕВСКИЙ)

В статье кратко рассматриваются особенности понятия археологический источник и методика работы с ним. Приводятся варианты реконструкций на примере археологических источников, полученных при работе на памятниках бронзового века укрепленное поселение Каменный Амбар и курганный могильник Неплюевский.

Ключевые слова: археология; бронзовый век; археологический источник; реконструкция.

Bulakova Ekaterina Aleksandrovna

1-year student of the department «Historical faculty»

Institute of Humanities and Arts

Ural Federal University

RECONSTRUCTION OF ANCIENT SOCIETY LIFE STYLE: EXAMPLE OF THE SETTLEMENT KAMENNY AMBAR AND THE NEPLUJEVSKY CEMETERY

The article briefly discusses the features of the concept of the archaeological source and methods of working with them. The variants of reconstructions are given in the example of archaeological sources obtained during the work on the monuments of the Bronze Age: fortified settlement of Kamenny Ambar and the Neplujevsky Cemetery.

Keywords: archaeology, Bronze Age, archaeological sources, reconstruction.

Археолог реконструирует образ жизни обществ прошлого на основе полученных им материалов, которые носят название археологических источников. Для исторической науки в целом источники представляют собой важное звено в механизме отражения. Именно они обеспечивают посредство между познаваемой действительностью (прошлым) и субъектом познания (историком-исследователем) [1, с. 62]. В случае с археологическими источниками трудность познания связана не только с их обнаружением во время полевых работ, но и с их качественной интерпретацией в поле и при дальнейшей камеральной обработке. Это отражено в определении данного фундаментального понятия. Археологический источник – древний вещественный источник, вещь (или комплекс вещей), относительно которой информация о ее (его) функциях, связях, близко родственных вещах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению (для восстановления требуется система методических средств) [1, с. 258].

Исходя из данной установки, работу на археологическом памятнике можно условно разделить на три уровня реконструкций, каждый из которых сопровождается применением своей методики.

Первый уровень: реконструкция предметной коллекции памятника. Примером является работа с керамическим комплексом. Керамика как наиболее массовый источник выступает в роли маркера культуры, источника для реконструкции гончарного производства и в некоторых случаях – для реконструкции текстильного производства [2, с. 69]. Это возможно, если речь идет о «текстильной» керамике, которая из-за особого технологического приема во время лепки сосуда сохраняет на внутренней стороне изделия (или фрагмента) оттиск текстильного переплетения [3, с. 80]. Визуальный и статистический анализ коллекции «текстильной» керамики с укрепленного поселения Каменный Амбар позволил проследить такую технологию у синташтинско-петровского населения на протяжении всего существования памятника [2, с. 73]. Типологическая обработка всей коллекции в целом помогла выявить культурные типы керамики и сделать ее хроностратиграфическое распределение [4, с. 30].

Второй уровень: реконструкция архитектурных объектов на памятнике, открытых в ходе многолетних археологических работ на поселении Каменный Амбар. На основании стратиграфии по результатам анализа строительных остатков и по распределению керамики внутри периода существования поселения выделено как минимум три строительные фазы, а также планировка улиц, визуальный образ построек и их назначение (жилые или хозяйственные). В ходе полевых работ использованы методы и инструментарий археологии (методы контекстуального анализа, хроностратиграфии, анализ пространственного распределения артефактов, трасологический метод), а также методы геофизики; в процессе изучения остатков построек применялись методы архитектурного моделирования, компьютерного проектирования и графики [5, с. 93].

Третий уровень реконструкции: воспроизведение информации непосредственно о населении. При работе с антропологическим материалом были воссозданы не только половозрастной

состав общества, но и выявлены такие особенности как патологии [6, с. 71]. Это стало возможным благодаря участию в работах полевого антрополога и последующему нарративному описанию костных останков.

Таким образом, применение надлежащих методик при работе с археологическими источниками обеспечивает максимальное извлечение информации и наиболее полное воссоздание образа прошлого.

Литература

1. Клейн Л. С. Археологические источники : учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Фарн», 1995.

2. Булакова Е. А. Керамика с текстильными отпечатками укрепленного поселения эпохи бронзы Каменный Амбар: опыт изучения // XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы Всерос. конф. с международным участием. 1–3 февраля 2017 г., г. Киров. Киров, 2017. С. 69–73.

3. Виноградов Н. Б. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья : межвузов. сб. Куйбышев : Куйбышев. гос. ун-т, 1985. С. 79–84.

4. Пантелеева С. Е. Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар: типологический анализ // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 22–31.

5. Корякова Л. Н., Кузьмина С. А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н. э. // Урал. ист. вестн. № 1 (54). 2017. С. 92–102.

6. Шарпова С. В., Гольева А. А., Корякова Л. Н., Краузе Р., Луайе Ж. Детские погребения Могильника Неплюевский в Южном Зауралье (предварительные результаты) // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международ. конф. г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Вып. 5 : в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. С. 70–73.

Ветошкина Таисия Ильинична,
магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Уральского федерального университета

ЦИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛАЗАМИ ДЖОНА ТОМСОНА

Статья посвящена конструированию и описанию образа общества Цинской империи на основе работ шотландского фотографа Джона Томсона.

Ключевые слова: образ Цинской империи; Джон Томсон; общество; фотография.

Vetoshkina Taissia Il'ichna,
1-years graduate student of the
department «Historical faculty
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE SOCIETY OF QING EMPIRE THROUGH THE EYES OF JOHN THOMSON

The article is dedicated to the construction and describing of the image of Qing society based on the analysis of works by Scottish photographer John Thomson.

Keywords: the image of Qing society, John Thomson, society, photography.

К началу XIX столетия Цинскую империю, как и прежде, окутывала пелена неизвестности и таинственности. Однако постепенно все меняется, и к середине века происходит первое масштабное столкновение Китая и Запада. С этого времени Цинская империя начинает терять свое былое могущество и величие: с уверенностью можно сказать, что к началу XX в. она превращается в полуконию.

Следствием насильственного «открытия» Китая в середине XIX в. является постепенное формирование многогранного образа страны, которому присущи как старые, так и абсолютно новые черты. С середины XIX в. в Цинскую империю хлынули путешественники, желающие воочию увидеть далекую восточную страну. Также в это время появляется абсолютно новый исторический источник – фотография. Одни из первых сохранившихся снимков Цинского Китая были сделаны во время второй Опиумной войны британским фотографом Феликсом Беато.

Однако по-настоящему огромное и разнообразное наследие оставил другой первопроходец фотосъемки в Китае – Джон Томсон (1837–1921) [1]. Он одним из первых побывал на Дальнем Востоке и запечатлел его жителей и их культуру на фотографиях. В целом Томсон пробыл в Китае около четырех лет (1868–1872). Итогом его проживания там стал четырехтомник «Фотографии Китая и его жителей» (*Illustrations of China and Its People*) [1], который включает в себя двести снимков с пояснениями автора. Сопровождающие подписи позволяют оживить изображение и поместить его в определенный исторический и культурный контекст.

Следует отметить, с одной стороны, Томсон был человеком, по-настоящему любившим Цинскую империю, ее культуру и традиции, с другой – являлся представителем западного общества, впитавшим глубоко укоренившиеся стереотипы о Востоке. Однако такая двойственность несколько не умаляет ни его заслуг, ни уникальности его фотографий как источника.

Каким же увидели британцы цинское общество после знакомства с работами Томсона? Во-первых, им бросилась в глаза неоднородность китайского общества. Фотограф был первым, кто запечатлел отсутствие национальной монолитности империи: на его снимках можно увидеть ханьцев, маньчжуров, монголов и др. Он отметил ряд отличий и особенностей, присущих разным народам [2]. Помимо этого, Томсон сделал акцент на разницу культур и традиций в каждой отдельно взятой провинции. Особый интерес представляют снимки, сделанные путешественником в рамках поездки на Формозу, где он познакомился с бытом тайваньских аборигенов [2].

Отчетливо видно и социальное неравенство. Фотографу удалось сделать снимки и простолюдинов, и высокопоставленных чиновников, и знатных особ. Нищета и бедность, охватившие империю, соседствуют на фотографиях Томсона с роскошью одежд и пышностью аксессуаров высших слоев общества.

Снимки позволяют судить и о повседневной жизни китайцев, их рабочих буднях. Целые серии фотографий посвящены производству чая и шелка – основных предметов экспорта Цинской империи. Очень колоритны уличные фотографии: на них можно встретить человека, занимающегося ремонтом посуды, ночного стража, торговца антиквариатом, чиновника, владельца зоотропа, точильщика и многих других [2].

Среди работ Томсона есть довольно шокирующие для западного зрителя снимки, которые также приносили негативные черты в образ цинского общества. Один из самых ярких примеров – «лотосовые ножи» [3, р. 116]. Нельзя не упомянуть фотографии, посвященные наказаниям китайских заключенных и курению опиума.

Цинское общество того времени Джон Томсон увидел и показал как общество контрастов, в котором сосуществуют разные культуры и традиции, а нищета соседствует с роскошью. Фотограф создал образ, во многом приближенный к реальности, который существенно отличался от предыдущего. Он окончательно развеял миф о просвещенной конфуцианской империи, которую населяет лишь один народ.

Литература

1. *Hockley A. John Thomson's China: Illustrations of China and Its People* (1873–74). URL: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/john_thomson_china_01/index.html (дата обращения: 16.03.2017).
2. *Thomson J. Illustrations of China and Its people*. London, 1873 // *Visualizing Cultures*. Massachusetts Institute of Technology, 2013. URL: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/john_thomson_china_03/index.html (дата обращения: 17.03.2017).
3. *Yao Betty China – Through the Lens of John Thomson* (1868–1872). Bangkok: River Books, 2015. 168 p.

Градковская Екатерина Вадимовна,
бакалавр 4-го курса
департамента «Исторический факультет»
института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

«ОННА ДАЙГАКУ»: ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ ЯПОНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ В ЭПОХУ ЭДО (1603–1868)

Автором переведен трактат «Онна Дайгаку» («Великое поучение женщине»). На основе данного источника рассмотрен идеальный образ женщины в период Эдо, а также правила поведения, которые помогут девушке стать хорошей женой.

Ключевые слова: Япония; период Эдо; Токугава; Онна Дайгаку; поучение; Экикэн.

Gradkovskaya Ekaterina Vadimovna,
4-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

«ONNA DAIGAKU»: AN EXAMPLE FOR IMITATION OF A JAPANESE WOMAN IN THE EDO PERIOD (1603–1868)

The author translated the treatise «Onna Daigaku» («A Treasure Box of Women's Learning»). Based on this source, the ideal image of a woman in the Edo period, as well as the rules of behavior that help a girl to become a good wife, is considered.

Keywords: Japan, period Edo, Tokugava, Onna Daigaku, treatise, Ekiken, Treasure Box.

Период Эдо в истории Японии характерен широким развитием городов и, как следствие, усилением влияния горожан на общественную жизнь страны. В это время формируются новые идеологии, растёт роль новых учений, появляется множество трактатов.

Одним из таких трактатов является «Онна Дайгаку» («Великое поучение женщине»).

Японские исследователи [1] считают, что автором данного источника был Каихара Экикэн (1630–1714) – писатель, приверженец философского и идеологического направления, которое восходит к учению Чжу Си. Самая ранняя версия издана в 1-й год реформ Кёхо (1716). Каихара писал на простом доступном японском языке.

В своем поучении Каихара Экикэн обосновывает причину, по которой необходимо воспитывать девушку должным образом; говорит о воспитании девочки в родительском доме; подчеркивает, что главное предназначение женщины – это служение людям. Естественно, что девушка, находящаяся дома, полностью выполняют обязанности ради отца и матери. Однако, придя в дом мужа, она должна ценить свекра и свекровь выше своих родителей. Отсюда вытекают и обязанности жены, которые перечисляет автор: должна уметь шить одежды для родителей мужа, готовить еду, служить мужу, складывать одежду, подметать циновки татами, готовить еду, прясть и ткать, воспитывать детей, заниматься стиркой.

В случаях, когда жена не слушает родителей мужа, ревнива, бездетна, распущена, чрезмерно болтлива, имеет злокачественную болезнь или хоть малейшее желание красть, муж, как сообщает писатель, может уйти от нее. На протяжении жизни девушка должна не действовать по велению сердца, а подчиняться мужчине: отцу, мужу или (после смерти последнего) сыну. В заключение Экикэн говорит, что, придерживаясь данных правил, девушка будет хорошей женой, способной заботиться о семье, о крепкой семье.

В ходе исследования было переведено «Великое поучение женщине». Из данного источника следует, что семейная жизнь порядочной японской девушки в период Токугава была существенно регламентирована, социальная роль жены предполагала широкий круг ограничений, и в то же время именно она руководила домашними делами. Важно отметить, что браки заключались традиционно по сговору родителей, потому брачная жизнь напоминала службу. Таким образом, традиции военного сословия (служба вассала сюзерену) сказались и на семейных отношениях, что ярко отразилось и в использованном нами источнике.

Литература

1. 「大和撫子」のルーツ発見? 「女大学」全文公開! / Tanken. URL.: <http://www.tanken.com/onnadaigaku.html> (дата обращения 30.01.2016).

УДК 93

Жихарев Никита Александрович,
бакалавр 3-го курса
департаamenta «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЮГОСЛАВСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ В РАСПАДЕ СФРЮ

В статье рассматривается роль федеральной армии в распаде социалистической Югославии, отражение государственного кризиса и национальных противоречий на ее состоянии, структуру и боевой потенциал.

Ключевые слова: Социалистическая Федеративная Республика Югославия; государственный кризис; национальные противоречия; Югославская народная армия; факторы распада страны.

Zhikharev Nikita Aleksandrovich,
3-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

ON THE ROLE OF THE YUGOSLAV PEOPLE'S ARMY IN THE DECAY OF THE SFRY

The article examines the role of the federal army in the decay of Socialist Yugoslavia, the reflection of the state crisis and national contradictions on its state, structure and combat potential.

Keywords: Socialist Federal Republic of Yugoslavia, state crisis, national contradictions, Yugoslav People's Army, factors of the collapse of the country.

Вооруженные силы занимают важное место в жизни любого государства. Данная структура предназначена для защиты суверенитета государства, его территориальной целостности в случае агрессии, войны. Также армия является одним из важнейших орудий политической власти.

Системный кризис в Социалистической Федеративной Республике Югославия 1980–1990 гг. привел к развалу страны и ряду гражданских войн на ее территории. Одним из факторов, повлиявших на развитие этих событий, были политические процессы в союзных республиках Федеративной Югославии. Рост национализма, впоследствии начавшийся парад суверенитетов привели к масштабным гражданским войнам, основанным на этнических противоречиях.

Югославская народная армия (ЮНА) являлась гарантом суверенитета и государственности Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), наравне с Союзом коммунистов Югославии (СКЮ) и лидером страны и партии – Иосипом Броз Тито. После смерти последнего, власть в стране была под контролем президиума, который возглавляли представители от каждой союзной республики, сменявшиеся два года по принципу ротации. Таким образом, президиум СФРЮ и вся политическая структура подверглись размежеванию по национальному признаку. Союзные республики попадали под влияние «этнократических» [1, с. 7] элит, которые начинали продвигать свою политику и интересы.

В начале 90-х гг. XX в. Югославская народная армия также столкнулась с проблемой национализма, который парализовал ее структуру. Это означало, что даже единственные, кто был заинтересован в сохранении единой Югославии, начали защищать свои национальные интересы, а угрозой представлялись бывшие соседи.

Данный факт говорит о том, что армия как силовой орган государства не смогла должным образом отреагировать на распад страны. Генерал Велько Кадиевич в своих воспоминаниях изложил точку зрения на то, почему ЮНА не смогла отреагировать должным образом на начавшийся распад страны и войны на территории ее бывших республик. Сепаратизм мог быть пресечен силовым путем. Однако сама федеральная армия оказалась в залож-

никах государственной системы и подвергалась разложению по национальному признаку.

На законодательном уровне армии был нанесен урон еще в ходе конституционной реформы 70-х гг. XX в. Конституция 1974 г. нанесла удар в наиболее важном сегменте функционирования армии – командовании и руководстве [2, ст. 239, 242]. Она предоставила право республикам и автономным областям руководить местной обороной. На практике это означало введение в оборону «автономной анархии» [3, с. 45] и в тоже время профессиональной военной деятельности. Местная оборона стала армией республиканских и областных «этнократических» государств [3, с. 9]. Поэтому это одновременно говорило о возможной подготовке республиканских армий к их использованию против федеральной армии, при ее вмешательстве в дела республик – прогнозировал Кадиевич [2, с. 46].

Главная причина, не позволившая быстро и эффективно отреагировать на парад суверенитетов, – слабость армии, также пораженной национализмом. Сама федеральная армия оказывалась в заложниках государственной системы и подвергалась разложению по национальному признаку.

Но был и политический фактор. На одной из встреч Велько Кадиевича и Слободана Милошевича, президента Сербии, обсуждалась возможность взятия Югославской народной армией власти в свои руки ради наведения порядка в стране. Речь шла о так называемом «военном путче» [2, с. 85]. Однако штаб верховного командования выступил только с предложением о введении чрезвычайного положения.

По мнению Кадиевича, разрешение кризиса возможно было только при решительных действиях федеральной армии. Однако законодательная база и рост национализма способствовали упадку военной машины страны. «Начать военный путч после тех результатов, которые продемонстрировали первые многосторонние выборы и референдумы в Югославии, означало противопоставить ЮНА не националистическим лидерам, а всем народам, высказавшимся против Югославии как единого государства» [2, с. 23].

Литература

1. *Кадиевич В. Д.* Контрудар. М.: Освобожденная Сербия. 2007. 192 с.
2. Конституция СФРЮ 1974 г. URL: www.sovetika.ru/sfrj/konst031.htm (дата обращения: 22.03.2017).
3. *Волков В. К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.

УДК 94(47).072

Ившин Владислав Сергеевич,
бакалавр 2-го курса департамента
«Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ФРАНЦИИ В МАНИФЕСТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В статье рассматриваются проблемы изменения представлений о Франции в манифестах Отечественной войны 1812 года. Согласно мнению автора, идеологический характер войны во многом зависел от конструируемого образа противника. Отмечается, что Отечественная война и манифесты были важным фактором на пути к переоценке идей Просвещения элитой российского общества, способствовали ее консолидации.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года; А. С. Шишков; манифест; консерватизм; Александр I.

Ivshin Vladislav Sergeevich,
2-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

EVOLUTION OF REPRESENTATION OF FRANCE'S IMAGE IN MANIFESTS OF PATRIOTIC WAR OF 1812

The article examines the problems of changing perceptions of France in the manifesto of the Patriotic War of 1812. According to the author's opinion, the ideological nature of the war depended heavily on the designed image of the enemy. It is noted that the Patriotic War and manifestos were an important factor on the way to reassessing Enlightenment ideas by the elite of Russian society, and contributed to its consolidation.

Keywords: the Patriotic war of 1812, A. S. Shishkov, manifesto, conservatism, Alexander I.

Манифесты Отечественной войны 1812 г. являются относительно мало изученным эпизодом наполеоновской эпохи. Особенно недостаточно внимания уделялось эволюции репрезентации образа Франции в манифестах выделенного периода.

В разное время к манифестам обращались Д. А. Жаринов [1], М. Г. Альтшуллер [2], А. Ю. Минаков [3] и другие исследователи. Однако манифесты рассматривались тенденциозно, лишь как один из факторов консолидации и поднятия патриотического духа общества в годы войны.

С началом Отечественной войны 1812 г. наступил «звездный час» русских консерваторов [3, с. 178]. Ведущим идеологом и рупором Отечественной войны стал недавно назначенный на должность государственного секретаря А. С. Шишков. Его перу будут принадлежать манифесты, рескрипты и прочие документы канцелярии Александра I в годы войны. Манифесты, написанные при императоре, зачитывались по всей России, формируя у подданных образ противника.

Первые манифесты характеризуются некой сдержанностью, недосказанностью и оправданием перед народом начавшейся вой-

ны: «Кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные [попытки агрессии]...» [4, с. 7]. В них культивировался образ агрессора – Франции – как честного и равносильного противника. Однако с первыми поражениями русских армий тон манифестов меняется, конструируется образ Франции как грабителя и поработителя: «Нашествие врага, идущего с мечем и пламенем разорять Российское государство...» [4, с. 10].

В последующих манифестах по мере продвижения французов вглубь страны А. С. Шишков прибегал к противопоставлению двух государств на основе их традиций. Россия путем актуализации позитивных традиций прошлого – православной веры, сословного деления общества и монархического правления – противопоставлялась Франции как носительнице революционных идей Просвещения – индивидуализма, всеобщего равенства и атеизма.

Так, в манифесте от 17 октября 1812 г. Франция уже обличается не только в зверствах и грабежах, но и в преступлениях против веры: «Двери у храмов божьих отбиты, иконы обнажены от окладов, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу» [4, с. 54]. С этого момента Отечественная война понимается как война: «за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства» [4, с. 121], Франция репрезентируется как порождение «мирового зла», на борьбу с которым должны выйти все сословия.

Таким образом, роль А. С. Шишкова как главного идеолога Отечественной войны, несомненно, огромна. Манифесты имели огромный успех в обществе как в консервативных, так и либеральных кругах. От эволюции репрезентации образа противника менялось идеологическое понимание войны: от «равносильного» и «добронравного» образа Франции в начале войны до квинтэссенции «мирового зла» в ее завершении. Такая борьба с «мировым злом» культивировала народный характер войны, способствовала консолидации и переоценке идей Просвещения высшими слоями российского общества.

Литература

1. Жаринов Д. А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отеч. война 1812 года и русское общество : в 7 т. Т. III. М., 1911. С. 180–194.
2. Альтишуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.
3. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 560 с.
4. Шишков А. С. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. 212 с.

УДК 94(100)+94(495).04

Костин Николай Олегович,

магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ИНСИГНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА: ДЕТАЛИ ОБРАЗА ВЛАСТИ И ИХ СВЯЗЬ С БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Анализируются инсигнии византийского императора – внешние атрибуты светской власти. На основании символического содержания данных атрибутов проводится прямая параллель с византийской богословской традицией, которая определяла политическую культуру империи. Делается вывод о том, что именно аскетическое богословие оказывало влияние как на внешний образ императора, так и на придворный церемониал.

Ключевые слова: Византия; образ императора; символы власти; политическая теология.

Kostin Nikolay Olegovich,
1-year MA graduate student
of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

**THE INSIGNIAS OF THE BYZANTINE EMPEROR:
DETAILS OF THE IMAGE OF POWER
AND THEIR CONNECTION WITH
THE THEOLOGICAL TRADITION**

The article is devoted of analysis of the insignias of the Byzantine emperor which are external attributes of secular power. The symbolic content of these attributes is a direct parallel with the Byzantine theological tradition, which is defined the political culture of the empire. The conclusion of the article is ascetic theology influences on both the external image of the emperor and the court ceremonial.

Keywords: Byzantium, the image of the emperor, symbols of power, political theology.

Императорские инсигнии – это необходимые детали парадного одеяния императора, это – символы власти. Для нашего доклада они являются наиболее важными в визуальном образе императора, так как именно инсигнии, атрибуты власти, имеют глубокое символическое значение и напрямую связаны с теологией.

В правой руке император держит крест (σταυρός), или императорский жезл-диканикий [1, с. 110]. Однако даже если в правой руке именно жезл, а не собственно крест, крест все равно присутствует – навершие жезла круцижированно. Этот атрибут власти имеет множество значений. Самое очевидное и основное – крест символизирует святость императорской власти, богохранимость империи, указывает на василевса как на «пастыря» своего народа. Данный символ у правителя не является исключительно византийским – он характерен для всех христианских империй. Однако именно византийское влияние претерпели многочислен-

ные христианские государства – Восточная Римская империя поражала современников развитостью и сложностью церемониала и его символами, из которых было множество заимствований. Оказала влияние на другие государства и византийская культура в целом.

Другой инсигнией является акакия («ακακία») [2]. Она представляет собой шелковый мешочек с землей и прахом, который связан с платком. Акакия символизирует важнейшее качество императора-монаха – благочестие (εὐσεβεία). Земля и прах указывают на бренность земной жизни и ее радостей, на смирение императора. Эта инсигния напрямую связана с аскетическим византийским богословием, где превалируют мысли о непостоянстве земной жизни, тленности всего материального.

Еще одной императорской инсигнией является свеча (λαμπάς). Если крест (как инсигния) указывал именно на природу императорской власти, то свеча – символ добрых дел самого василевса. Горящая свеча использовалась во многих церемониальных актах, во время которых император «являлся» народу. Свеча подчеркивает важность личности императора, его собственных духовных заслуг.

Другим важнейшим императорским атрибутом служит меч (σπάθη). Он также является часто используемым христианским символом у церковных писателей. В качестве инсигнии он имеет два основных значения: духовное оружие императора-защитника и символ императора-победителя (то есть таланта правителя как полководца). Второе значение является наследием Римской империи, оно было присуще Византии на раннем этапе существования и впоследствии утратило первостепенную значимость (во многом органично сливаясь со значением меча в качестве духовного оружия) [3, s. 45]. Таким образом, меч-инсигния в образе византийского императора снова отсылает нас к аскетическому православному богословию. Меч символизирует борьбу василевса, направленную на защиту империи и церкви.

Литература

1. Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куц. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 394 с.
2. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Ключевые проблемы изучения и преподавания Средних веков. М., 2006. С. 250–290.
3. Marciniak P. Ikona dekadencji. Wybrane problemy europejskiej recepcji Bizancjum od XVII do XX wieku, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2009. 229 s.

УДК 93

Масалева Александра Юрьевна,
бакалавр 4-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ОБРАЗ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО СЕРЕДИНЫ XIX в. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

Бурное развитие английской промышленности и городов дало толчок к трансформациям социального характера, появлению новых категорий общества, а вместе с ними и новых антагонизмов. Подобные крупные социальные сдвиги не могут не отразиться в искусстве, которое воспроизводит действительность при помощи художественных образов. Особый исследовательский интерес при изучении английского общества 30–40-х годов XIX в. представляют романы Элизабет Гаскелл, которая в своем творчестве отображает конфликт между разными социальными группами британского общества, подробно рисует образ рабочего класса в эпоху завершения промышленного переворота, которое до сих пор не стало предметом специального исследования.

Ключевые слова: Элизабет Гаскелл; Англия; промышленная революция; рабочий класс; литература.

Masaleva Aleksandra Yuryevna,
4-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE IMAGE OF ENGLISH LABORER OF THE MID-19th CENTURY IN WORKS OF ELIZABETH GASKELL

Rapid development of English industry and manufacturing towns gave impetus to social transformations, the emergence of new categories of society and growth new antagonisms between them. Similar great social shifts could not help but be reflected in works of art, which render reality with the help of artistic images. Special research interest offer novels of Elizabeth Gaskell by study of English society in the 30–40's XIX century, who represented conflict between different social groups of British society in the period of completion of the industrial revolution in her works, which Has not yet become the subject of a special study.

Keywords: Elizabeth Gaskell, England, industrial revolution, labor, literature.

Англия XIX века вошла во всемирную историю под звучным названием «Викторианская эпоха». В этот период Англия приобретает статус великой колониальной державы, она подвергается импульсивным изменениям, охватившим в дальнейшем и другие государства, впоследствии названным «промышленной революцией». Бурное развитие промышленного производства стало причиной роста городов, а также социальных сдвигов, которые привели к образованию новых категорий общества: буржуазии и пролетариата [1, с. 35]. Индустриализация стала новым этапом в жизни каждого государства, несмотря на разное время перехода к ней, и принесла множество прогрессивных идей и возможностей.

В то же время возник и новый конфликт, который будет длиться на протяжении всего XIX века и не раз перерастать в масштабные столкновения. Буржуазия, которая благодаря внедрению в экономическое пространство приобрела огромное значение в жизни Англии XIX века, накапливая богатства и проникая в политиче-

скую сферу страны, столкнулась с нарастающей силой пролетариата. В связи с ростом классового самосознания пролетариата, а также появления различных профсоюзов, в Англии называвшихся тред-юнионами, они стали большой угрозой для эффективной работы производств, принадлежащих буржуазии [1, с. 46]. Можно констатировать тот факт, что хоть Англия и была передовиком производства и «мастерской мира», экономические кризисы и социальная нестабильность все-таки волновали европейскую державу.

Главными источниками данной исследовательской работы являются художественные произведения Элизабет Гаскелл «North and South» («Север и Юг», 1955) [2] и «Mary Barton» («Мэри Бартон», 1948) [3].

Элизабет Гаскелл родилась в 1810 году в семье лондонского священника, но в связи с ранней кончиной матери детство будущей писательницы прошло в небольшом провинциальном городке под названием Натсфорд. В 1932 году Элизабет переехала в Манчестер, где и прожила всю свою оставшуюся жизнь. Здесь она впервые столкнулась с новообразованными слоями общества – рабочими и фабрикантами [4, р. 26]. В тех условиях нужна была большая смелость для того, чтобы допустить право на существование особой, самостоятельной «точки зрения рабочих», противоположной убеждениям капиталистов, и еще большая смелость нужна была для того, чтобы сделать это «точку зрения рабочих» предметом изображения в литературе. Тем не менее Элизабет Гаскелл можно считать одной из первых английских создателей образа рабочего, находящегося под гнетом промышленника, вызывающего жалость к себе и осуждение последнего.

Таким образом, рабочий класс в Англии XIX века в произведениях Элизабет Гаскелл «Север и Юг» и «Мэри Бартон» представлен как довольно бедствующий, обездоленный и сильно эксплуатируемый промышленниками народ. Страдают от эксплуатации не только мужчины, которые должны содержать семью, но и женщины, участвующие в добыче денег ничуть не уступая своим мужьям [2, с. 381]. Кроме того, довольно частым явлением становятся дети на фабриках [3, с. 267]. Из-за недостаточной оплаты труда, семьям приходится отправлять их на заработки тоже. Тем самым вырисо-

ываается не самая радужная картина жизни обыкновенной семьи рабочего.

Но в то же время появление тред-юнионов становится в некоторой степени облегчением, так как у рабочих появляется небольшая опора, на которую можно рассчитывать в случае, например, безработицы.

Данные объединения, так нужные для рабочих, становятся, в свою очередь, некоторым препятствием для нормального функционирования фабрик, а значит, препятствием между прибылью и фабрикантом. Конфликт, выросший на данной почве, стал неисчерпаемым, так как уступки одной из сторон повлекут за собой ее разорение.

Литература

1. *Ливен Д.* Аристократия в Европе: 1815–1914 / пер. с англ. М. А. Шерешевской. СПб. : Азбука, 2000. 368 с.
2. *Гаскелл Э.* Север и Юг / пер. с англ. Е. Первушиной. СПб. : Азбука, 2011. 540 с.
3. *Гаскелл Э.* Мэри Бартон / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М. : Гослитиздат, 1963. 469 с.
4. *Matus J.* The Cambridge companion to Elizabeth Gaskell. UK. 2011. 2011 p.

УДК 323

Никифоров Алексей Сергеевич,
магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ХОРВАТИИ В ГОДЫ «ХОРВАТСКОЙ ВЕСНЫ» 1968–1971 гг.

Рост национального самосознания во второй половине XX в. в Центрально-Восточной Европе консолидировал все слои населения и отра-

зился в первую очередь на политике государств коммунистического блока. В стороне от общественно-экономических катаклизмов не осталась и Югославия, в которой период в конце 1960-х – начале 1970-х гг. ознаменован «хорватской весной». Одной из ключевых общественных фигур в «массовом движении» стала прослойка югославского студенчества, которая в современной мировой историографии исследована мало. В статье автор сделал попытку проанализировать роль участия и влияние на феномен «хорватской весны» студенчества на территории Югославии, а также проследить историческую преемственность борьбы хорватской интеллигенции за права и свободу хорватского народа.

Ключевые слова: «хорватская весна»; «маспок»; студенческое движение; Югославия.

Nikiforov Aleksey Sergeevich,
1-year MA graduate student
of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE ROLE OF THE STUDENT MOVEMENT IN CROATIA IN THE PERIOD OF THE CROATIAN SPRING (1968–1971)

The growth of national self-consciousness in the second half of the 20th century. In Central and Eastern Europe consolidated all segments of the population and reflected, first of all, on the policy of the states of the communist bloc. Apart from social and economic cataclysms, Yugoslavia, in which in the late 1960s and early 1970s, did not remain. the period was marked «Croatian spring». One of the key public figures in the «mass movement» was a layer of Yugoslav students, which in contemporary world historiography has been little studied. In the article the author made an attempt to analyze the role of participation and influence on the phenomenon of the «Croatian Spring» of students in the territory of Yugoslavia, and also to trace the historical continuity of the struggle of the Croatian intelligentsia for the rights and freedom of the Croatian people.

Keywords: «Croatian Spring», «Maspok», Student Movement, Yugoslavia.

Вторая половина XX в. охарактеризована для югославского общества возрастанием национального самосознания и обострением противоречий в общественно-политической жизни социалистических республик на Балканах. Одним из проявлений возродившегося национализма стало политическое движение в Хорватии, именуемое в историографии как «хорватская весна», или «маспок». Особое место заняло студенческое движение, которое сыграло важную роль в идеологической обоснованности хорватской нации и понятия о собственном независимом государстве. Университетское движение, националистически настроенное против «югославской диктатуры Белграда», всячески способствовало «маспоку» в решении проблем в общественной и культурной сферах. Однако каков вклад хорватского студенчества в решение целей и задач движения, остается неисследованным. В данной статье автор попытался проследить, насколько требование студентов повлияло на политику и требования лидеров движения в годы «хорватской весны».

Поскольку волнения университетской молодежи стали кульминацией протестного движения [1], малая часть политических сил хорватского республиканского правительства были заинтересованы в поддержке «массового движения». Однако реакция И. Броз Тито на события «хорватской весны» была негативной, поскольку считал, что «подобного рода настроения масс приводят к усилениям национализма и ненависти братских народов Балканского полуострова» [2]. Вмешательство центрального партийного руководства Югославии в апрельские события 1971 г. только сильнее разожгла политизацию студентов университетов Хорватии, что вылилось в массовость и активизацию сторонников.

Студенчество в годы «хорватской весны» было неоднородным по своему составу в плане идеологических аспектов. Основными представителями движения были «левые» и националисты, поэтому внутри оппозиционного крыла возникали противостояния. Если «левые» больше внимания уделяли вопросу о классовой борьбе, то на повестке дня у националистов стоял национальный вопрос. В свою очередь, следует сделать вывод, что движение мас-

совым относительно ряда проблем сложно назвать состав однородным и консолидирующим.

О политизации университетского движения свидетельствуют те факты, что студенты проводили бурные дебаты по поводу изменения Конституции Социалистической Республики Хорватии [1]. Одним из моментов стало заявление Д. Будиша о том, что «место Хорватии в ООН, кроме того, и другие Республики Югославии имеют право на его осуществление» [1]. Безусловно, подобного рода заявления несли прямую угрозу целостности государству и росту национально-сепаратистских настроений. Другим требованием студентов стало решение валютного вопроса, в котором предлагалось ликвидировать эксплуатацию Хорватии со стороны других республик.

Рассматривая структуру движения, численность участников и их вовлеченности в орбиту различных частей общества, стоит с уверенностью сказать, что сам феномен «хорватской весны» в действительности не был таким массовым как принято считать и как преподносили ее лидеры. Безусловно, движение отобразило чаяния националистического толка, но представить из себя полноценную силу и мобилизоваться против югославского режима не удалось.

Литература

1. Руднева И. В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х – начала 1970-х годов. М. : Ин-т славяноведения РАН; СПб., 2014. 332 с.
2. Тито Броз И. Интервью газете «Виесник» // Югославия – актуальные проблемы общественного развития. М., 1977. 236 с.

Перевалова Алёна Николаевна,
бакалавр 2-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ОБРАЗ БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО В АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются проблемы формирования и трансформации исторической памяти под влиянием художественной литературы. Автор представляет результаты исследования взаимосвязи истории и литературы, как способа отражения национальной идентичности, влияния политических процессов на изменение образа конкретного исторического события.

Ключевые слова: Ватерлоо; Наполеон; историческая память; У. Теккерей; В. Гюго; Эркман-Шатриан; А. Конан Дойл.

Perevalova Alyona Nikolaevna,
2-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

IMAGE OF THE BATTLE OF WATERLOO IN THE ENGLISH AND FRENCH FICTION OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

In the article the problems of formation and transformation of historical memory under the influence of fiction are considered. The author presents the results of a study of the relationship between history and literature as a way of reflecting a national identity, the influence of political processes on changing the image of a particular historical event.

Keywords: Waterloo, Napoleon, historical memory, W. Thackeray, V. Hugo, Erkman-Shatrian, A. Conan Doyle

Что бы произошло, если бы в 1815 году Наполеон выиграл битву при Ватерлоо? В английской историографии XXI века отмечается, что возникает проблема героизации Наполеона британцами, многие люди действительно считают, что французский император остался непобежденным [1, p. 17].

Почему происходит трансформация исторической памяти и образ какого-либо события или деятеля может поменять свой знак с плюса на минус и наоборот? Актуальность исследования обусловлена остро осознаваемой в современной науке необходимостью изучения литературы как значимого элемента исторической памяти, одного из способов сохранения ее уникальности и идентичности. Художественная литература неразрывно связана с историей. Автор в своих произведениях отражает детали и реалии, которые его окружают, и тем самым воспроизводит картину исторического периода, в условиях которого он живет.

Цель: выявление сложившегося образа битвы при Ватерлоо и его трансформации в английской и французской художественной литературе второй половины XIX века, исследование факторов, повлиявших на эволюцию образа Ватерлоо в исторической памяти британцев.

Проанализировав прозаические произведения британской и французской литературы XIX века, мы выявили различные взгляды на события во время битвы при Ватерлоо и обнаружили практически диаметрально противоположные оценки образа Наполеона. В середине XIX века писатели существенно отдаляются от событий битвы при Ватерлоо (Теккерей «Ярмарка тщеславия» [2], Гюго «Отверженные» [3]). Сражение приобретает роль воспитательного события. Весь ход битвы и роли на поле Ватерлоо подчиняются общему замыслу авторов – отображению современного им общества через образы Ватерлоо: «Люди отправлялись не столько на войну, сколько на увеселительную прогулку» [2, p. 267]. Проза 1870–1895 годов подчиняется закономерным тенденциям реализма. Писателей все больше интересуют конкретные судьбы и личности (Эркман-Шатриан «Ватерлоо: история о ста днях» [4], Конан Дойл «Тень великого человека» [5]). Битва при Ватерлоо показана глазами рядовых солдат: «Всего страшнее кажется то, что на каждого из

моих товарищей оно произвело различное действие, потому что некоторые вели себя в этом случае так, как будто бы они сидели у себя дома за обедом, другие же с первого пушечного выстрела до последнего все время бормотали молитвы, третьи так бранились и выкрикивали проклятия» [5, р. 73]. История становится фоном для повествования. Авторы пытаются донести, как будет вести себя герой в необычных для него обстоятельствах и будут ли у него какие-нибудь мотивы для героизма в прямом смысле слова. Все события оцениваются с прагматичной точки зрения.

Таким образом, в Англии после неудачной политики Веллингтона начинают отходить от героизации его образа, все большее внимание уделяется Наполеону и его армии, писатели работают в ключе установления дружеских отношений с Францией, хотя и своеобразно трактуют произведения французских писателей, сглаживая неприятные углы и добавляя собственные фрагменты, представляющие Англию в выгодном свете. Французы не скупаются на негативные оценки Веллингтона, но также и не воспевают Наполеона. Реализм британской литературы преобладает над провиденциализмом французской.

Литература

1. *Clarke S.* How the French Won Waterloo. Doncaster: Arrow Publications, 2015. 237 p.
2. *Thackeray W. M.* Vanity Fair. A novel without a hero. London : Bradbury and Evans, 1848. 685 p.
3. *Hugo V.* Les Misérables. Vol. 1. London : Hurst and Blackett, 1862. 400 p.
4. *Erickmann-Chatrion.* Waterloo: a story of the hundred days. London : Smith, Elder and Co, 1870. 312 p.
5. *Conan Doyle A.* The Great Shadow. Bristol: J. W. Arrowsmith's, 1892. 82 p.

Сайфуллин Булат Ильдарович,
магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

**ФЕДОР ИВАНОВИЧ УСПЕНСКИЙ
КАК ДИРЕКТОР РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ 1895–1914 гг.**

Статья посвящена вкладу Федора Ивановича Успенского в создание и развитие Русского археологического института в Константинополе.

Ключевые слова: история науки; отечественная история; история археологии; охрана культурного наследия; Ф. И. Успенский.

Sayfullin Bulat Ilydarovich,
1-year MA graduate student
of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

**FYODOR USPENSKY AS DIRECTOR
OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE
IN CONSTANTINOPOL 1895–1914s. (RAIK)**

The article is dedicated to the contribution of Fyodor Ivanovich Uspensky to the creation and development of the Russian Archaeological Institute in Constantinople.

Keywords: F. I. Uspensky, RAIK, archeology, Byzantine studies, preservation of the cultural heritage.

В конце XIX в. во внимании внешней политики России оставался Восточный вопрос, под которым подразумевалась судьба проливов Босфор и Дарданеллы, а также положение на Балканах. Государство интересовала возможность пользоваться проливами,

являвшимися для русского флота единственным выходом в Средиземное море. Оно стремилось к обеспечению беспрепятственного режима судоходства или к прямому захвату Босфора и Константинополя [1, с. 9]. Концепция кардинального решения Восточного вопроса была своего рода эхом греческого проекта Екатерины II, который подразумевал раздел Турции и восстановление греческой (восточной) империи. Тогда же в конце XIX в. сторонники умеренной политики связывали решение восточного вопроса с развитием русско-турецких отношений [2, с. 10], с сохранением целостности Османской империи и усилением русского влияния на Балканах. Сотрудниками русского посольства в Стамбуле высказывались идеи о создании исследовательского центра в Константинополе [2, с. 3].

Попытки создать исследовательский центр в Константинополе предпринимались с конца 80-х гг. XIX в. Много препятствий пришлось преодолеть при реализации данного проекта. 26 февраля (10 марта) 1895 г. состоялось открытие Русского археологического института в Константинополе (далее РАИК).

Стоит задаться вопросом: кому выпала роль руководить единственным археологическим институтом за границей, который создала Российская империя? Согласно уставу РАИК [3, с. 2], директор избирался из лиц известных своими трудами по профилю института (византиноведения). Бессменным директором Русского археологического института стал Федор Иванович Успенский (1845–1928). После того как в посольстве составили официальную записку о планах создания научного центра и о его задачах, она была разослана видным русским ученым для разработки проекта института. Российское посольство поддержало проект профессора Ф. И. Успенского, согласно которому деятельность РАИК заключалась в изучении истории Византии эпохи ее расцвета XI–XII вв. Проект оказался удачным с политической точки зрения и давал широкие возможности для толкования его задач. Ф. И. Успенский свою научную деятельность начал в 1870-х гг. в области социально-экономической, внутривизантийской истории Византии [1, с. 7]. В 1879 г. он защитил докторскую диссертацию «Образование второго болгарского царства», после чего был избран профессо-

ром Новороссийского университета. Таким образом, Ф. И. Успенский подходил на роль директора института поскольку, во-первых, обладал должными компетенциями в области византиноведения, и во-вторых, создание самого проекта было его заслугой.

В Константинополе Ф. И. Успенский составил программу деятельности института в соответствии с уставом. Он руководил работами учреждения, основал при нем печатный орган «Известия РАИК», где публиковались исследования сотрудников института. Под руководством Ф. И. Успенского организовывались научные экспедиции, также производились раскопки. Наиболее важные работы РАИК – это исследование художественных древностей мечети Кахрие-Джами, перемещение в Эрмитаж уникального эпиграфического памятника – Пальмирского таможенного тарифа [1, с. 69]. В 1914 г. деятельность института была приостановлена началом Первой мировой войны. В 1916 г. русскими войсками был занят турецкий Трабзон. Успенский отправился туда для исследования и спасения Трапезундских древностей [4].

Таким образом, ведущая роль в создании и управлении столь значимого исследовательского центра принадлежит Ф. И. Успенскому, под руководством которого были осуществлены и организованы научные экспедиции, важные исследования, раскопки и т. д.

Литература

1. Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999. 246 с.
2. Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. I. Одесса. 1896. с. 10.
3. Устав Русского археологического института в Константинополе. Одесса. 1894. 6 с.
4. Трапезундская экспедиция (1916–1917 гг.) // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 283–291.

Соловьев Андрей Владимирович,
бакалавр 3-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

КОНФЛИКТ В ВЫСШЕМ РУКОВОДСТВЕ ВЕРМАХТА ОТНОСИТЕЛЬНО ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЫ ЛЕНИНГРАДА

В статье рассмотрен конфликт в высшем руководстве Вермахта в июле-сентябре 1941 г. по вопросу о судьбе Ленинграда. Сделана попытка выявить роль личности и частных интересов в военном планировании. К работе привлечен недавно введенный в научный оборот источник – дневник В. фон Лееба.

Ключевые слова: блокада Ленинграда; Ф. Гальдер; В. Лееб; операция «Барбаросса».

Solovyov Andrey Vladimirovich,
3-year student of the department
«Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE CONFLICT IN HIGH COMMAND OF WERMACHT FOR FURTHER DESTINY OF LENINGRAD

The article examines the problem of conflict in High command of Wermacht. Cause of the conflict is the problem of further destiny of Leningrad. Author tries to analyze the role of personality and its interests in military planning in this case. New source – a diary of W. von Leeb – is used.

Keywords: blockade of the Leningrad, F. Halder, W. von Leeb; operation Barbarossa.

Анализ недавно введенного в оборот источника по истории Второй мировой войны – дневника фельдмаршала В. фон Лееба, в 1941-м – начале 1942 гг. командовавшего группой армий (ГА)

«Север» – позволяет поставить вопрос о конфликте в высшем командовании вермахта касательно судьбы Ленинграда. Эту проблему можно рассмотреть в аспекте влияния личности на военное планирование.

В ходе работы сделаны следующие выводы. Основные участники конфликта – это Гитлер, начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Ф. Гальдер и фельдмаршал В. фон Лееб. Сам конфликт можно разделить на два этапа: 1) июль – середина августа 1941 г.; 2) середина августа – конец сентября 1941 г.

На первом этапе Гальдер убеждал Гитлера окружить Ленинград и направить ударные силы ГА «Север» (4-я танковая группа, часть авиации) на Москву [1, с. 105]. Гитлер желал захвата города или его разрушения [1, с. 46, 105]. Гальдеру удалось убедить фюрера в необходимости окружения. В директивах № 33 и 34, изданных в июле 1941 г., уже не было идеи штурма Ленинграда [2, с. 208–210, 212–213]. Кроме того, Гальдер предотвратил передачу в ГА «Север» 3-й танковой группы. В то же время запрет наступать на Москву до завершения операций на флангах, в том числе под Ленинградом [2, с. 209], вызвал резкое недовольство Гальдера.

На втором этапе Лееб стремился взять город или принудить к капитуляции, для чего хотел сохранить за собой танки и авиацию [1, с. 230, 257]. Гитлер сначала желал захвата города, но к сентябрю 1941 г. стал сторонником его окружения [1, с. 237, 241].

Гальдер понимал взятие Москвы как основную задачу военной кампании, что и стало основой его мотивации в этом конфликте [1, с. 105]. Лееб, видимо, во многом руководствовался соображениями личного престижа. Невозможность взятия Ленинграда он оценивал «равносильно проигранному сражению» [1, с. 247]. Гитлер выступал за взятие Ленинграда ввиду его политического, военного и экономического значения, но все же был убежден Гальдером в необходимости окружения.

Мы видим, что на военное планирование оказали влияние оценки отдельных лиц на те или иные объективные факторы. А на эти оценки влияли в том числе и личные качества, например жажда славы.

Возможный путь развития темы видится в привлечении новых источников, в том числе немецких документов о планировании и его обсуждении. Это позволит расширить круг участников конфликта, углубить понимание их мотивации. Например, можно выяснить, какими военными факторами Лееб аргументировал свою позицию перед вышестоящими начальниками.

Литература

1. Лебедев Ю. М. Ленинградский блицкриг. М.: Центрполиграф, 2011. 496 с.
2. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма : в 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. М. : Наука, 1973. 664 с.

УДК 930.2

Судакова Анастасия Андреевна,
магистрант 2-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

КИНЕМАТОГРАФ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье автор дает характеристику места кинематографа в системе исторического познания прошлого. Как с помощью фильмов можно понять прошлое, как оно существовало на протяжении нескольких десятилетий и насколько правдива информация, содержащаяся в данных фильмах.

Ключевые слова: кинематограф; Чаплин; источниковедение; кинофотодокументы; аудиовизуальные источники.

Sudakova Anastasiya Andreevna,
2-year MA graduate student
of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

CINEMA AS A HISTORICAL SOURCE

The author characterizes the cinema place in the system of historical knowledge of the past. How to use films can understand the past, as it existed for several decades and how truthful the information contained in these movies.

Keywords: cinema, Chaplin, source studies, audiovisual records.

В современной культуре кинематограф занимает одно из главных мест, так как отражает события, которые происходили в обществе и мире в целом. То есть кино обладает той специфической возможностью, которая способна перенести зрителя в определенное пространство и время. Кино доносит суть происходящих в обществе событий, вовлекает в само пространство фильма. Для того чтобы понять смысл, который пытается донести автор, необходимо разбираться в языке кинематографа. Пространство и время кинематографа являются синтетической формой выражения действительности, так как объединяют в себе свойства таких искусств, как литература, изобразительное искусство, театральное искусство, скульптура, архитектура, музыка и многих других [1, с. 199].

Режиссер при помощи выразительных средств кинематографа формирует определенную обстановку, в которой можно наблюдать детали жизненных ситуаций, находящих свое отражение в фильмах.

«Киноязык играет очень важную роль в формировании художественной реальности кинематографа. Язык кинофильма начинается в начале и заканчивается в конце киноленты, пронизывает всю сюжетную линию и делает фильм более живым и реалистичным» [1, с. 200]. Так, можно утверждать, что любое изображение на экране является знаком и таким образом доносит некую ин-

формацию. Экран передает определенные значения и символы, без которых невозможно восприятие кинофильма. Кроме того, большую роль играет монтаж, позволяя создать определенную объективную действительность и завершая задумку режиссера.

Не менее важное значение имеет оценка главных персонажей подлежащего исследованию фильма. Кроме того, необходимо учитывать при этом нашедшие отражение в фильмах такие немаловажные атрибуты эпохи, как одежда, обстановка, внешний вид улиц и многое другое, что помогает создать портрет того исторического периода, который нужно исследовать.

Важным аспектом анализа является вопрос о точности и полноте сведений, содержащихся в кино как историческом источнике. Здесь необходимо иметь в виду, что эти источники являются в первую очередь авторскими, то есть выражающими точку зрения автора и не претендующими на отражение всей эпохи в целом, но в своей совокупности они могут дать достаточно полное представление об исследуемом периоде. Появление того или иного фильма в определенный период времени обуславливается многими факторами, в том числе и производственными, социальными, культурными и политическими. Что делает возможным обнаружение в кинокартинах отражения господствующих в обществе установок.

Художественный фильм, в котором присутствуют не документальные кадры, а постановочные, так или иначе диктуется фантазией автора, но это тоже подлинность, действительное, существующее в мыслях, следовательно, некогда увиденное. З. Кракауэр приходит к такому выводу, подчеркивая, что кино тяготеет к воспроизведению реальности: «Как ни странно, но инсценировка подлинного события может дать на экране более сильную иллюзию, нежели то событие. Снятое хроникально. Возможно, что большая часть нашего окружения – как природного, так и созданного руками человека – не поддается точному копированию» [2, с. 117].

Смысл и значение используемых автором приемов можно понять только в контексте авторского замысла, корни которого всегда находятся в его мироощущении или мировоззрении, и техника

должна помогать автору передать его замысел и его видение мира. С этим связан поиск тем, которые волнуют режиссера, и средств их воплощения.

Для примера возьмем фильм «Огни большого города» Чарли Чаплина. В этом фильме звучит социальная тема. «На склоне лет, осмысливая свой опыт, Чарли Чаплин говорил, что люди охотно смеются над богатыми и с меньшей охотой над бедными. Логика тут простая. У богатого все есть, он – баловень судьбы. А с бедного все взятки гладки. Чарли в фильме потому и вызывает наше сочувствие, что он – нищий, который, однако, не желает мириться со своей жалкой участью. Это и вызывает к нему уважение, не лишенное, конечно, и легкого подтрунивания над ним» [3, с. 123].

Итак, каждый автор видит мир по-своему, и это самое видение тесно связано с его подходом к творчеству. Когда автор соотносит взгляд на мир с определенной идеей, то в своем творчестве дает субъективную интерпретацию этой идеи, но этот субъективный взгляд, направленный на отражение самой жизни, позволяет автору подмечать мимолетные, изменчивые черты состояния общества и создавать некую картину современного ему мира.

Литература

1. Макиенко М. Г. Художественная реальность исторического кинематографа // Молодой ученый. 2009. № 6. С. 199–201.
2. Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М., 1974. 238 с.
3. Громов Е. С. Палитра чувств: о трагическом и комическом. М., 1990. 191 с.

Фейгин Даниил Михайлович,
бакалавр 3-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ПАТРИЦИИ И ПЛЕБЕИ НА ДОЛЖНОСТИ КУРУЛЬНЫХ ЭДИЛОВ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются проблемы соблюдения законного чередования патрициев и плебеев на должности эдила, их процентное соотношение, различные нарушения при занятии магистратуры в период с 494 по 100 г. до н. э., причины сохранности имеющихся на сегодняшний день данных.

Ключевые слова: политика; магистратуры; эдил; курульный; плебейский; плебей; патриций; порядок чередования; римская республика.

Feigin Daniil Mihailovich,
3-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

PATRICIANS AND PLEBEIANS IN THE POSITION OF AEDILE: PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS

The article studies the Ekaterinburg water-supply system before the 1917 Revolution. The author focused on the sanitary state of water and epidemic risks. He concludes there was a crisis of drinking water in Ekaterinburg during World War I and 1917 Revolution which increased infectious epidemics of those years.

Keywords: politic, aedile, rome republic, curules, plebeians, patricians, magistrates, sequence.

Древнеримские магистратуры изучаются историками разных стран на протяжении уже многих столетий, однако до сих пор точных и однозначных ответов на возникающие по данной теме вопросы крайне мало. В частности, это особенно справедливо отно-

сительно очень важной, хотя и не предполагавшей наличия высшей военной и административной власти (империя), магистратуры эдила. Эдилы занимались многими вопросами: надзор за рынками, коллодцами, состояние общественных зданий, строительство и ремонт дорог, акведуков, закупки и хранение зерна, хлеба, некоторые судебные функции и др. По поводу того, когда появилась магистратура, в историографии также сформировалась устойчивая, однако хотя и не являющаяся абсолютно убедительной точка зрения – 494 г. до н. э. Существует множество различных доводов в обоснование этой даты, однако прямое доказательство только одно – слова Дионисия Галикарнасского в его труде «Римские древности», где он пишет, что должность эдила возникла одновременно с трибунами в качестве «помощника трибунам и судьям» [1].

По этим и многим другим вопросам уже давно ведутся дискуссии, пишутся исторические статьи, но вот личностный аспект в истории данной магистратуры, персональный состав этой должности на протяжении большей части Римской республики подробному анализу пока еще не подвергался.

В середине прошлого века была издана книга Роберта Броутона, содержащая имена всех известных на тот момент исполнителей должности различных магистратур.

Наше исследование основано прежде всего на анализе данного материала. В результате обработки этих данных нами было проведено исследование, в итоге которого нами были сделаны следующие выводы:

1. Тит Ливий был прав, когда утверждал, что чередование плебеев и эдилов на курульном кресле не соблюдалось. «По этой причине сенат не решился прямо приказать, чтобы еще и курульных эдилов выбирали из патрициев; сначала уговорились через год выбирать эдилов из плебеев, потом, однако, не соблюдалось уже никакого порядка» [2].

2. Дошедших до нас имен граждан патрицианского происхождения на посту курульного эдила значительно больше, нежели плебеев. Это может говорить нам о том, что:

а) либо плебейские эдилы по неизвестным нам причинам в меньшей степени удостоивались внимания историков;

б) либо по чистой случайности до нас дошло гораздо больше свидетельств о патрициях, нежели о плебеях;

в) либо, действительно, патрициев среди курульных эдилов в период с 494 по 100 г. до н. э. было значительно больше.

Наиболее достоверной нам представляется третья версия. Если это действительно так, то можно высказать предположение, что вплоть до 100 г. до н. э. плебеи с патрициями не были окончательно уравниены в своих правах. Однако неправильно было бы не обратить внимание на то обстоятельство, что нарушения чередования наблюдаются не только в пользу патрициев, но и в пользу плебеев тоже, что немаловажно – почти в равной степени. То есть практически в равном количестве нам известны года, когда на должность эдила граждане должны были выбрать человека из числа плебеев, а выбрали патрициев, и года, когда должны были выбрать патрициев, а выбрали плебеев. В таком случае можно предположить, что порядок не соблюдался не из-за того, что патриции доминировали над плебеями, а попросту из-за того, что порядок этот не являлся для граждан чем-то принципиально важным (34,69 % от всех известных случаев избрания курульных эдилов произведены с нарушением чередования). Помимо несоблюдения чередования, обращает на себя внимание тот факт, что несколько раз можно отметить одного и того же человека на посту в течение двух сроков подряд. Очередное нарушение.

Интересно обратить внимание на то, что согласно доступным нам данным идеально соблюдался порядок чередования только в период с 220 по 209 гг. до н. э.

Также стоит отметить, что имен курульных эдилов сохранилось практически в два раза больше, чем имен плебейских эдилов. Скорее всего, это объясняется тем, что курульные эдилы, в отличие от эдилов плебейских, обладали судебными полномочиями в гражданско-правовых спорах, а как следствие, и большей значимостью курульных эдилов в сравнении с плебейскими.

Литература

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. VI. 90. 1.
2. Тит Ливий. VII. 1. 6.

Ширанова Екатерина Александровна,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ЕВРОПЕЙСКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО XVIII–XIX вв.: ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматривается проблема определения характера академической мобильности между Прибалтийским краем и университетами Германского союза в XVIII–XIX вв. Автор поднимает проблему перенесения современных исследований границ в область исторической науки. Показан потенциал применения понятия «трансграничности» к процессам в сфере культуры для некоторых территорий Российской империи.

Ключевые слова: исследование границ; академическая мобильность; Прибалтийский край; трансграничность.

Shiranova Ekaterina Aleksandrovna,
1-year MA graduate student
of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

EUROPEAN ACADEMIC SPACE OF THE XVIII–XIX CENTURIES: THE TRANSBOUNDARY POSITION OF THE BALTIC REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article describes the problem of determining the character of academic mobility between the Baltic region and the universities of the German Union in the 18th–19th centuries. The author raises the problem of transcriptions «border studies» to historical science. The author shows the potential for applying the concept of «trans-boundary» to the processes in the cultural sphere for the Russian Empire.

Keywords: border studies, academic mobility, Baltic governorates, trans-boundary.

Российско-германские академические контакты представлялись в историографии преимущественно как международные, основываясь на факте пересечения границы между Российской империей и странами Германского союза. В последнее десятилетие расширяется фокус этнического и национального состава российских студентов в немецких университетах, остается актуальной проблема критериев выделения «русских» студентов из числа «российских» в работах по университетской истории. Существует ряд причин исключения из исследовательского поля студентов из Прибалтийского края, Литовской губернии и Царства Польского. Особое положение этих субъектов империи позволяет поставить вопрос о характере их академических связей с субъектами другого государства. Однозначно ли «международные» академические поездки, например немецкоговорящих лифляндцев или поляков в немецкие университеты? Следует принимать во внимание традиции получения немецкого образования у части выходцев названных субъектов и связь места работы их семей с немецкими землями. Поставленный вопрос требует обратиться к лимнологическим критериям.

Экономические и регионоведческие исследования способствовали выделению понятий «международный», «трансграничный» и «трансграничный», воспринятым другими областями знания, а также появлению Border studies – междисциплинарному направлению изучения границ.

Акцентируя внимание на характере академической мобильности из Прибалтийского края в XVIII–XIX вв. в немецкие университеты, предлагается представить данные территории как трансграничные в рамках (sic!) этого процесса. К настоящему времени можно говорить о формировании основных критериев «трансграничности»: прямое транспортное сообщение и налаженная инфраструктура, наличие органов управления (в том числе международных договоров, имеющих приоритет перед национальным законодательством), тесные экономические и социальные

связи (включая сферу культуры), этническое сходство и общее историческое прошлое [1, с. 11]. В широком виде это определение представляет тесные экономические, социально-культурные и транснациональные связи, где можно наблюдать комплекс пространственно интегрированных взаимодействий [2, с. 27]. В создании трансграничного региона лежит содействие административно-территориальных образований соседних государств. К этому определению можно добавить такие атрибуты, как стремление сформировать осознание связанности, общего культурного пространства, которое пересекает административные субъекты [3, с. 61]. Анализ трансграничности включает комплекс методов экономико-географических, регионоведческих и историко-политических областей науки [4].

Применение указанных критериев к определению положения Прибалтийского края в процессе академической мобильности может способствовать расширению интерпретации динамики образовательных поездок, академических приоритетов и традиций прибалтийского студенчества как части «трансграничного» в сравнении с собственно «российским».

Несмотря на значительную проработку критериев «трансграничности» в некоторых научных областях, существует потенциал к их уточнению в приложении к исторической науке, что позволит более точно охарактеризовать культурные и иные связи между регионами в прошлом.

Литература

1. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. О сущности и соотношении понятий «Регион», «Международный», «Транснациональный» и «Трансграничный» регион // Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 3. С. 8–15.
2. Корнеевец В. С. Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2010. Вып. 1. С. 27–34.
3. Леконцева К. В. Интерпретация понятия «трансграничный регион» через призму современной социологической методологии // Вестн. ЗабГУ. 2013. № 8. С. 60–70.

4. *Кучинская Т. Н.* Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Совр. проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5045> (дата обращения: 29.03.2017).

УДК 93

Бабаева Маргарита Евгеньевна,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе представлен обзор актуальных вопросов изучения социально-утопической легенды о Беловодье как объекта исторического исследования. Особое внимание уделяется основному источнику по данной теме – «Путешественнику» Марка Топозёрского. Автор обосновывает необходимость дополнения ранее предложенной классификации сплотов по редакциям.

Ключевые слова: Беловодье; «Путешественник» Марка Топозёрского; история социально-утопических легенд; народная утопия.

Babaeva Margarita Evgenyevna
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

SOCIO-UTOPIAN LEGEND OF BELOVODIE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL RESEARCH

This work contains of views in modern issues of studying social-utopic legend of Belovodye as history research object. The main focus is directed at

primary source of this subject – «Traveller» of Mark Topozersky. Author proves a necessity of additions to an earlier suggested classification of redactions' lists.

Keywords: Belovodie, «Traveler» by Mark Topozersky, the history of socio-utopic legends, folk utopia.

Рассуждая о влиянии природно-климатического фактора на специфику российской истории, академик РАН Л. В. Милов отмечал, что одной из особенностей географической среды России является наличие большого неосвоенного земельного пространства при постоянной возможности побега русского крестьянина на «вольные земли» [1, с. 38–39]. Заселение «дикого поля», освоение Южного Приуралья, Заволжья, Сибири происходило посредством стихийной крестьянской колонизации. Этот процесс сопровождался возникновением и бытованием социально-утопических легенд «о далеких землях». В основе легенд подобного типа лежит представление о существовании справедливого общественного уклада. Наибольший интерес представляет легенда о Беловодье, так как мы располагаем большим массивом сохранившегося по ней материала, в отличие от других социально-утопических легенд «о далеких землях» («город Игната», «Ореховая земля», «Анапа») [2, с. 239].

Беловодская легенда в большей степени стала полем исследования фольклористов и филологов, но в последнее время наблюдается рост интереса со стороны историков, пытающихся выявить исторические основы, в частности социально-утопической легенды о Беловодье. Исследовательское внимание историков обращено к одному из основных источников для изучения легенды – «Путешественнику», своеобразному «путеводителю» с подробным маршрутом до пункта назначения. Кроме этого, «Путешественник» содержит описание заветной страны. В источнике отражены представления крестьянства об общине, собственности, государственном устройстве и т. д. Последнее представляет собой интересный материал для раскрытия специфики крестьянской психологии и народной утопической мысли конца XVIII–XIX вв. Согласно «Путешественнику», на земле воцарилась власть Антихриста, и одним из уголков сохранившегося древнего благочестия являлось Беловодье. Это дало повод к дискуссии о среде проис-

хождения легенды, а именно роли страннического согласия в формировании начального варианта легенды [3, с. 534].

К настоящему времени опубликовано пятнадцать списков «Путешественника» [4, с. 38]. Однако публикация источников по данной теме опережает их научную обработку. Также стоит отметить, что известное число «Путешественников» не следует считать окончательным. В древлехранилище лаборатории археографических исследований исторического факультета университета им. Б. Н. Ельцина выявлен шестнадцатый список «Путешественника», который только предстоит ввести в научный оборот [5, с. 256–261]. Это обстоятельство ставит задачу текстологического анализа известных нам списков «Путешественника» и, как следствие, дополнение классификации по трем редакциям (севернорусской, сибирской, «щাপовской»), предложенной ранее исследователем К. В. Чистовым.

Итак, в историческом исследовании легенды о Беловодье особое внимание следует уделить «Путешественнику» – основному источнику по данной теме. Выявленный шестнадцатый список «Путешественника» подтверждает наше предположение о широком бытовании легенды и существовании локальных вариантов.

Литература

1. *Милов Л. В.* Природно-климатические факторы и особенности российского исторического процесса // *Вопр. истории.* 1992. № 4–5. С. 37–56.
2. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. 341 с.
3. *Мальцев А. И.* Беловодье // *Православ. энциклопедия.* М., 2002. Т. 4. С. 534–535.
4. *Рыков Ю. Д.* Ярославский список «Путешественника» Марка Топозёрского // *Книжная культура Ярославского края – 2014* : сб. ст. и материалов. Ярославль, 2015. С. 11–57.
5. Лаборатория археографических исследований (ЛАИ) УрФУ VII (Нижнетагильское собр.) 145p/1310. Л. 256–261.

Бахарев Дмитрий Сергеевич,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ВОДОСНАБЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: САНИТАРНЫЕ РИСКИ*

Исследуется система водоснабжения дореволюционного Екатеринбурга: источники и качество потребляемой населением воды. Автор фокусируется на санитарном качестве воды и эпидемиальных рисках. Делается вывод о кризисе питьевой воды в городе в годы Первой мировой войны и революции 1917 года, что усугубило инфекционные эпидемии этих лет.

Ключевые слова: историческая демография; история медицины; история Екатеринбурга начала XX века; история водоснабжения Екатеринбурга; санитарное состояние Екатеринбурга.

Baharev Dmitriy Sergeevich,
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

EKATERINBURG WATER SUPPLY IN THE BEGINNING OF XX CENTURY: SANITARY RISKS

The article studies the Ekaterinburg water-supply system before the 1917 Revolution. The author focused on the sanitary state of water and epidemic risks. He concludes there was a crisis of drinking water in Ekaterinburg during World War I and 1917 Revolution which increased infectious epidemics of those years.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект 16–18–10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

Keywords: historical demography, history of medicine, history of Ekaterinburg in the beginning of XX century, water supply of Ekaterinburg, sanitary state of Ekaterinburg.

Условием демографического перехода, в т. ч. снижения смертности населения от инфекционных заболеваний, является создание санитарной системы населенного пункта. Ее важным элементом является водоснабжение, даже в наше время миллионы жизней уносятся заболеваниями, распространяемыми с инфицированной водой – диареей, тифом, холерой, лихорадками, паразитозами и др. [1]. К сожалению, лишь немногие города в Российской империи начала XX века могли похвастать собственным водопроводом, и Екатеринбург не был в их числе.

XX век столица Урала встретила покрытой хаотичной сетью колодцев и ключей. Город испытывал постоянный недостаток как технической воды – для борьбы с пожарами и уличной пылью, так и питьевой – зимой и в засуху колодцы иссякали, и зажиточным горожанам приходилось переплачивать водовозам, а бедноте – пить грязную воду из реки [2, с. 109]. Дефицит питьевой воды отягощался ее плохим качеством: трещиноватые горные породы, на которых стоит Екатеринбург, и его пересеченный рельеф позволяли загрязняющим веществам по подземным горизонтам мигрировать на далекие расстояния, т. е. стоки от многочисленных выгребных ям, скотных и конных дворов попадали в родниковую колодезную воду. Еще хуже дела обстояли с рекой Исетью – на ее берегах горожанами сваливались городские нечистоты, а в воду сбрасывали свои отходы предприятия и мастерские [3, с. 21]. Строительство в городе водопровода и канализации много раз дебатировалось в городской думе, но неизменно откладывалось из-за огромной дороговизны предприятия. Население могло ответить на эту патовую ситуацию лишь рытьем новых колодцев: в 1912 году в 60-тысячном городе было 13 муниципальных источников воды и 1700 частных колодцев. Однако частные колодцы редко достигали большой глубины – самые глубокие были четырехсаженными, т. е. около 8,5 метров, а большинство намного мельче. В случае неудачи хозяин колодца получал вывод почвенных вод – мягких, но

легко заражаемых; часто такие колодцы забрасывались сразу же после постройки. Более приемлемы были источники грунтовых вод, которые менее подвержены заражению, хотя имеют и свои недостатки: из-за залегающих под Екатеринбургом кристаллических сланцев вода почти всегда выходила излишне минерализованной («жесткой»), а источники легко исчерпывались, особенно в зимнее время и засуху [4, с. 14–15]. Муниципальные же источники воды отличались только наружным благоустройством – согласно исследованиям гидролога-современника, большинство из них питались атмосферными осадками, зимой иссякали, а летом легко заражались [4, с. 12].

Таким образом, в Первую мировую войны Екатеринбург вошел в настоящий водном кризисе. Ресурсы архаичной системы водоснабжения были исчерпаны, чему способствовало резкое увеличение населения города из-за крестьянской иммиграции, развития промышленности, запуска железной дороги. Все больше людей потребляли речную воду, а качество ключевой ухудшалось. Власть, парализованная военно-революционными событиями, не могла повлиять на санитарную обстановку. Кризис питьевой воды усугубил обыкновенные для смутных времен высочайшую младенческую смертность и инфекционные эпидемии.

Литература

1. Ревич Б. А. Роль окружающей среды как фактора смертности населения России // Демоскоп Weekly. № 227–228. 19–31 декабря 2005. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0227/analit02.php> (дата обращения: 23.03.2017).
2. Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург. История городской власти (1745–1919). Документально-публицистические очерки. Екатеринбург: Сред.-Урал. книж. изд-во. Новое время, 2003. 271 с.
3. Дорогой чистой воды. Екатеринбург: «Квадрат», 2005. 367 с.
4. Клер М. О. Водопроводный вопрос в г. Екатеринбурге. Краткая историческая заметка. Екатеринбург, 1912.

Валов Тимофей Васильевич,
магистрант 1-го курса департамента
«Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА
МОЛОДЫХ РЕФОРМАТОРОВ:
ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
(НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Автор исследует региональную политику российского правительства с марта 1997-го по март 1998 г. и ее влияние на политические процессы в Свердловской области.

Ключевые слова: региональная политика; молодые реформаторы; Свердловская область; отношения «центр – регионы».

Valov Timofei Vasilyevich,
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

**REGIONAL POLICY OF THE GOVERNMENT OF YOUNG
REFORMERS: GENERAL TRENDS AND LOCAL SPECIFICS
(ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)**

The author examines the regional policy of the Russian government from March 1997 to March 1998 and its impact on political processes in the Sverdlovsk region.

Keywords: regional policy, young reformers, Sverdlovsk region, «center-regions» relations.

Последнее десятилетие XX в. в истории России стало временем формирования новой политической системы и рыночной экономики, становлением российского федерализма. Важной составляющей

данного процесса являлась выработка оптимальной модели отношений «центр – регионы». Актуальность затрагиваемого вопроса обусловлена тем, что поиск такой модели региональных отношений до сих пор не завершен. Следовательно, исследование данной сферы имеет не только научный интерес, но и возможность использования результатов проведенного анализа в корректировке стратегии и практики региональной политики в РФ. Проблема заключается в том, какая из возможных моделей является наиболее оптимальной для гармоничного развития российского общества и государства. Целью работы является исследование этапа в региональных отношениях, который ряд исследователей обозначают как «модель молодых реформаторов». Эта модель реализовывалась с марта 1997 г., когда первыми вице-премьерами были назначены Б. Е. Немцов и А. Б. Чубайс, по март 1998 г., когда правительство во главе с председателем В. С. Черномырдиным было отправлено в отставку.

К марту 1997 г. произошло значительное усиление регионов в их отношениях с центром. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, после трансформации порядка формирования Совета Федерации от каждого субъекта Федерации сенаторами стали главы исполнительной и законодательной власти. Тем самым он превратился в съезд региональной элиты, политическое влияние которой существенно возросло. Во-вторых, в 1995–1996 гг. прошли выборы глав регионов, которые раньше назначались указом президента, что существенно усилило их позиции. Наконец, со значительной частью субъектов РФ были заключены договоры о разграничении полномочий, в которых прописывалась сфера компетенции центра и региональной власти, что также можно рассматривать как определенное завоевание регионов.

В разных субъектах Федерации были сформированы различные политические и социально-экономические модели, но при этом в большинстве из них можно выявить ряд общих тенденций. В силу отсутствия сильных политических партий, незрелости институтов гражданского общества в подавляющем числе регионов доминирующее положение заняла исполнительная власть во главе с губернатором (президентом). Законодательное собрание в большинстве случаев не было способно играть самостоятельную роль и быть

серьезным противовесом власти губернатора. Так, в ходе выборов в Законодательное собрание Свердловской области в апреле 1996 г. большинство мест заняло прогубернаторское общественное движение «Преображение Урала» [1], и региональный парламент стал надежной опорой главы области. Таким образом, главным игроком, определяющим позицию региона и консолидирующим региональную элиту, становился глава исполнительной власти.

Правительство в этих условиях решило сделать ставку на поляризацию политических сил внутри регионов [2, с. 572] и фрагментацию регионального политического пространства. К весне 1997 г., помимо выборов глав субъектов РФ, также прошли выборы мэров городов, которые, опираясь на мандат народного доверия, получили определенную независимость от главы региона. При этом политическая сила мэра во многом зависела от экономического потенциала возглавляемого города, не последнюю роль играл характер личности главы муниципалитета. Конфликт городских властей с губернаторами позволял центральной власти расширить свое присутствие в регионах, создать определенную базу для воздействия на губернаторов, ограничить их политические ресурсы. В мае 1997 г. первый заместитель председателя правительства А. Б. Чубайс провел встречу с 20 мэрами крупнейших российских городов, в которой участвовал также мэр Екатеринбурга А. М. Чернецкий [3, с. 190]. Была предпринята попытка создания Совета по местному самоуправлению. В тоже время было решено сделать ставку на институт полномочного представителя Президента, который осуществлял координацию действий отделений федеральных структур и должен был выступать «государевым оком» в субъекте Федерации.

В заключение необходимо отметить, что в этот период общий курс и реализация региональной политики значительно зависели от колебаний внутри федеральной политической элиты, и, таким образом, данная политика на практике оказалась непоследовательной и не решила поставленных задач. Для Свердловской области она способствовала углублению конфликта между областью и Екатеринбургом, а также повлияла на изменение характера региональных общественных движений. Так, блок мэра «Наш дом – наш город» и движение губернатора «Преображение Урала» под

воздействием новых вызовов, инициированных центром, претерпели значительную партийно-политическую эволюцию, превратившись из протопартий в партии. Несмотря на невысокую эффективность данной политики в изучаемый период, ее опыт очень важен с точки зрения выработки оптимальной модели отношений «центр – регионы» в Российской Федерации.

Литература

1. *Власова В. В.* История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985–2000 гг.). Екатеринбург, 2005. 190 с.
2. Избирательная комиссия Свердловской области. URL: http://ikso.org/o_komissii/istoriya/stranici_istorii/1995_2003_g_/ (дата обращения: 02.03.2017).
3. *Туровский Р. Ф.* Политическая регионалистика. М., 2006. 790 с.

УДК 93

Вишневская Анастасия Вячеславовна,
бакалавр 3-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

СМЕРТНОСТЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОПЫТ АНАЛИЗА МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ СПАССКОЙ ЦЕРКВИ*

На основе данных метрических книг единоверцев Спасской (Толстиковской) церкви г. Екатеринбурга проанализирована конфессиональная жизнь прихода в начале XX в. С помощью статистических и компьютерных методов было проведено исследование смертности прихожан.

* Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 16-18-10105 «Этнорелигиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии».

В частности, определен половозрастной состав умерших, выявлены благоприятные и неблагоприятные периоды в жизни прихода, установлены наиболее распространенные причины смерти.

Ключевые слова: историческая демография Урала; конфессиональная жизнь; единоверческий приход; метрические книги; смертность.

Vishnevskaya Anastasiya Vyacheslavovna,
3-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

MORTALITY RATE IN EKATERINBURG AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY, EXPERIENCE OF THE ANALYSIS OF PARISH METRIC BOOKS OF THE CONGREGATIONAL CHURCH OF SAVIOR

The death rate in the parish at the beginning of the 20th century has been examined based on the data of the metric books of the congregational Church of Saviour (Tolstikovsaya Church), the city of Ekaterinburg. The information from the appropriate section about dead people has been transcribed into database and analyzed by means of computer methods. In particular, there has been defined the distribution of the dead people on their gender and age; identified favourable and adverse periods in the life of the parish; established the most common causes of death.

Keywords: coreligionists, metric books, database, mortality rate, history, Ural, XIX century.

Изучение религиозных приходов как форм объединения людей в конце XIX – начале XX в. – устойчивый тренд в исторической науке последних десятилетий. Важнейшим источником по изучению религиозных деноминаций являются метрические книги – совокупность записей, фиксирующая важнейшие события жизненного цикла человека: рождение (крещение), бракосочетание (венчание) и смерть (погребение). В настоящее время ведется работа по транскрибированию записей метрических книг Екатеринбурга в электронные базы данных с помощью программы Excel, что зна-

чительно упрощает процесс обработки данных и расширяет исследовательский потенциал.

Данная работа посвящена анализу информации из метрических книг – раздел «Об умерших» единоверческого прихода г. Екатеринбурга за 1901–1919 гг., хранящиеся в фондах Государственного архива Свердловской области [1]. Приход единоверческой Спасской (Толстиковской) церкви, созданный в 1805 г., был первым в Екатеринбургской епархии и одним из первых во всей России и просуществовал до 1917 г. [2, с. 581]. Всего было проанализировано 419 случаев смерти, зарегистрированных в метрических книгах церкви, из которых 203 случая – мужчины (48 %), 216 – женщины (52 %). При этом наибольшее количество смертей приходилось на младенцев (от 0 до года) – 147 случаев. Анализ смертности по годам позволил выявить благоприятные периоды с небольшим числом совершенных погребений: 1903–1910 гг., а также предвоенные 1912–1914 гг. Резкое увеличение числа смертей было отмечено в 1903, 1911 гг. и в военные 1915–1917 гг. Стоит сказать, что подобная тенденция наблюдалась и в православном приходе Екатерининской церкви г. Екатеринбурга: сокращение смертности приходилось на 1912–1913 гг., в то время как рост смертности отмечен в 1910–1911 гг. и в 1914–1916 гг. [3, с. 343].

В метрических книгах единоверцев Спасской церкви были указаны медицинские диагнозы, которые привели к смерти, за исключением четырех случаев. Это позволяет предположить, что прихожане пользовались услугами врачей, хотя имя фельдшера, поставившего диагноз, указано лишь в одном случае. Взрослые чаще всего умирали от чахотки (туберкулез) – 54 случая, а дети до года – от «родимца» (младенческие судороги) – 49 случаев. Исследования, посвященные католическому приходу костела св. Анны позволяют нам сделать вывод о том, что туберкулез был наиболее распространенной причиной смертности и среди других религиозных деноминаций г. Екатеринбурга [4, с. 345–352].

Дальнейшее изучение метрических книг единоверческого прихода Спасской церкви, а также сравнение полученных данных с информацией других приходов позволит выявить влияние религиозной принадлежности на демографические характеристики горожан.

Литература

1. ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 23, 165.
2. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Братство Св. Праведного Симеона, верхотурского Чудотворца, 1902. 647 с.
3. Вишневская А. В., Главацкая Е. М. Конфессиональная жизнь православного прихода г. Екатеринбурга в начале XX в. (по материалам метрических книг церкви во имя святой великомученицы Екатерины) // Церковь. Богословие. История : материалы V Международ. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург : Екатеринбург. духовная семинария, 2017. С. 339–344.
4. Заболотных Е. А., Главацкая Е. М. Последний путь: метрические книги польского католического прихода г. Екатеринбурга в конце XIX – начале XX вв. (раздел о смертях) // Церковь. Богословие. История : материалы V Международ. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург : Екатеринбург. духовная семинария, 2017. С. 345–352.

УДК 93

Владимирова Анастасия Евгеньевна,
бакалавр 3-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

«ДАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ...»: ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИШЕНЦЕВ- КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДЕЛ (1918–1936)

Статья посвящена источниковедческому анализу личных дел лиц, ходатайствующих о восстановлении избирательных прав, утраченных в ходе избирательных кампаний 1918–1936 гг. за контрреволюционную деятельность. Изучены состав и особенности представленных докумен-

тов, анализ которых позволил выяснить причины лишения избирательных прав, социальное и имущественное положение лишенцев, а также их место в новом советском обществе.

Ключевые слова: «лишенцы»; лишение избирательных прав в 1918–1936 гг.; контрреволюция; избирательное законодательство; репрессии; СССР.

Vladimirova Anastasiya Evgenyevna,
3-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

«GIVE AN OPPORTUNITY TO LIVE AND WORK ...»: DISENFRANCHISED COUNTER-REVOLUTIONARIES CHARACTERISTICS BASED ON PERSONAL FILES (1918–1936)

The article is devoted to a source-studies analysis of the personal records of disenfranchised counter-revolutionaries in 1918–1936. The author studies the composition and features of these documents, reconstructs the reasons for the deprivation of electoral rights, the social and financial status of disfranchised people, and their place in the new Soviet society.

Keywords: disfranchised people, disenfranchisement 1918–1936, repression, electoral legislation, internal counterrevolution, USSR.

Построение нового государства в первые годы советской власти неизбежно влекло за собой отрицание всего старого – морали, законов, социальных иерархий и т. д. Власть рабочих и крестьян, так давно желавшая покончить со своими классовыми врагами, получила чрезвычайные полномочия, границы которого определялись «революционной законностью». Одним из методов борьбы с чуждыми новому обществу элементами стало лишение избирательных прав, где, наряду с душевнобольными и заключенными, права выбирать и быть избранными лишались «эксплуататоры, служители культа, бывшие чиновники, белогвардейцы» и т. д. [1, с. 561–562].

Клеймо «лишенца» часто ставило человека и членов его семьи вне общества: их исключали из вузов, увольняли с предприятий,

не брали в колхозы, отказывали в пенсионном обеспечении. На лишенцев возлагались новые обязательства – непосильный сельхозналог, участие в тыловом ополчении, в лесозаготовках и т. п. Помимо этого, люди испытывали моральный гнет, т. к. списки лишенных избирательных прав публиковались в местных печатных изданиях либо публично зачитывались на собраниях: «...в своем с/совете мне казалось, что все смотрели на меня как на отщепенца, стал форменно большим мнением, что я лишенный человек» [2, Л. 7].

В Государственном архиве Свердловской области в фонде Исполнительного комитета Свердловского областного Совета народных депутатов хранится 1611 личных дел за 1918–1936 гг., лишенных избирательных прав за контрреволюционную деятельность и ходатайствующих об их восстановлении, и 20 дел – членов семей лишенцев [3]. В состав личных дел входят как официальные документы (постановления, выписки из протоколов, справки, подтверждающие, например, трудовой стаж ходатайствующих, без которого восстановление в избирательных правах было невозможным), так и источники личного происхождения (обращения, письма). Удовлетворение ходатайства о восстановлении в «правах гражданства» являлось важным не только для обретения права голоса, но и для получения полноценного статуса в обществе.

Из 163 рассмотренных личных дела, что составляет 10% от общего количества документов, средний возраст лишенцев составляет около 44 лет, что говорит о довольно значительном жизненном пути за их плечами. Поэтому от решения ВЦИК зависела их дальнейшая судьба. «Дайте возможность жить и работать, не обрекайте на позорное существование...» [2, Л. 8] – это все, о чем просят ставшие лишними в новом обществе люди.

Обвинение в контрреволюционной деятельности чаще всего выносилось за службу в Белой армии, агитацию против советской власти, организацию власти на местах «во время пребывания белых банд». Однако могли быть и другие причины. Например, бригадир, который в 1931 г. заморозил семенной картофель и вывалил его в овраг, обвинили в контрреволюционных действиях, «вспомнив» факт о его обучении в школе прапоров в г. Перми, куда его отправили «за активную белобандитскую деятельность» [4]. Не-

редко к обвинению в контрреволюционной деятельности добавляли и другие статьи, олицетворяющие борьбу советской власти с «нэпманами», кулаками и верующими. Принимая во внимание, что большинство рассмотренных дел относятся к 1928–1930 гг., из 10,42 % лишенцев, обвиненных по «двойной» статье, 41,2 % были раскулачены, 35,3 % – обвинены в занятии торговлей, 23,5 % – за связь с религиозным культом. Примечательным фактом является то, что большинство ходатайствующих лишенцев-контрреволюционеров – крестьяне, имевшие крепкое «средняцкое» хозяйство.

В 1936 г. выйдет новая Конституция, по которой избирательное право получают все категории граждан, независимо от их прошлого. Но еще не скоро будет стерто из биографий пятно лишения: при заполнении анкет, автобиографий вопрос: «Лишался ли кто-нибудь из членов семьи избирательных прав?», просуществоует вплоть до 1950-х гг.

Литература

1. Декреты Советской власти : в 3 т. М.: Политиздат. Т. 2. 1959. 686 с.
2. ГАСО. Ф. Р-88 Оп. 6. Д. 1426.
3. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6, 7, 8.
4. ГАСО. Ф. Р-88 Оп. 8. Д. 181.

УДК 903

Гончарова Евгения Николаевна,

магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ЭКСПЕРИМЕНТ В АРХЕОЛОГИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В докладе подняты вопросы физического моделирования древних технологий. Основные темы – роль эксперимента в изучении каменных

индустрий древности и общие принципы применения метода эксперимента в археологических исследованиях.

Ключевые слова: археология; эксперимент; физическое моделирование; технология.

Goncharova Evgenia Nikolaevna,

1-year master student of the department «Historical faculty»

Institute of Humanities and Arts

Ural Federal University

EXPERIMENT IN ARCHEOLOGY: GENERAL CHARACTERISTICS AND PERSPECTIVES

The report will raise issues of physical modeling of ancient technologies. The main topics are the role of the experiment in the study of stone industries of antiquity and general principles of the application of the experimental method in archaeological research.

Keywords: archaeology, experiment, physical modeling, technology.

Эксперимент – метод исследования, предполагающий моделирование явлений действительности в контролируемых условиях и под наблюдением. Он основывается на гипотезе, определяющей постановку задач и интерпретацию его результатов.

Метод эксперимента, на первый взгляд далекий от исторических дисциплин, применяется в археологии. Он предполагает физическое моделирование хозяйственных процессов, бытовавших в древности, масштабы экспериментальных исследований могут варьироваться от воспроизведения отдельных предметов и операций до комплексных реконструкций систем хозяйствования.

Изначально эксперимент рассматривался как вспомогательный метод, дающий материал для исторических и технологических изысканий [1, с. 20]. Со временем появился альтернативный взгляд на экспериментальные исследования. Согласно этой позиции, эксперимент – способ обрести предметно-чувственный опыт и до определенной степени преодолеть культурную и хронологи-

ческую пропасть между памятником древности и исследователем [2, с. 152; 3, с. 13].

При постановке эксперимента очень важен вопрос, ответ на который мы хотим получить в итоге. Не имея четко поставленной задачи, мы по большому счету получаем не экспериментальное исследование, а реконструкцию древних ремесел. Этот процесс имеет совсем иные цели.

Формально эксперимент также отличается тщательной фиксацией подготовительных этапов работы, хода и результата в разных формах: записи, фотографии, рисунки, видео. Непременным атрибутом эксперимента является его повторяемость, она позволяет ограничить влияние случайных факторов на результаты и выводы.

Экспериментальные модели нельзя напрямую переносить на историческую действительность. Воспроизведение тех или иных операций в настоящем означает возможность их существования в прошлом, но не гарантирует его. Эту оговорку позволяют отчасти преодолеть метод этнографических параллелей, а также технологические и трасологические исследования.

Тем не менее в настоящее время эксперимент занимает достойное место в арсенале инструментов изучения древних обществ.

В изучении каменного инвентаря метод эксперимента зачастую работает в связке с функционально-трасологическими исследованиями и технологическим анализом.

Основоположником трасологии стал С. А. Семенов, он же заложил традицию экспериментальных исследований в археологии в нашей стране [4, с. 3]. Трасология – наука о следах. Любая работа приводит к образованию на поверхности любого инструмента специфических следов сработанности. Их характер и расположение позволяют определить функциональное назначение предмета и кинематику движений. Но для понимания значения древних следов необходимо создать коллекцию эталонов – современных орудий, изготовленных из идентичного сырья и с применением сходных технологий, а затем поработать ими некоторое время до образования следов. Именно в этой части на помощь исследователю приходит эксперимент.

Технологический анализ предполагает изучение каменных индустрий с позиции технологии обработки камня [1, с. 4; 5, с. 6], учитывается сырье, приемы первичного ращепления и вторичной обработки, набор приемов подготовки и подживления исходных отдельностей или заготовок. В качестве источника информации об этом выступают, как правило, отходы камнеобработки, обнаруженные в результате работ на памятниках археологии. Для того чтобы корректно связывать морфологию археологических сколов с их местом в технологическом процессе и определять те приемы, которыми пользовался древний мастер, личный опыт ращепления весьма желателен.

Что касается «эксперимента ради эксперимента», то его применение может дать информацию о сложности или простоте, временных и трудовых затратах на проведение тех или иных операций и об их принципиальной возможности. Экспериментальное ращепление камня также позволяет практически оценить качество сырья, что дает основу для понимания сырьевых предпочтений древних мастеров. С большой долей осторожности мы можем наметить некоторые поведенческие особенности, характерные для людей в древности.

Применение экспериментальных исследований, вкупе с иными подходами к изучению археологического материала, создает объемную картину хозяйственного и культурного облика древних обществ. Опыт физического моделирования напоминает, что вещи, с которыми археолог имеет дело, создал человек, а археология – в первую очередь наука о людях.

Литература

1. *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997. 198 с.
2. *Васильев В. Г.* Некоторые методологические вопросы экспериментальных исследований // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. 156 с.
3. *Глушков И. Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.

4. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. 376 с.

5. *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня эпохи среднего палеолита. СПб., 1999.

УДК 93

Заболотных Елизавета Александровна,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

СОЛДАТСКАЯ СИНАГОГА ЕКАТЕРИНБУРГА В XIX в.: ИСТОРИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ*

Работа посвящена истории создания солдатской синагоги в Екатеринбурге. На основе анализа делопроизводственных материалов из фондов ГАСО, в том числе книг приказов и формулярных списков, установлено, что в составе Оренбургского линейного батальона № 8, расквартированного в г. Екатеринбурге в XIX в., были католики-поляки, лютеране, мусульмане-башкиры и татары, старообрядцы и евреи, сохранившие приверженность иудаизму. Именно они составили приход первой солдатской синагоги в городе. В результате проведенного анализа выявлена численность и особенности религиозной жизни солдат-иудеев.

Ключевые слова: Оренбургский линейный батальон; кантонисты; иудеи; синагога; история; Урал; XIX в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)».

Zabolotnykh Elizaveta Alexandrovna,
1-year master student of the department
«Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

SOLDIERS' SYNAGOGUE IN THE 19th CENTURY YEKATERINBURG: HISTORY, POPULATION, EVERYDAY LIFE

The paper focuses on the history of the first Synagogue in the 19th century Ekaterinburg. The first Jewish community in the city were the Jewish conscripts, who refused to be baptized. They served as soldiers the Orenburg's Battalion No. 8 stationed in Ekaterinburg. The new documents discovered in the State archive of Sverdlovskaya oblast' (GASO) allowed to trace the history of the first Synagogue in Ekaterinburg, which consisted mainly of the Jewish conscripts, their numbers and everyday life.

Keywords: Orenburg's linear battalion, cantonists, Jews, Synagogue, history, Judaism, Urals, 19th century.

История создания первой синагоги в Екатеринбурге непосредственно связана с реформой вооруженных сил, в частности с реорганизацией горных батальонов, находившихся при уральских заводах [1]. Один из них, Оренбургский линейный батальон № 8, был расквартирован в Екатеринбурге. Рядовые несли охрану заводов и приисков, сопровождали караваны с золотом и монетами; помогали при тушении пожаров. Мундирам военнотружущих батальона посвящено две монографии [2, с. 11; 3, с. 87–103], между тем состав соединения и его повседневная жизнь пока не были рассмотрены. Целью данного исследования является реконструкция состава и деталей религиозной жизни батальона на основе анализа делопроизводственных материалов из фондов ГАСО.

В результате проведенного исследования удалось установить, что состав батальона № 8 был этнически и религиозно крайне разнородным. В нем проходили службу католики-поляки; мусульмане – башкиры и татары; лютеране и старообрядцы. С 1843 г. в состав батальона вошли иудеи в основном из числа подросших

кантонистов [4, с. 124–125]. Кантонистские батальоны и школы для обучения солдатских детей существовали уже с 1805 г., а с 1827 г. в них стали набирать еврейских мальчиков, так же, как и детей «раскольников», польских повстанцев, цыган и прочих «неблагонадежных» граждан. Создание кантонистских батальонов было рассчитано на то, что маленькие рекруты примут православие, однако многие остались верны своей религии. Во всяком случае, в Оренбургском линейном батальоне № 8 состояло несколько десятков иудеев из числа бывших кантонистов.

Согласно закону о рекрутах военнослужащие-иудеи имели право исполнять обряды по своей вере, собираться вместе для молитвы, особенно во время праздников. Поскольку в Екатеринбурге синагоги не имелось, командир батальона, полковник С. В. Пашенко, подал весной 1851 г. рапорт о предоставлении военнослужащим-иудеям, которых в полку насчитывалось 81 человек, квартиры для богослужения [5]. В результате в 1852 г. в городе уже была «еврейская молитвенная школа» [1]. Обязанности раввина исполняли рядовой батальона Азриль Шинделькронт и солдат инвалидной команды Мовша Гольгор [6]. Согласно формулярным спискам, в 1856 г. в ротах Оренбургского линейного батальона № 8 состояло 75 солдат-иудеев, при них находились семь женщин (солдатские жены) и трое детей [7]. На восточной окраине города было выделено место для захоронения умерших солдат-иудеев [8]. Анализ меню солдатской столовой позволяет предположить, что верующим было несложно соблюдать предписания кошерного питания [9].

Таким образом, к середине XIX в. в Екатеринбурге официально существовала синагога, в составе которой было около 100 верующих, преимущественно военнослужащие в возрасте 18–43 лет. Община имела раввинов из числа солдат, место для богослужений и кладбище. Солдатская синагога Екатеринбурга прекратила свое существование в конце 1850-х гг., однако вышедшие в отставку солдаты могли составить основу городской общины, появившейся в конце XIX в. Анализ данных метрических книг в дальнейшем позволит подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Литература

1. Лобанов Д. А. Горнозаводские войска XVIII – середина XIX вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 100–104.
2. Антропова И. Е., Оштрах М. И. История евреев на Урале: каталог документов архивов Свердловской, Пермской и Тюменской областей. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 144 с.
3. Лобанов Д. А., Рукоусев Е. Ю. Мундиры войск, располагавшихся на горных заводах Урала в период царствования Александра I // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 87–103.
4. Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург : Ср.-Урал. кн. изд-во., 1992. 240 с.
5. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1366. Л. 1–1 об.; 5–5 об.
6. ГАСО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 42. Л. 116 об., 144 об.
7. ГАСО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 45.
8. ГАСО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 22. Л. 115 об.
9. ГАСО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 17. Л. 82–85 об.

УДК 09.94.0

Каштанов Дмитрий Дмитриевич,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОСРЕДСТВОМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В 1934–1935 гг.

В работе автор исследует заголовки статей выпусков газеты «Уральский рабочий» за 1934–1935 гг., используя методику контент-анализа. Выявленные статьи формализуются и распределяются автором на три группы по принципу эмоционально-содержательной нагрузки. Автор

делает выводы о преобладающей мотивации в статьях и в целом о потенциале методики контент-анализа в изучении данной проблематики.

Ключевые слова: советская периодическая печать; общественное сознание; контент-анализ в исторических исследованиях.

Kashtanov Dmitry Dmitrievich,

1-year master student of the department «Historical faculty»

Institute of Humanities and Arts

Ural Federal University

PRACTICES OF SOCIAL CONSCIOUSNESS CONSTRUCTION IN THE «URAL WORKER» NEWSPAPER IN 1934–1935

The author, using quantitative history's technique – content analysis, researches articles of «Ural worker» newspaper in 1934–1935. Also, the author categorizes articles into three groups depending on the emotional charge and analyses the correlation between them. The main unit of measurement is the headline of the article, which usually represents key content of the article. Finally author discovers main motivation in articles and make conclusions about content analysis as a history research's method.

Keywords: Soviet periodical, social consciousness, content-analysis in history research.

Потребность государства в мобилизации ресурсов населения для проведения индустриализации в первой половине 1930-х гг. обусловила выработку специальных практик формирования положительного отношения к социально-экономическим, политическим и идеологическим кампаниям. Одним из основных каналов конструирования общественного сознания стала периодическая печать. Практики со временем приобрели собственный набор символов, психозначимых сигналов и лингвистических конструкторов, вызывавших у населения определенную реакцию и актуализировавших необходимые установки социального поведения. Данное исследование посвящено выявлению некоторых практик конструирования общественного сознания и их структурных элементов в газете «Уральский рабочий».

Наиболее результативным и историографически осмысленным методом изучения материалов периодики является контент-анализ. В качестве ярких примеров применения метода следует отметить статьи С. М. Поповой [1], И. Д. Архангельской [2], кандидатскую диссертацию Н. В. Раздиной [3]. Опыт изучения газеты «Уральский рабочий» методом контент-анализа представлен в диссертации А. В. Лямзина [4].

Для анализа был выявлен массив источников: номера за 1934–1935 гг. (объем – 27 номеров), так как 1934 г. – это рубежная дата становления тоталитаризма в СССР: в январе-феврале проходил XVII съезд ВКП (б), известный как «Съезд расстрелянных» – фактически последний демократический. Пилотный характер исследования позволяет изучить небольшой промежуток: 2 года.

Одной из практик конструирования общественного сознания является публикация статей, имеющих яркую эмоциональную окраску, нацеленных на формирование какой-либо установки. За единицу наблюдения и счета в данном исследовании был принят заголовок статьи. Хронологически выявленные и формализованные по принципу эмоционально содержательной нагрузки публикации газеты распределяются следующим образом:

- *«статья-призыв»*. Заголовок сформулирован как лозунг, а содержание раскрывает его на примерах и в более пространственных установках. В номерах за 1934 г. выявлено и проанализировано 47 таких статей, за 1935 г. – 27;

- *«статья-осуждение»*. Статья обличает нежелательные действия или «вредные» практики, многократно повторяется лексика с ярко выраженной негативной окраской. В номерах за 1934 г. выявлено и проанализировано 92 такие статьи, за 1935 г. – 81;

- *«статья – личный пример»*. На личном примере в масштабе личности или группы лиц конструируется эталонный образ поведения для советского человека. В номерах за 1934 и 1935 гг. выявлено и проанализировано по 42 такие статьи.

Исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в статьях, направленных на формирование новых конструкторов, редакция газеты чаще использует мотивацию с негативной коннотацией. Об этом свидетельствует двукратный и более пе-

ревес «статей-осуждений» над другими выделенными видами. Во-вторых, стоит отметить важную деталь: в статьях как с положительной, так и с отрицательной мотивацией прослеживается тенденция к персонификации той или иной практики. Если какое-либо действие ставится в пример, то он связан с символическим носителем – первопроходцем. Описание проблемных ситуаций/отклонений/конфликтов также, как правило, акцентирует свое внимание на конкретном виновнике.

В целом следует отметить высокий потенциал газеты «Уральский рабочий» для исследования практик конструирования общественного сознания. Применение метода контент-анализа позволяет получать информацию, которую можно определить как скрытую, недоступную для выявления традиционными методами исторического исследования.

Литература

1. *Попова С. М.* Контент-анализ в исследовании облика положительного героя на страницах газет 30-х годов // Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 33–49.
2. *Архангельская И. Д.* К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983. С. 110–126.
3. *Раздина Н. В.* Газета «За индустриализацию» как источник для изучения промышленной политики советского государства в 1930–1940 гг.: опыт контент-анализа редакционных статей : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 248 с.
4. *Лямзин А. В.* Периодическая печать как источник по истории взаимоотношений церкви и государства в 1920-е гг.: На примере Уральского региона : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 339 с.

Кохановский Александр Артурович,
магистрант 2-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

УМЕРЕННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 1917 ГОДА

На материалах центральной и региональной (Пермская губерния) прессы и предвыборной агитации рассматриваются характерные особенности предвыборной борьбы умеренно-социалистических партий в период революции 1917 года. Выявляется ряд факторов, не позволивших этим партиям противостоять большевизации органов власти и Октябрьскому перевороту.

Ключевые слова: революция 1917 года; умеренные социалисты; эсеры; меньшевики; предвыборная борьба.

Kokhanovski Aleksandr Arturovich,
2-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

MODERATE SOCIALISTS: FEATURES OF THE PRE-ELECTION CAMPAIGNS OF 1917

In the article on the materials of the central and regional (Perm province) press and pre-election agitation, the characteristic features of the pre-election struggle of moderately socialist parties during the Revolution of 1917 are considered. A number of factors is revealed that prevented these parties from resisting the bolshevisation of the organs of power and the October coup.

Keywords: the Revolution of 1917, moderate socialists, the socialist-revolutionaries, the mensheviks, pre-election struggle.

Агитационные материалы, по которым возможно реконструировать характер межпартийной борьбы в период революции 1917 г., выпускались политическими партиями к муниципальным выборам в гордумы и земства июля-августа и ноября, а также выборам в Учредительное собрание, притом их содержание можно разделить на две части: изложение своей политической программы и контрагитация против партий-соперников. Наибольшую активность в предвыборных кампаниях проявляли союзники по правительственной коалиции – партии правых социалистов-революционеров (далее – ПСР) и меньшевиков.

Так, меньшевики проявили заметный творческий талант, к выборам в Учредительное собрание изложив свою программу-минимум в стихах [1]. Нападки меньшевиков затрагивали не только большевиков, но и соратников – меньшевиков-интернационалистов. Не забывали они критиковать и ПСР. Ими была выпущена листовка «Ни одного рабочего голоса социалистам-революционерам», разоблачавшая чуждость эсеровской идеологии для пролетариата [2, с. 154]. Лишь себя меньшевики именовали лучшей партией, способной защищать интересы народа и дело русской революции, оставаясь верной идеям социализма.

Массированную кампанию на выборах вели и правые эсеры. Как и меньшевики, агитировавшие против соратников по блоку, ПСР издала листовку «Не голосуйте за меньшевиков!», разоблачавшую, в свою очередь, губительную меньшевистскую тактику разъединения трудящихся по классам в пользу рабочих и их необоснованные нападки на крестьян как мелкобуржуазный элемент [2, с. 164]. В Екатеринбурге эсеры собирали женское собрание для обсуждения выборов в гордуму, а на Пермском крестьянском губсъезде призывали к созыву местных сходов для агитации в поддержку эсеровских списков в Учредительное собрание.

Перед выборами в Учредительное собрание они разъясняли своему потенциальному электорату причины несостоятельности всех существовавших партий, заявляя, что лишь ПСР сможет дать жаркий бой за землю, а не проголосуют за нее только те, «кто ездит на спинах трудового крестьянства». В специальных прокламациях эсеры заранее клеймили позором людей, которые не собираются

голосовать во имя общего дела, поскольку они являются врагами себе и трудовому народу. Важнейшие положения прокламаций дублировались на тюрко-татарском языке (арабской графикой), что свидетельствовало о стремлении эсеров донести свои программы в как можно более широкую социальную среду. Эсеры рекомендовали избирателям внимательно изучить историю партии, стойкость ее лозунгов и тяжелый опыт революционной борьбы ее членов. Направляя избирателей по необходимому пути, к прокламациям ПСР приложила подробные автобиографии кандидатов в члены Учредительного собрания. В них кандидаты в красочной, художественной форме описывали свою тяжелую жизнь во время борьбы за народное благо, сообщая о длительном стаже партийной работы, за которую они не однократно пострадали тюрьмой и ссылкой [3]. Выпускали эсеры и иллюстрированные плакаты: на них изображены символы серпа и молота, разорванных цепей, солнца, а также кровавой чаши, испитой народом в борьбе за землю и свободу [4, с. 206–209]. Преимущественное доминирование текстовых материалов над изобразительными с учетом низкого уровня грамотности населения можно объяснить тем, что они оглашались активистами для посетителей митингов.

Приведенные материалы свидетельствуют о наличии в 1917 г. ситуации жесткой политической конкуренции, причем не только между враждующими, но и между сотрудничающими партиями. Эта черта, объясняемая, по-видимому, строгим восприятием членами ПСР и РСДРП всех уровней расхождений в партийных идеологиях и четким целеполаганием на победу своей партии, а не всей коалиции, радикально отличала их от участников «левого блока» (большевиков и левых эсеров), которые нападок друг на друга не допускали, предпочитая более утилитарный характер сотрудничества. Возможно, именно эта особенность привела к тому, что ПСР и РСДРП не смогли провести более тесное сближение и оказать совместный отпор надвигающейся угрозе большевистского переворота и разгону Учредительного собрания. Хотя эсеры и меньшевики находились друг с другом в довольно дружественных личных отношениях, а иногда даже приходились родственниками, им удавалось добиваться локальных побед на местных выборах,

а кое-где оставаться у власти до конца весны 1918 г. Обилие же каналов информации для агитации (по сравнению с «лишенными слова» после июльских событий большевиками) скорее навредило им, чем оказало помощь.

Литература

1. Пермский вестник Временного правительства. 1917. 3 ноября.
2. Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов / сост. Г. И. Злоказов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 150–174.
3. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 78.
4. Обухов Л. А. Предвыборная агитация в Учредительное собрание // Вестн. Перм. ун-та. 2015. № 3(30). С. 205–222.

УДК 903

Мельник Татьяна Викторовна,

бакалавр 3-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ БАРСОВОЙ ГОРЫ

В статье рассматривается история изучения погребальных комплексов Барсовой Горы (энеолит – XIX в.). Охарактеризованы основные этапы изучения. Расположенные на территории урочища Барсова Гора могильники позволят изучить погребальные обряды Западной Сибири.

Ключевые слова: археология; погребальный комплекс; Барсова Гора.

Melnik Tatiana Viktorovna,
3-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

HISTORY OF FUNERARY COMPLEXES OF BARSOVA GORA

The article researches a history of studies on Barsova Gora funerary complexes from Aeneolithic period to 19 century. The author describes the main stages of this process. Burial grounds of the Barsova Gora site will help researchers to study funeral ceremonies of Western Siberia.

Keywords: archeology, funerary complex, Barsova Gora.

Урочище Барсова Гора, расположенное в Сургутском Приобье, хорошо известно специалистам благодаря уникальной концентрации археологических памятников. Исследования, начавшиеся здесь во второй половине XIX в., не прекращаются до настоящего времени. Люди, населявшие эту территорию, оставили после себя не только многочисленные неукрепленные поселения и городища, но и погребальные памятники, которые представлены одиночными погребениями и могильниками. Вместе с тем за более чем вековую историю археологических раскопок на Барсовой Горе не появилось ни историографических работ, ни обобщающих трудов, посвященных древним и средневековым некрополям Барсовой Горы [1, с. 5–10].

В изучении погребальных комплексов Барсовой Горы можно наметить два основных этапа, которые различаются по продолжительности, по количеству участвовавших в них специалистов и числу открытых ими памятников.

Первый этап охватывает период с 1891 по 1970-е гг. Он связан с научной деятельностью шведского ученого-ориенталиста Ф. Р. Мартина. В 1891 г. исследователь прибыл в г. Сургут для проведения археологических и этнографических работ и приступил к раскопкам открытого на Барсовой Горе погребального комплекса. За время исследований Ф. Р. Мартину удалось раскопать могильное поле, на котором обнаружено около 111 погребений. Этот памятник получил название Барсов Городок (ныне могильник Барсов-

ский I). На сегодняшний день это самый крупный погребальный комплекс на территории урочища Барсова Гора. Полевые материалы Ф. Р. Мартина были опубликованы лишь в 1935 г. его другом и коллегой Т. Й. Арне и долгие годы служили важным источником по средневековой истории таежного Приобья [1, с. 5]. Вплоть до начала 1970-х гг. могильники на Барсовой Горе не исследовались.

Второй этап приходится на 1970-е гг. и продолжается по наши дни. Это время второго открытия урочища, произошедшее в 1973 г. благодаря становлению нефтегазового комплекса Тюменского севера, когда сюда устремились археологи Уральского госуниверситета (г. Свердловск). Именно во второй период была изучена значительная часть погребальных комплексов. Интересующие нас объекты исследовались Ю. П. Чемякиным, В. А. Борзуновым, А. П. Зыковым, Н. В. Федоровой, Г. В. Бельтиковой и К. Г. Карачаровым. Сейчас можно сказать, что на территории Барсовой Горы раскопано около 240 погребений, входящих в состав 8 могильников, а также два отдельных погребения [2; 3, с. 4–5]. Если самый ранний некрополь датируется энеолитом, то наиболее поздние объекты относятся к XVIII–XIX вв.

Ввиду своей специфики погребальные памятники дополняют в значительной степени информацию, получаемую археологами при изучении поселенческих объектов. Изучение некрополей позволяет зафиксировать порядок пред- и послепохоронных действий, лучше понять культуру и миропонимание народов таежной зоны Западной Сибири. Концентрация разновременных могильников на территории Барсовой Горы позволяет проследить развитие погребального обряда на протяжении тысячелетий, но это является темой отдельного исследования.

Литература

1. Чемякин Ю. П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.
2. Чемякин Ю. П. Новый могильник в Сургутском Приобье // Сов. археология. 1980. № 3. С. 276–280.
3. Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. 208 с.

Михеев Илья Александрович,
магистрант 1-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

**ПРИЧИНЫ ПРОРЫВА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК К МОСКВЕ
В СЕНТЯБРЕ-НОЯБРЕ 1941 ГОДА: ФАКТОР НЕДООЦЕНКИ
ПРОТИВНИКА И ПЕРЕОЦЕНКИ СВОИХ СИЛ
СОВЕТСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ**

В работе рассматривается влияние фактора неверной оценки противника и переоценки своих сил советской стороной на первом этапе Московской битвы. В итоге делается вывод о степени влияния этого фактора по сравнению с другими.

Ключевые слова: оборона; советское командование; Вермахт; недооценка; переоценка

Miheev Ilyya Aleksandrovich,
1-year master student of the department
«Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

**THE REASONS FOR THE BREAKTHROUGH OF GERMAN
TROOPS TO MOSCOW IN SEPTEMBER-NOVEMBER 1941:
THE FACTOR OF UNDERESTIMATION OF THE ENEMY
AND THE REASSESSMENT OF HIS FORCES
BY THE SOVIET COMMAND**

The article examines the influence of the factor of incorrect assessment of the enemy and the reassessment of his forces by the Soviet side in the first stage of the Moscow battle and concludes the degree of influence of this factor in comparison with other factors.

Keywords: defense, Soviet command, Wehrmacht, underestimation, reassessment.

В Великой Отечественной войне СССР понес большие по численности потери Вооруженных сил – по современным оценкам, около 11 млн 444,1 тыс. (убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести, попавшими в плен) [1, с. 130]. Это выглядит странно при сравнении численности вооруженных сил Германии и СССР. Вермахт в течение всей войны явно численно был меньше по всем родам войск и видам вооружения, особенно в начале [2, с. 59–63; 3, с. 501–502]. Современная историческая наука предлагает разные объяснения этого противоречия. Автор, как ему кажется, нашел новое объяснение: фактор недооценки противника и переоценки своих сил советской стороной, то есть неадекватное, несоответствующее объективным реалиям восприятие своих и вражеских вооруженных сил, их мощи, численности, возможных действий и вытекающие из этого ошибки в планировании, оценке и ведении боевых действий. В данном случае исследоваться будет наличие этого фактора у советского командования и его влияние на успех немецких войск на первом этапе Московской битвы.

Довольно часто в советской историографии прорыв немцев к Москве объяснялся их многократным численным превосходством [4, с. 253; 5, с. 120; 6, с. 109–110]. В некоторых современных исследованиях перевес немецких сил признается менее значительным [7, с. 90–95]. В. В. Бешанов же отрицает численное превосходство вермахта в личном составе: «Наконец немцы действительно имели небольшой перевес в технике, в том числе и в танках» [8, с. 391–392]. Таким образом, количественный перевес у вермахта если и был, то незначительный.

Однако история войн XX века наглядно показывает – обороняться легче, чем наступать, оборона требует меньше людских и материальных ресурсов, и при грамотно построенной и глубоко эшелонированной обороне вполне возможно меньшими силами сдерживать количественно превосходящие силы врага. Однако советская оборонительная система на Западном направлении в сентябре 1941 г. этим критериям не соответствовала. Одна из причин

этого плохого состояния – довоенное пренебрежительное отношение советского командования к обороне как к способу ведения боевых действий [9, с. 65–66]. Другая – в сентябре 1941 г. на Центральном направлении советскими войсками предпринимались наступательные действия с целью не дать противнику передышки, нанести потери и сковать его силы. В итоге части и соединения РККА оказались измотаны до предела и не готовы к отражению немецкого наступления. Здесь явно прослеживается неверная оценка своих сил [7, с. 241–242]. Также неверным был и анализ вражеских: «Недооценили возможности врага по быстрому ее усилению, ошиблись в сроках готовности его к новой масштабной операции... Сказалась и недооценка возможностей разведки противника, особенно воздушной, по вскрытию системы нашей обороны» [7, с. 241–242].

Таким образом, можно сделать вывод, что фактор неверной оценки своих и вражеских сил имел определенное влияние на неудачный для РККА итог первой фазы битвы за Москву. Недооценка советским командованием роли обороны до войны и, следовательно, неготовность армии к выполнению оборонительных задач, а также его стратегические просчеты в сентябре 1941 г. имели примерно равное влияние на события. Они привели к быстрому крушению обороны трех советских фронтов на Западном стратегическом направлении, выводящем к важнейшему политическому, экономическому и военному центру страны.

Литература

1. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. 415 с.
2. Солонин М. Фальшивая история Великой войны. М. : Яуза, 2008. 320 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М. : Кучково поле, 2015. 864 с.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : в 6 т. Т. 2. М., 1961. 682 с.

5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история : в 12 т. М. : Воениздат, 1965. 632 с.
6. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 4. М., 1975. 536 с.
7. *Лопуховский Л.* 1941. Вяземская катастрофа. М. : Эксмо, 2008. 640 с.
8. *Бешанов В. В.* Танковый погром 1941 г. М. : Яуза, 2008. 480 с.
9. *Величко Ю. В.* Тоталитарные режимы : материалы к спецкурсу. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. 67 с.

УДК 903

Мосунова Анна Владимировна,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

РАННИЕ ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА р. ДУВАН*

В статье представлены предварительные результаты изучения энеолитического комплекса многослойного памятника Дуванское XVII. Большое количество находок и сооружений, относящихся к переходу от каменного века к бронзовому, свидетельствуют о длительности обитания здесь людей, живших в эпоху энеолита. Особое внимание уделяется группе ям, по своим параметрам и содержанию похожим на могильные.

Ключевые слова: археология; погребения; поселение; энеолит; Нижнее Притоболье.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках госзадания № 33.7280.2017/БЧ.

Mosunova Anna Vladimirovna,
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

EARLY BURIALS ON THE DUVAN RIVER

The article presents the preliminary researching results of the Eneolithic complex at the Duvanskoe XVII multilayered settlement. A large number of finds and constructions related to the transition from the Stone Age to the Bronze Age indicate long staying of people there in the Eneolithic epoch. Particular attention is paid to a group of pits, similar to graves in its parameters and content.

Keywords: archaeology, burials, funeral rites, settlement, eneolithic, Lower Tobol basin.

В 1978 г. на правом берегу реки Дуван, в 10–12 км к западу от д. Мулаши Тюменского района Тюменской области, был раскопан комплекс разновременных объектов на памятнике Дуванское XVII. Особенно хорошо он известен специалистам как поселение федоровской культуры [1; 2]. Но за пределами исследовательского внимания остались объекты, которые относятся к периоду энеолита (III тыс. до н. э.). Подчеркивая условность этого термина для изучаемой территории, мы тем не менее следуем общепринятой терминологии.

Речь идет о жилище и комплексе ям правильной формы, расположенных к западу от него. Найденные в заполнении котлована артефакты указывают на принадлежность жилого сооружения андреевской культуре [3, с. 26–33; 4, с. 4].

Гораздо сложнее определить функциональную и культурную атрибуцию ям. Всего вскрыто 57 ям, 5 углублений и 78 столбовых ямок. Форма ям в большинстве случаев овальная или близкая к овалу (25 ям), реже – подпрямоугольная со скругленными углами (12 ям). Размеры в длине варьируются от 1 до 2 м, в ширине – от 0,5 до 1 м, глубина – 10–60 см в материке. Преобладающие ориентировки: СЗ-ЮВ, ССЗ-ЮЮВ (14 ям), СВ-ЮЗ, СВВ-ЮЗЗ (13 ям); в некоторых случаях отмечены ориентировки З-В (9 ям), С-Ю

(4 ямы). Судя по заполнению, ямы были выкопаны в разное время. Некоторые из ям, расположенные рядом с жилищем, могут быть связаны с его конструкцией, но другие, располагающиеся на некотором удалении, обращают на себя внимание формой, размерами и ориентировкой.

В 24 ямах была найдена керамика эпохи энеолита и бронзы, обломки глиняных грузил, пластины (в т. ч. ножевидные), отщепы, обломки кремневых орудий, в единичных случаях – кусочки талька, обломок кремневой стамески, скребок, зубы животных. Особое положение этих ям связано с тем, что все они имеют подпрямоугольную или овальную форму, соответствующие могилам размеры, устойчивую ориентировку. В шести случаях отмечены столбовые ямки, еще в нескольких случаях – угольные вкрапления и прослойки на дне. Находки в заполнении обнаружены в 19 случаях, в 5 ямах отсутствуют. Здесь представляется важным, что на пространстве между ямами керамика и каменные изделия практически отсутствовали, поэтому вряд ли можно говорить о случайном их попадании в заполнение.

В свое время на стадии предварительной обработки материала уже была высказана гипотеза, что функциональное назначение ям связано с погребальными практиками, но отсутствие антропологического материала не позволяло сказать об этом с должным убеждением. Позднее были исследованы энеолитические могильники, которые как будто подтверждают версию о погребальном характере исследованных ям: Чепкуль-21 [5], Бузан-3 [4], Второй Перейминский могильник и могильник на Большом Андреевском острове [6]. В пользу нее указывают размеры, форма, упорядоченная в каком-то смысле планировка, отсутствие антропологических остатков в некоторых ямах упомянутых могильников. Не исключено, что столь мало выразительные ямы – остатки некрополя на территории поселения.

Для данного региона это самые ранние примеры преднамеренных грунтовых захоронений, что свидетельствует об усложнении форм взаимодействия и социального устройства в древних коллективах. Этому во многом способствовал рост плотности населения и мягкий климат. Расположенное рядом жилище может указы-

вать на универсальную практику первых грунтовых погребений: на территории поселения или в непосредственной близости от него. Для культур энеолита Юго-Восточной Европы погребения на поселениях – один из элементов, типичных именно для оседлого населения [7, с. 183]. Встает резонный вопрос: мог ли район Тюменского Притоболья стать самостоятельным центром формирования такой ритуальной практики или же она могла появиться в результате привнесения традиции извне?

Литература

1. *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург : Полиграфист, 2000. 108 с.
2. *Матвеева Н. П., Матвеев А. В., Зах В. А.* Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1994. 190 с.
3. *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1983. 160 с.
4. *Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н.* Культовые памятники эпохи энеолита // Древности Ингальской долины. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2015. Вып. 3. 156 с.
5. *Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г.* Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 24–42.
6. *Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ. 1991. С. 13–42.
7. *Авилова Л. И.* Погребальный обряд земледельческих культур энеолита юго-восточной Европы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 294 с.

Накишова Марина Тазабаевна,
бакалавр 4-го курса
департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В данной статье рассматриваются критерии социальной самоидентификации служилых людей раннемоде́рной России. Особое внимание уделяется практикам, обеспечивавшим объединение людей в локальные группы. Среди таких способов выделяется практика «нашей братии», пространственная принадлежность и честь. Основным источником для исследования являются челобитные служилых людей.

Ключевые слова: служилые люди; социальная самоидентификация; идентификация; маркеры; самосознание.

Nakishova Marina Tazabaevna,
4-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

CRITERIA OF THE SOCIAL SELF-IDENTIFICATION THE SERVICE CLASS PEOPLE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

In this article criteria of social self-identification the service class (sluzilye) people in Russia in the early Modern time is considered. Special attention is paid to the practicians providing association of people in local groups. Practice of “our brotherhood”, spatial accessory and honor is distinguished from such ways. The main source for a research are petitions of the service class (sluzilye) people.

Keywords: service class (sluzilye) people, social self-identification, identification, markers, self-consciousness.

В современном мире, для того чтобы определить свое место в обществе, люди используют различные маркеры, подчеркивающие социальное положение, географическую локацию, данные биографии, экономическое положение и этническую принадлежность. Поведение служилых людей во второй половине XVII в. немногим отличалось от этой схемы. В конфликтных, кризисных ситуациях они также стремились выделить ту сторону своей жизни, которая бы представляла их в выгодном свете и позволила бы получить максимальную выгоду. Какие же практики они для этого использовали? Что объединяло порой совершенно отличных друг от друга людей?

Важным социально связующим элементом был пространственный фактор, на основе которого определялись все аспекты жизни московских подданных. Покидая привычную локацию, они становились некими пространственными маргиналами: переставали быть «своими» для прежних сослуживцев и продолжали оставаться «чужими» для новых [1, с. 24]. Так, в 1662 г. о выдаче жалования били челом царю Алексею Михайловичу «из Сибири тюменского города головы и ротмистры, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и ясаулы, литва, и конные и пешие стрельцы, и казаки, пятидесятники и десятники, и рядовые, и ружники, и оброчники, и юртовские служилые татары» [2, Л. 283]. Здесь мы видим представителей практически всех чинов и должностей служилого мира Сибири, все они объединены исключительно принадлежностью к городу Тюмени и вытекающими из географического положения проблемами.

Вторая практика «нашей братии» объединяла в локальные корпорации людей, служащих в одном месте и имеющих близкий социальный статус. «Братия» маркировала ту группу, к которой человек себя причислял и с которой сравнивал свое социальное положение. В 1649 г. мещеряне дворяне и дети боярские всем городом сообщали: «А которые наша братья замосковных и украинских розных городов были на твоих государевых службах в Белгороде и в Карпове сторожевье, и на Ельце, и на Осколе, и на Цареве городе и в Симбирском, а делали земляное дело с двадцати пяти дворов по сажени, и тем нашей братии прибавлено окладу и денег;

а нам и крестьянишком нашим досталось земляного дела в те годы на всякой двор по десяти сажень и больше, а нам за те службы, и за земляное и валовое дело и за всякия степныя крепости твоего жалованья, поместного окладу и денег не прибавлено» [3]. Главной целью челобитной является установление справедливости, равенства внутри братии, так как только одна часть служилых людей «замосковных и украинных разных городов» отмечена милостью государя, а вторая – терпит нужду.

Еще одна практика чести не только объединяла людей в отдельные социальные группы, но и создавала иерархию внутри этих групп [4, с. 92–93]. Она на символическом языке передавала социальный статус служилого человека (группы, к которой он принадлежал), определяла его идентичность и место в сообществе. Так, «Парфена Дементьев сын, Семен Семенов сын со всеми своими родственниками, с братией и с племянниками, все родом Писаревы» писали: «пожалуйте нас, холопов своих, велите, государи, ево, Савку, смирить за ево пьянство и озарничество и сослать поначалу куда вы, великие государи, укажете и велите, государи, челобитье наше записать, чтоб нам, холопам вашим, в ево пьянстве и озарничестве от вас, великих государей, в опале и в безчестье не быть» [5, Л. 323–323 об.].

Таким образом, мы видим, что у служилых людей XVII в. было множество способов выразить свою идентичность, причислить себя к определенной группе, сравнить с ней. Они умело пользовались всеми возможностями и нередко достигали успеха.

Литература

1. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 360 с.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 561.
3. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 / под. ред. Д. Я. Самоквасова. СПб. : Тип. Император. академии наук, 1901. 674 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3031/> (дата обращения: 28.02.2015).

4. Коллманн Н. Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 21.

УДК 94(47).084.8

Огуренко Егор Владимирович,
бакалавр 2-го курса «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

АРХИВИСТЫ И АРХИВНОЕ ДЕЛО В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ 1930–1940-х гг.

В статье рассматриваются проблемы архивного дела в СССР 1930–1940-х гг. в точке соприкосновения идеологии и реальности. Тоталитарное государство, с одной стороны, заняло по отношению к архивам и их сотрудникам почти враждебную позицию, с другой – было вынуждено регулярно прибегать к использованию ретроспективной информации в своих целях.

Ключевые слова: архивы; архивное дело; тоталитарное общество; Великая Отечественная война.

Ogurenko Yegor Vladimirovich,
2-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

PROBLEMS OF ARCHIVAL ENTERPRISE IN THE USSR IN THE 1930s AND 1940s

The article considers problems of archival enterprise in the USSR in the 1930s and 1940s in the context of the place of personality at the point of contact between ideology and reality. At a time when the state, on the one hand, took an

almost hostile attitude toward the archives and their employees, and on the other, was forced to resort to the use of retrospective information on a regular basis.

Keywords: archives, archival enterprise, totalitarian society, The Great Patriotic war.

Для всякой национальной истории присущи колебания общественного интереса по отношению к исследованиям определенных вех своего исторического развития. Не является исключением и российское общество. Так, после распада СССР произошло резкое возрастание интереса общества к досоветскому периоду отечественной истории. Однако существует период, который всегда будет пользоваться пристальным вниманием не только ученых, но и публицистов, журналистов, политиков и других социальных групп населения. Таковым можно считать так называемый сталинский период 1930–1950-х гг.

Этот период в науке характеризуется приматом марксизма-ленинизма и персональной точки зрения И. В. Сталина на разные аспекты областей знания. Политика установления тотального контроля науки партии и государству несет название «идеологизации науки» [1].

Помимо философии, истории, демографии, генетики, лингвистики и ряда других наук, жертвой идеологизации стало и архивное дело.

Смысл и цель существования архивов – удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации, содержащихся в архивных документах, а работа архивиста заключается первоначально в сохранении архивов как национальной ценности, памяти народа. В рамках сталинизма обществу в этом было отказано [2, с. 313].

К этому времени архивная отрасль находилась в СССР на пороге кризиса. Ее раздирали множество противоречий: высокий уровень давления со стороны партийно-государственного аппарата, проявляющееся в создании Центрального архивного управления (ЦАУ) СССР и ЦАУ РСФСР, усложнение планирования и отчетности, компенсирование сокращения издания общегосударственных нормативных актов ведомственными инструкциями

и регулярными «чистками» сотрудников государственных архивов и архивных управлений [3, с. 41–42; 4, с. 36–37].

Результатом этих нормативно-административных изменений стало падение среднего образовательного уровня архивистов и приоритет в приеме на работу не квалифицированных, но верных партии людей, исполнение разнообразных циркуляров (издаваемых с завидной регулярностью) архивных органов, за счет отвлечения их от прямых обязанностей: обеспечения сохранности архивного фонда страны.

Завершение оформления тоталитарного политического режима в СССР к концу 1930-х гг. выразилось для архивного дела переименованием и переподчинением в 1938 г. Центрального архивного управления СССР при Всесоюзном Центральном исполнительном комитете (ЦАУ СССР при ВЦИК СССР) в качестве Главного архивного управления при Народном комиссариате Внутренних дел СССР (ГАУ при НКВД СССР). Так окончательно закрепились подчиненное отношение архивистов к тоталитарному государству, превращение творчески мыслящего ученого в безликого чиновника.

Литература

1. Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. Вып. 2. С. 90–99.
2. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М. : Наука, 2001. 392 с.
3. Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920-е – 1930-е) // Отеч. архивы. 1993. № 5. С. 29–42.
4. Пшеничный А. П. Система государственного управления и архивные учреждения // Сов. архивы. 1991. № 2. С. 35–44.

Пименов Павел Сергеевич,
магистрант 1-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

О ПРИМЕНИМОСТИ КОНЦЕПЦИИ ФРОНТИРА К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РУССКОЙ АМЕРИКИ

В работе ставится вопрос о перспективах и актуальности применения теории фронта, разработанной Ф. Дж. Тернером, к изучению истории Русской Америки. После анализа основных позиций вышеуказанной концепции и обозначения ряда дискуссионных проблем в историографии, которые могут быть в определенной степени решены благодаря применению теории фронта, автор приходит к выводу, что использование данной концепции плодотворно скажется на исследованиях проблемных вопросов истории Русской Америки.

Ключевые слова: теория фронта; история Русской Америки; колонизация.

Pimenov Pavel Sergeevich,
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

ABOUT THE APPLICABILITY OF THE FRONTIER CONCEPT TO THE RESEARCH OF RUSSIAN AMERICA HISTORY

The paper raises the question of prospects and actuality of the Frederick Jackson Turner frontier theory application to the research of the Russian America history. After the analysis of the major elements of the above mentioned concept and definition of several issues in the historiography, which can be in a certain manner resolved with the help of the frontier theory, the author comes to the conclusion that the use of the concept can have a positive influence on the research of the issues of Russian America history.

Keywords: theory of frontier, history of Russian America, colonization.

Концепция фронта была разработана американским историком Ф. Дж. Тернером в конце XIX в. Фронт – рубеж, означающий «место контакта дикости и цивилизации» [1, с. 14]. В отечественной историографии интерес к данному направлению появился только в 90-е гг. XX в. Положения теории фронта довольно успешно и плодотворно применялись к изучению истории колонизации, освоения и модернизации Сибири [2; 3]. Однако из внимания отечественных историков полностью выпал сюжет русской колонизации тихоокеанского Севера. Американские исследователи также активно используют концепцию Тернера, но для исследования особенностей штата Аляска («последний фронт Америки») уже после покупки этого региона у России. Таким образом, на данный момент нет ни одной работы, которая рассматривала бы историю Аляски до 1867 г. с позиции теории фронта. Имеет ли перспективы и что может дать использование вышеуказанной концепции для изучения истории Русской Америки?

По мнению последователя Тернера А. М. Саймонса, фронт – «вечно движущаяся пограничная полоса». В авангарде колонизации находятся охотники, рыболовы, за ними следовали первые поселенцы, совмещающие в своей хозяйственной деятельности охоту и земледелие, после появлялись скотоводы, ковбои, рэнчмэны; далее – мелкий фермер, постоянные города и т. д. [3, с. 87–89]. Данные этапы, выделенные Саймонсом, иллюстрируют цивилизационное развитие общества. Сходные процессы мы можем наблюдать и в истории русской колонизации Алеутских островов и Аляски: первыми появляются охотники (промышленники), через некоторое время стали предприниматься попытки ведения сельского хозяйства на о. Кадьяк Г. И. Шелиховым и т. д. На данный момент в историографии отсутствует общепринятая периодизация русской колонизации Северной Америки. Используя указанную концепцию, мы могли бы представить обоснованные этапы и периоды освоения данного региона.

Отечественный историк И. В. Побережников указывает на характерные черты сибирского фронта, обусловившие своеобразную и уникальную модель модернизации данного региона: заметная милитаризация; особая система администрирования; разноректор-

ная диффузия [4, с. 59–62]. Эти же характеристики можно применить и к американскому фронтиру Российской империи. Милитаризация выразилась в том, что почти все русские поселения имели фортификационные сооружения. С необходимой милитаризацией фронта можно также связать приход к власти морских офицеров в колонии (с 1818 г. должность главного правителя колоний занимали исключительно морские офицеры). Особая система администрирования Русской Америки была описана современным американским исследователем Ильей Виньковецким [6]. Разновекторная диффузия – следствие активного взаимодействия традиционного и современного типов общества, означает вынужденную адаптацию колонизаторов к новым условиям. Как писал Ф. Дж. Тернер: «Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем... местность выводит его из железного вагона и сажает в каноэ из березовой коры...» [1, с. 15]. Эта характеристика также справедлива по отношению к заокеанской колонии России.

Таким образом, использование новых методологических и концептуальных установок позволит попытаться выделить новую периодизацию истории освоения русскими первопроходцами Алеутских островов и Аляски, а также, возможно, по-другому взглянуть на причины прихода к власти морских офицеров и на многие другие события и процессы, вызывающие споры у современных историков. Концепция фронта, на наш взгляд, имеет большой потенциал для изучения истории Русской Америки.

Литература

1. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи 1804–1867. М., 2015. 320 с.
2. Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.
3. Саймонс А. М. Социальные силы в Американской истории / пер. с англ. С. Цедербаум. М., 1925. 203 с.
4. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. 304 с.

5. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск, 2001. 113 с.

6. Хромых А. С. Проблема «Сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 5. С. 106–112.

УДК 94(47).048+05

Рябов Сергей Михайлович,
студент 2-го курса департамента «Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ЦАРЕ МОСКОВСКОМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос об изменении дипломатического этикета русских дипломатических представителей в Европе. По мнению автора, именно в конце XVII – начале XVIII в. формируется та часть нового дипломатического этикета, которая станет основой для дальнейшего развития. Те явления, которые окончательно оформятся на рубеже этих веков, впоследствии станут основополагающими для политической культуры России и ее взаимоотношений с другими государствами.

Ключевые слова: XVII в.; дипломатия; быт; нравы; дипломатический этикет; политическая культура.

Ryabov Sergey Mihailovich,
2-year student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE NOTE ON TSAR MOSCOW: A HISTORICAL SOURCE THROUGH THE PRISM OF SOCIAL RELATIONS

The article is devoted to the lifestyles and culture of everyday life of high-rang Russian diplomats in the end of the XVII century. The main object of the

research is Russian diplomatic culture that can be traced from that moment by the sources of ethics, lifestyles and educational levels for that period. In author's opinion, such tendencies can be seen in Russian diplomatic tradition from the XVII century till our days in both Russian politics and culture.

Keywords: XVII century international relations, Russian diplomatic traditions, everyday life, politics and culture.

Изучение внешней политики конца XVII – начала XVIII в. часто наталкивается на довольно общее рассмотрение глобальных процессов, совершаемых в общемировом пространстве. Специалисты зачастую подменяют дипломатический этикет, приемы и манеры общения, бытовые и поведенческие стандарты, язык общения (в лингвистическом и символическом смысле этого слова) широким геополитическим конструктом. Тем самым они предъявляют на всеобщее обозрение масштабные выводы, следуемые из масштабных событий [1, р. 3–46]. Однако аспект этих «неважных» и «малозначимых» деталей на самом деле играет огромную роль в изучении и понимании тех процессов, которые происходили в период конца XVII – начала XVIII вв. в общеевропейском пространстве. Выводя их на первый план, мы можем приблизиться к самому человеку, не закрывая его масштабным историческим занавесом, а фокусируя все внимание на нем самом с помощью методологии истории (в первую очередь для нас это историко-сравнительный метод и источниковедческий анализ) – «фотоаппарата» в руках исследователя-историка. Таким образом, для нас самих становится важен человек в социальном пространстве, в авангарде оказывается он сам с его мировоззренческой позицией.

В этом ключе интересно рассмотреть «Докладную записку, касающуюся царя московского Петра, в которой говорится о его путешествии, сделанном во Францию» [2, р. 11–33], датированную 1698 г. В данном ценнейшем историческом документе повествуется об аудиенции, которую царь Петр I в 1698 г. дал французскому полномочному во время его поездки из Голландии в Англию. Петр, по-видимому, краткое время находился на территории Франции, где его и застал полномочный представитель французского монарха.

В первую очередь нам интересна сама семантика изучаемого нами текста, его язык, то, как он написан. Стоит на это обратить внимание потому, что именно по языку текста мы видим изменяющееся отношение к описываемому. Если при описании посольств во Францию (1687) [3, р. 118–121, 122–126, 134–137] и в Вене (1687) [3, р. 97–117] мы видим использование ярких, восклицательных, несколько ошарашенных, подчас грубых форм, то здесь мы видим мягкий язык, олицетворяющий изменяющееся в лучшую сторону отношение к тому социально-бытовому миру, которое выстраивали собой русские дипломатические представители, приезжая в Европу.

Прослеживается и изменение самого дипломатического этикета и протокола: изменяется сама посылка ведения официального дипломатического разговора. Петр выражает теплые чувства к Франции, французской культуре и королю, выражает желание увидеться с ним, однако не уходит в архаизацию дипломатических переговоров, что было характерно для русских дипломатических представителей допетровского времени.

Далее письменное изложение полностью концентрируется на фигуре самого Петра, создается некоторая «прикованность» к личности, выражаемая в общем желании больше узнать, понять человека-государя. Происходит перечисление социально-политических желаний будущего российского императора, среди которых, что интересно, французский представитель выделяет развитие искусств, торговли. Определенную подоплеку имеют и слова: «обеспечить процветание государства через войны и искусства» [3, р. 139]. А после примечательное добавление: «во всем этом усматривается французская наклонность» [3, р. 139], то есть желание приписать желания Петра его приверженности к французской культуре, обычаям, нравам. К себе, другими словами.

Определенную роль имеет и описание допущения свободы вероисповедания при строительстве католических храмов, что, по слогу видно, восхищает французского дипломатического представителя. А открытость в отношении к торговле, планы Петра в этом направлении и вовсе вызывают у нашего респондента

следующие чувства: «Царь все говорил для того, чтобы вступить в союз с Францией» [3, р. 139].

Таким образом, мы видим не только изменение самого дипломатического этикета и протокола внутри русской дипломатической системы, но и изменение в связи с этим общего отношения со стороны европейских полномочных дипломатических представителей, которые наблюдают за развитием, модернизацией дипломатической структуры и применением инноваций на ее почве.

Литература

1. *Grunwald C. de Trois siècles de diplomatie russe.* Paris : Calmann-Lévy, 1945.
2. *Jalabert L. La France et la Russie: regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle).* Renne : PU Rennes, 2012.
3. Université Paris-Sorbonne. Ministère des Affaires étrangères. Correspondances. Vol. 01–02. Vues: 477. P. 122–157.

УДК 93

Сидоркина Татьяна Сергеевна,
магистрант 1-го курса департамента
«Исторический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

КОНЦЕПЦИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ЦЕНТРА Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Автор рассматривает концепцию «мест памяти» французского историка Пьера Нора. В работе выявляются основные понятия: «память», «история» и определяются их противоречия. Приводится попытка описать Президентский центр Б. Н. Ельцина как «место памяти».

Ключевые слова: места памяти; память; история; музей; Президентский центр Б. Н. Ельцина.

Sidorkina Tatiana Sergeevna,
1-year master student of the department «Historical faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

THE CONCEPT OF «MEMORY SPACE» ON THE EXAMPLE OF «THE PRESIDENT B. YELTSIN CENTER» FOUNDATION

The author examines the concept of «memory space» of the French historian Pierre Nora. The work reveals the basic concepts: «memory», «history», their contradictions are determined. An attempt is made to describe the Presidential Center of Boris N. Yeltsin as a «place of remembrance».

Keywords: memory space, memory, history, museum, The President B. Yeltsin Centre Foundation.

Проблемы коллективной культурной памяти уже много лет беспокоят умы социологов, культурологов, историков и философов. Особый интерес к данному вопросу возник после выхода в свет в начале 1980-х гг. труда французского историка Пьера Нора «Места памяти». Его работа включает в себе, помимо самой концепции около ста статей других авторов, посвященных различным «местам памяти» Франции.

П. Нора противопоставляет память и историю, выделяя последнюю как реконструкцию прошлого, требующую анализа и критического дискурса. Память же в концепции историка выступает в качестве феномена, носителем которого являются различные социальные группы, из-за чего память находится в процессе постоянной эволюции, деформации, трансформации [1, с. 20]. Таким образом, французский исследователь приходит к выводу о несопоставимости памяти и истории, а точнее, об уничтожении памяти историей.

Следуя за Нора, мы получаем, что «место памяти» – крайняя «материальная, символическая и функциональная» форма, в которой существует коммеморативное сознание (сохранение, передача, мемориализация памяти и т. д.) [1, с. 26–40]. Историк приводит примеры: архивы, музеи, государственные гимны и флаги,

конкретное слово или событие. Важно, чтобы это было наполнено каким-либо символическим смыслом, тогда оно станет «местом памяти».

Однако архивы, музеи, библиотеки создаются целенаправленно для «хранения человеческой памяти» [2, с. 87]. Вспомним Мориса Хальбвакса, французского философа, чьи идеи и развивает Пьер Нора. Хальбвакс считал главной функцией памяти связь между поколениями [3], а с ее утратой и возникает необходимость в сохранении памяти в «мнемонистических местах» и подъеме мемориальных мероприятий [4].

П. Нора утверждает, что в 1990–2000-х как раз наблюдается «более интенсивное использование прошлого», что проявляется в конструировании «мест памяти» во Франции [4]. Однако не только во Франции, но и в России, происходят подобные явления. Ярким примером может служить открытый в 2015 г. мемориальный комплекс Президентский центр Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге.

Центр по отношению к исторической памяти играет двоякую роль: с одной стороны, он позволяет ее сохранить и передать последующим поколениям, с другой – он активно участвует в ее формировании и развитии [5, с. 15].

В уставе Президентского центра провозглашается цель организации: «сохранение, изучение и публичное предоставление исторического наследия» Б. Н. Ельцина [6]. Для передачи «памяти» будущим поколениям организован музей с постоянной экспозицией (где обстановка и атмосфера воссозданы с особой точностью: кабинет президента, зал заседания, троллейбус, торговые стойки 1980–1990-х и т. д.) и архив, позволяющий поработать с кинофотофонодокументами удаленно.

Кроме того, в «Ельцин-центре» находятся детский образовательный центр, арт-галерея, книжный магазин «Пиотровский». Здесь с особой периодичностью проводятся научные, образовательные мероприятия, семинары, дискуссионные трибуны и др., где выступают общественные, художественные, политические деятели, представители различных конфессий и бизнес-элит.

Итак, Президентский центр выступает и как место сохранения «памяти», и как место ее эволюции, деформации, трансформации. Данный центр является материальным комплексом, выполняющим коммеморативные функции, обладающим символическим смыслом (делает попытку передать дух эпохи). Таким образом, можно сделать вывод о том, что «Ельцин-центр» является «местом памяти».

Литература

1. *Нора П.* Франция-память. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
2. *Маркова Т. Б.* Библиотека-музей как место памяти // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология и право. 2009. Вып. 4. С. 87–91.
3. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // «Неприкосновенный запас». 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.03.2017).
4. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // «Неприкосновенный Запас». 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 20.03.2017).
5. *Божченко О. А.* Музей в формировании исторической памяти : автореф. дисс. ... канд. наук. Санкт-Петербург, 2012. 23 с.
6. Устав фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: с изм. на 17 июля 2013 г. Екатеринбург, 2012. URL: <http://yeltsin.ru/uploads/about/Ustav-Yeltsin-Presidential-Center.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).

Раздел четвертый ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373+004.4'412

Алексеевская Александра Ивановна,
бакалавр 3-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПИСЕЙ БЛОГА Б. АКУНИНА

Работа посвящена описанию лексики в записях блога Б. Акунина с применением метода контент-анализа. Основными параметрами анализа были выбраны функционально-стилевая принадлежность лексических единиц, эмоционально-экспрессивная окраска, степень образности и авторское «присутствие» в тексте.

Ключевые слова: блог; Б. Акунин; языковая личность; лексика; контент-анализ.

LEXICAL PECULIARITIES IN B. AKUNIN'S BLOG POSTS

The article describes the lexicon in B. Akunin blog posts using the method of content analysis. The main parameters of the analysis were the functional-style belonging of lexical units, words of emotional expression, imagery and the author's presence in the text.

Keywords: blog, B. Akunin, linguistic identity, lexicon, content analysis.

Блоги современных писателей пользуются большой популярностью в обществе, во-первых, потому что они являются своеобразными площадками для общения читателей с авторами популярных книг; во-вторых, в случае, если писатели освещают в блогах актуальные общественно-политические темы и выражают свою гражданскую позицию, то они становятся лидерами общественного мнения. Блог занимает промежуточное положение между дневниками и СМИ, но, в зависимости от того, какие цели преследует автор и каким содержанием он наполняет свой интернет-журнал, блог будет сближаться с тем или другим жанром письменной речи [1]. Вобрав в себя особенности обеих культурных традиций, блог развивается и в третьем направлении – как средство массовой интернет-коммуникации [2].

В записях блога ярко выражена авторская индивидуальность. Она проявляется во всем: от выбора тематики и отбора лексических единиц до использования изобразительного материала и видеоряда. С другой стороны, в текстах писателя, помимо индивидуальных особенностей, прослеживаются также некоторые черты, свойственные речи представителей интеллигенции страны в определенный период времени [3]. Все это в основном отражается в используемой автором лексике.

Гипотеза исследования: в лексике писателя находит отражение общая тенденция к демократизации языка и важная с точки

зрения изучения языковой личности категория субъективной модальности, позволяющая определить авторскую систему ценностей.

Материалом для исследования послужили публикации из блога писателя Б. Акунина [4] за первые годы ведения им сетевого дневника (2010–2012). Методом случайной выборки было взято по три текста из трех основных тематических групп записей: исторических, общественно-политических и литературных. Для проведения анализа мы определили четыре основных параметра: функционально-стилевая отмеченность лексики, степень образности, эмоционально-экспрессивная окраска слов и авторское «присутствие» в тексте. В ходе работы были использованы методы контент-анализа и категориально-тематического анализа.

В основе парадигматических отношений лексических единиц лежат принципы сходства и противопоставления – принципы оппозиций [5]. С точки зрения функциональных стилей я в языке противопоставляются книжные и разговорные лексические средства. Они, в свою очередь, как стилистически маркированные единицы противопоставлены стилистически нейтральным лексическим средствам.

Обработав данные контент-анализа, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, процент стилистической маркированной лексики в анализируемых нами текстах варьируется от 7 до 15 %. В каждой записи присутствуют элементы как книжного, так и разговорного стилей. Элементы высокого книжного стиля и сниженного разговорного находятся в близком соседстве (например, незабвенный, не чаять, бесстыжий гад, фигушки). Такое сближение устной и письменной форм речи указывает на тенденцию к стиранию границы между ними в рамках речевого произведения, в частности публицистического.

Во-вторых, в политических записях доминирует лексические единицы с пейоративной эмоционально-экспрессивной окраской. Употребленные в отношении предмета речи (государства, законопроекта, депутатов, судьи и т. д.), они отражают авторское негативное отношение к этому и даже жесткую критику. Преобладание

мелиоративной экспрессивной окраски было замечено в текстах литературной тематики, где автор рассказывает о понравившихся ему книгах и рекомендует их к прочтению. В целом можно отметить, что автор сдержан в эмоциях и оценках, повышенная эмоциональная экспрессивность замечена только в двух текстах.

В-третьих, как правило, авторское «присутствие» в текстах блога не превышает 9%. В большинстве случаев она не превышает даже 4%, что говорит о сосредоточенности автора на предмете повествования, а не на самом себе.

И, наконец, степень образности текста взаимосвязана с эмоциональностью, так как многие метафоры и употребленные в переносном значении слова наделены эмоциональной окраской. Таким образом, в тех записях, где была отмечена наиболее высокая степень эмоциональности, наблюдается также высокая степень образности.

Литература

1. *Вокуев Н. Е.* Между дневником и масс-медиа: особенности блога как средства коммуникации // Аналитика культурологии. 2011. № 1 (19). URL: www.analiculturolog.ru (дата обращения: 30.03.17).
2. *Черкасова Н. В.* Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. 2012. № 5 (259). С. 164–168.
3. *Парсамова В. Я.* Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 223 с.
4. Блог Бориса Акунина. 2010–2017. URL: <http://borisakunin.livejournal.com/> (дата обращения: 20.04.17).
5. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система : учеб. пособие / под ред. С. Г. Галиновой. Свердловск, 1980. 89 с.

Бурова Алина Павловна,
бакалавр 4-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В ТЕАТРАЛЬНЫХ БЛОГАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕАТРОВ МОСКВЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ЕКАТЕРИНБУРГА И ОМСКА)

Рассматриваются вопросы выявления и изучения ценностных установок в современном интернет-тексте. На материале театральных блогов выявлены лексико-семантические группы интегрем в современном зрительском восприятии.

Ключевые слова: блог; контекст; компонентный семантический анализ; лингвоаксиология; театр; ценностные установки.

Burova Alina Pavlovna,
4-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

AXIOLOGICAL INDICATORS IN THEATRE BLOGS (ON THE MATERIAL OF MOSCOW, ST. PETERSBURG, YEKATERINBURG AND OMSK THEATRES)

The article considers the problems of finding out and studying value orientations in the modern Internet text. On the material of theatre blogs, there have been identified the semantic groups of integremes (value names) from the point of a today's spectator.

Keywords: blog, context, component semantic analysis, linguistic axiology, theatre, values.

В настоящее время большую популярность набирает интернет-коммуникация. Одним из средств виртуального общения и обмена информацией являются блоги. В ходе изучения матери-

ала было найдено немного работ по блогам и блогосфере как направлению виртуальной текстовой коммуникации, лишь набирающей популярность в сфере письменного общения.

Работа посвящена театральному блогу – достаточно новому явлению на сайтах театров и кино, где блоггеры пишут комментарии и рецензии на различные постановки. В российском интернет-пространстве эти блоги только начинают появляться [1]. Целью работы было выделение ценностно окрашенных лексем («интегр» [2; 3]) в записях блогов разных театров. Предполагается, что сопоставление блогов столичных (Москва, Санкт-Петербург) и не столичных (Екатеринбург, Омск) театров с позиций лингвистики ценностей (лингвоаксиологии) должно способствовать выявлению значимости современного искусства для жителей разных регионов России.

При помощи инструмента Google Forms нами было создано 8 опросов по 10 текстов в каждом. Респондентам (всего – 19 чел.) предлагалось применительно к каждому из 80 текстов выполнить одно и то же задание: «Выпишите из приведенного текста ценностно окрашенные слова и словосочетания». Ценностно окрашенные слова – стилистически окрашенная лексика, закрепленная за определенным функциональным стилем. Далее при помощи частотно-статистического метода устанавливались наиболее регулярно выделяемые ценностные лексемы. Специфика их контекстуального воплощения описывалась с применением методики компонентного анализа.

Результаты экспериментального исследования показали, что ценностные установки воплощаются на трех языковых уровнях: морфемном, лексическом и морфосинтаксическом (грамматическом). Преимущественно респондентами выбирались лексические маркеры ценностей, отраженных в записях театрального блога. Так, например, в рамках записи № 1 с сайта Театра Наций (г. Москва) общим объемом 687 слов абсолютным большинством респондентов были отмечены следующие аксиологические маркеры: *антифашистский* (32 %), *перформанс* (21 %), *искусство* (21 %), *идиллическое* (16 %). Все маркеры соотносятся с положительной оценкой. То же наблюдаем, например, в записи № 2: *культовый*

(32 %), эстетизированный (16 %), мощный (16 %), харизматичный (16 %). Характерно почти полное отсутствие отрицательно маркированных оценочных единиц.

По итогам исследования выделены лексико-семантические группы интеграл, отмечаемых в театральных блогах:

- ‘относящийся к искусству и культуре’ (*искусство, перформанс, идиллический, звездный, театр, антрепренер*);
- ‘субъективные характеризаторы’ (*суперсовременный, бунтарь, востребованный*).
- ‘относящийся к истории’ (*антифашистский*).

Таким образом, рассматривая аксиологические маркеры, можем прийти к выводу о том, что блоггер пишет на сайте театра с целью не оскорблять, а хвалить. Это человек, стоящий на стороне театра, нередко связанный с ним (актер, зритель-завсегдатай, близкий знакомый труппы, хотя степень этой близости бывает трудно установить). Театральный блог призван служить популяризации искусства (часто отмечаются маркеры *искусство, театр* с безусловно положительными характеризаторами).

Литература

1. Алексеевская А. И., Бортников В. И. Прямая и косвенная самопрезентация писателя в блоге (на материале блоговых записей Б. Акунина) // Лингвистика: от теории к практике : сб. ст. III Межвуз. науч.-практ. конф. с международ. участием. Екатеринбург : УрФУ, 2016. С. 7–10.
2. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Принципы отбора вербальных знаков ценностей в процессе аксиологического строительства в современной речевой практике // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 145, № 4. С. 238–244.
3. Купина Н. А. Газеты уральской провинции в аксиологическом освещении // Аксиолог. аспекты совр. лингв. Исследований: тезисы докладов науч. семинара с междунар. участием. Екатеринбург : Изд. дом «Ажур», 2016. С. 26–27.

Ваторопина Елена Васильевна,
учитель английского языка
МАОО СОШ № 1, г. Сысерть

РАБОТА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ИЗ ОПЫТА ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Представлен опыт работы автора по внеклассному чтению на английском языке в средней школе.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; внеклассное чтение; технология сотрудничества; внеурочная деятельность; проектная деятельность.

Vatoropina Elena Vasilievna,
English teacher
Secondary School № 1, Sysert

READING ENGLISH LITERATURE: PROJECT WORK IN SECONDARY SCHOOL

The author's experience in extracurricular English reading in school is presented.

Keywords: cross-cultural competence, extracurricular reading, collaboration technology, out-of-class activities, project work.

Чтение на английском языке способствует формированию межкультурной коммуникативной компетенции учащихся – осуществлению диалога культур, знакомит школьников с реалиями, присущими другой культуре, другим народам и национальностям.

Цель такого урока – развитие у учащихся умений чтения англоязычных литературных текстов в условиях комплексной интеграции всех видов речевой деятельности. Задачи: повысить общий уровень владения английским языком; выявить индивидуальные способности, интересы, увлечения детей, развивать индивидуаль-

ность каждого ребенка; формировать личность обучающегося; расширить возможности социализации учащихся.

Программа опирается на знания учащихся, которые были получены ими в процессе изучения английского языка в урочное время.

Для внеклассного чтения нами используются тексты произведений зарубежной литературы, которые удовлетворяют следующим требованиям:

- доступность для учащихся – текст содержит большой объем изучаемых лексических и грамматических единиц;
- познавательность – в процессе обучения активизируется речевая деятельность;
- воспитательная функция – развивается логическое и ассоциативное мышление;
- культурологическая ценность – знакомство с культурой страны изучаемого языка.

Обратная связь осуществляется в процессе чтения и способствует более полному осмыслению информации текста. Примерные задания для осуществления контроля представлены в виде электронного ресурса [1].

При выборе текста (произведения) для чтения очень важным является фактор мотивации учащихся. Стимулом к чтению книги может стать просмотр фильма или спектакля по мотивам произведения. Для школьников (особенно младшего и среднего возраста), которые увлекаются рисованием, живописью, наличие привлекательных иллюстраций также может стать серьезным мотиватором для знакомства с произведением и его героями.

В этом учебном году в рамках проектной деятельности ученики 5-го класса прочитали сказку Льюиса Кэрролла «Alice's Adventures in Wonderland». Проект «Alice's Adventures in Wonderland by Lewis Carroll: extraordinary world of the fairy tale» был представлен на школьной НПК и на Всероссийском конкурсе проектов в ИИЯ УрГПУ [2]. Информация о проекте по прочитанной книге опубликована в 3-м номере школьного журнала «Friendship».

Этапы работы над проектом:

- Организационный этап. Постановка цели и задач проекта.

– Самостоятельная деятельность учащихся – чтение произведения (по желанию ученика – отрывков из сказки) на английском (при необходимости и на русском) языке, перевод.

– Поиск и обработка информации: знакомство с биографией Льюиса Кэрролла; сбор информации о главных героях сказки (их характере, привычках, внешности и т. д.).

– Создание рисунков героев сказки, организация школьной выставки творческих работ учащихся [3].

– Круглый стол по теме проекта. Вопросы для дискуссии: Почему Льюис Кэрролл написал эту сказку? Что вдохновило его? Почему у героев сказки такие имена? Почему они так выглядят? Почему у них такие характеры? Были ли у героев сказки прототипы?

– Оформление результатов проекта – заполнение тематических таблиц «Characters of the book», «General information», «The main characters' traits», создание м/м презентации [4].

– Презентация результатов проекта – выступление участников проекта на школьной конференции; выставка творческих работ учащихся по прочитанной сказке.

Чтение художественных произведений англоязычных авторов воспитывает уважение и интерес к литературным ценностям, уважение к отличительным особенностям жизни, культуры и традиций в других странах, повышает мотивацию учащихся к изучению английского языка с целью самостоятельного приобщения к образцам англоязычной художественной литературы.

Литература

1. Примерные задания для осуществления контроля. URL: http://uchportfolio.ru/public_files/736129591.pdf (дата обращения: 11.04.2017).

2. Проект СОШ № 1 Сысерть. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K0ihuo0pynw&t=8s> (дата обращения: 10.04.2017).

3. Работы учащихся МАОО СОШ № 1, г. Сысерть. URL: http://uchportfolio.ru/public_files/1020780940.pdf (дата обращения: 10.04.2017).

4. Оформление результатов проекта. URL: http://uchportfolio.ru/public_files/967645911.pdf (дата обращения: 10.04.2017).

Воронина Елизавета Сергеевна,
бакалавр 2-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «VIKINGS»)

В работе рассматриваются способы передачи реалий через сопоставление и анализ эксплицированной лексики из телепередачи.

Ключевые слова: перевод; переводоведение; аудиовизуальный перевод; реалии.

Voronina Elizaveta Sergeevna,
2-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

WAYS OF AUDIOVISUAL TRANSLATING OF REALIA (ON THE EXAMPLE OF THE SERIES «VIKINGS»)

This article reveals the ways of translating realia by comparing and analysing the words explicated from the series.

Keywords: translation, translation studies, audiovisual translation, realia.

В современном мире молодежь все больше интересуются историей и мифологией. Однако современных работ о переводе реалий все меньше. Тема настолько исследована, что возникает ощущение, что исследовать уже совершенно нечего. Однако это не так.

Целью исследования является разбор вариантов перевода слов-реалий, рассмотренных через призму телевизионного продукта.

Под реалиями понимаются предметы, обряды, явления или другие этнические особенности, не имеющие налогов в дру-

гих культурах [1, с. 6]. Сегодня при работе с аудиовизуальными источниками, например современными зарубежными сериалами о древних временах, реалии переводятся неточно или же заменяются ошибочным эквивалентом.

В настоящей статье учитывается опыт предыдущих исследований: рассматриваются существующие теории о возможностях перевода реалий. В ходе работы было доказано, что в реалиях проявляется близость языка и культуры. Кроме того была описана отличительная особенность реалий – связь обозначаемого реалией события, предмета духовной или материальной культуры с народом или же с историческим отрезком времени [2]. Актуальность исследования подтверждает и тот факт, что единой системы классификации и перевода реалий нет.

Для практического исследования за основу была взята классификация С. Влахова и С. Флорина, в призме которой были рассмотрены варианты аудиовизуального перевода мифологической лексики, эксплицированной из реплик героев сериала «Vikings». Кроме того, был проведен сопоставительный анализ слов-реалий, из языка оригинала и их эквивалентов из дублированного текста на русском, португальском и шведском языках.

Поскольку язык сериала – английский – не является исконным для слов-реалий, для более объективного анализа, там, где это возможно, была приведена лексика из языка прототипа (древнескандинавского).

В анализируемом материале были найдены реалии, обозначающие титулы и имена мифологических героев, пантеон древнескандинавских божеств, а также предметы быта той эпохи. Так, например, для более точной передачи культуры викингов в англоязычной версии употреблялся титул наместника *earl* (от древнескандинавского *jarl*). В русскоязычной версии, опять же для сохранения колорита, данный титул был переведен с помощью транскрипции древнескандинавского слова «ярл». Но, например, в португальском реалия *earl* заменено на функциональный аналог *conde*, тем самым лишив контекст, в котором употреблялось данное слово, особого «северного колорита».

В процессе работы были выявлены наиболее распространенные способы перевода слов-реалий: транскрипция, транслитерация, калькирование и функциональный аналог.

Полученные данные позволяют еще раз убедиться в том, что перевод реалий – это одна из сложнейших задач, стоящих перед переводчиком, а его задача – не только найти адекватный эквивалент для реалии с помощью средств языка перевода, но и передать национальный колорит, заложенный в семантику слова.

Литература

1. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1988. 239 с.

2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

УДК 811.161.1'38:001.8

Воронович Николай Евгеньевич,
бакалавр 3-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО РЕПОРТАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ ХОККЕЙНЫХ КОММЕНТАТОРОВ)

Рассматриваются особенности спортивного репортажа. Автор предлагает проанализировать работу хоккейных комментаторов и сделать выводы о гармоничности сочетания пары комментатор и эксперт.

Ключевые слова: стилистический анализ; спорт; репортаж; комментатор; хоккей.

LINGUISTIC FEATURES OF THE SPORTSCAST (ON THE EXAMPLE OF A HOCKEY MATCH)

In the article the features of the sportscast are being examined. The author proposes to analyze work of the hockey commentators and make a conclusion about tandem commentator and expert.

Keywords: stylistic analysis, sport, report, commentator, hockey.

Спорт является важнейшей частью жизни людей. Спортивные мероприятия объединяют болельщиков всех стран. Именно поэтому вопрос о качественном освещении состязания, грамотной работе спортивных комментаторов и о спортивном репортаже в целом является значимым.

В спортивном репортаже сочетается информационная и воздействующая функция. Следовательно, это обуславливает его языково-стилистические особенности [1]. Например, для реализации информативной функции нередко используются однотипные, регулярно воспроизводимые языковые стандарты (клишированные обороты), которым свойственны логичность, официальность, что позволяет быстро и правильно воспринимать события. Реализация функций воздействия требует экспрессивных, образных, новых языковых средств. Кройчик Л. Е. приводит стилеобразующие характеристики спортивного репортажа: «последовательное воспроизведение спортивного события; предметное описание деталей и подробностей, например, в виде интервью; выделение активной роли личности самого репортера, который активно наблюдает и комментирует действия; дискретность (прерывистость); эмоционально окрашенный стиль повествования, достигающийся через использование автором различных лексических средств; использование ярких эпитетов, выражение эмоций и собственной оценки событий» [2].

Язык журналиста должен быть максимально приближен к устной речи [3]. Кроме того, сегодня существуют различные варианты ведения репортажей, одним из наиболее удачных и популярных считается работа пары комментатор – эксперт.

Для того чтобы рассмотреть особенности такого репортажа, нами была выбрана пара комментаторов Роман Скворцов (как ведущий комментатор) и Сергей Гимаев (как эксперт) в первом периоде финального матча чемпионата мира по хоккею 2008 года между сборными России и Канады [4].

В ходе анализа в речи комментаторов были выявлены некоторые особенности:

1) специальная лексика: «Гол!», «Шайба в воротах!», «Скамейка штрафников», «Ударное звено» и т. д.

2) возвышенный стиль: «Великий финал!», «Время иллюзорно, время спортивных побед иллюзорно вдвойне», «Выдержать первоначальный штурм» и т. д.

3) утверждения экспертного характера: «Канадские защитники, если есть возможность, незамедлительно подключиться третьим, четвертым, вторыми сейчас контратака шла 4 в 3», «Сегодня канадцы вышли на решающий матч и будут биться на смерть. Со шведами они играли ну процентов на 80 своих возможностей, поэтому надо быть объективными» и т. д.

4) часто повторяющиеся фразы: «Это козырь нашей сборной», «Нужно действовать в контратаке» и т. д.

5) ошибки и оговорки: «Вынуждены были помышлять лишь о том, чтобы сохранить свои ворота в неприкосновенности и вместо этого получили гол в свои ворота», «Причем оно вышло не атаковать, э-э-э, вернее, не защищаться против них, а стремиться их нейтрализовать за счет своей активной игры... Вернее, как раз за счет этого впереди, но пока не очень получается у Гецлафа с со товарищами, вот я к чему я все это вел» и т. д.

6) перебивания:

«– Вот он сейчас лежит... и-и-и...»

– Потерял шлем...

– Дай бог, чтобы все было нормально...

– Евгений Набоков в этом столкновении».

В результате анализа было установлено, что роли комментаторов действительно четко распределены. Р. Скворцов, выступающий в роли комментатора, говорит больше, при этом использует большое количество метафор и эмоционально-окрашенной лексики. С. Гимаев в роли эксперта добавляет в речь экспертную оценку происходящего. Таким образом, репортаж становится эмоциональным, легко воспринимается на слух, и в то же время является очень информативным с точки зрения освещения спортивного события.

Литература

1. *Пром Н. А.* Спортивный репортаж как речевой жанр газетно-публицистического стиля // Грамота : электрон. научн. журн. 2008. № 2. URL: <http://gramota.net> (дата обращения: 15.04.2016).
2. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб. : Знание, 2000. 150 с.
3. *Шерель А. М.* Радиожурналистика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 480 с.
4. Россия Канада 2008. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uND7FCEIumE> (дата обращения: 15.04.2016).

УДК 811.133.1'37

Горячун Дарья Сергеевна,
бакалавр 3-го курса департамента лингвистики
Фатхиева Екатерина Маратова,
ассистент кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации на иностранных языках
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОНЯТИЯ «CONFLIT» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Реализуется построение и сравнение лексико-семантических полей изданий, противоположных друг другу политических мнений с целью

наиболее точно описать лексико-семантическое поле понятия «conflit» в современной французской прессе. Также предпринимается попытка создания программы для построения лексико-семантических полей.

Ключевые слова: семантика; компьютерная лингвистика; лексико-семантическое поле.

Goriachun Daria Sergeevna,

3-year student of the department of linguistics

Fatkhieva Ekaterina Maratovna,

Lecturer on the chair of linguistics and
professional communication in foreign languages
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF NOTION «CONFLIT» (BASED ON FRENCH PRESS)

Realization of construction and comparison of the lexical and semantic fields of publications related to the lexical and semantic field of the notion «conflit» in the modern French press.

Keywords: semantics, computational linguistics, lexical and semantic field.

Естественный язык – это сложная структура. Он не стоит на месте, постоянно претерпевает изменения, развивается вместе с человеческим обществом. Технический прогресс и появление компьютеров оказало сильнейшее влияние на все сферы нашей жизни, в том числе и на язык. Так, в лингвистике получило развитие направление компьютерной лингвистики, исследования в которой повлияли и на развитие перевода.

При создании автоматических переводчиков и языковых корпусов может помочь составление лексико-семантических полей, построение которых и является основной целью исследования.

Лексико-семантические поля (далее ЛСП) являются многоуровневыми структурами, в которых единицы словесного уровня объединяются с единицами смыслового значения, тем самым они включают различные части речи и имеют внутри себя некоторый

определяющий семантический признак. В структуре лексико-семантического поля можно выделить ядро и элементы, находящиеся на периферии (В. Г. Гак [1], Г. С. Щур [2], Ю. Н. Караулов[3]), которая в свою очередь подразделяется на ближнюю и дальнюю периферии и включает контекстуальные синонимы.

Материалом для исследования послужили статьи французских периодических изданий *Le Figaro* и *La Libération* (электронные версии), так как они представляют противоположные друг другу политические взгляды. При описании ЛСП понятия *conflit* был проведен анализ 32 статей, отобранных методом сплошной выборки из рубрики *politique* (политика), за промежуток времени с 14 по 16 февраля 2017 года в преддверии выборов.

Построение лексико-семантических полей *conflit* каждого из изданий и их анализ выявили следующее.

Лексико-семантическое поле каждого из изданий представлено порядка 55 составляющими. К ядру относятся 3–4 слова, из которых *la guerre*, *la lutte*, *le combat* совпадают в обоих полях.

В лексико-семантических полях присутствуют слова, определенные как отдельная категория составляющих поля – однокоренные слова и словосочетания. Например, слово *la guerre* и семантически связанное с ним *la Première Guerre Mondiale*, *défendre* и *la défense*.

При составлении лексико-семантических полей выявлены связи, в которых находятся слова их образующие. В первую очередь это парадигматические связи – слова, имеющие общие признаки, синонимы. Примерами могут служить пары слов *la lutte* и *le combat*, *le cour* и *le tribunal*, *l'adversaire* и *l'opposant*. Парадигматические связи составляют центральную часть ЛСП, центральные части лексико-семантических полей, примыкающих к основному, и ближнюю периферию поля.

Также большую роль в ЛСП играют ассоциативные связи, которые были выявлены исходя из контекстуальных значений лексических единиц, которые при этом могут разниться со словарными. Примерами могут служить слова *la police* – *l'arrestation*, *le crime* – *la peine*. Контекстуальными ассоциативными связями обладают группы слов *interdire* – *exclure du droit* – *bannir*, *dénigrer* – *huer*.

Наконец, в полях присутствуют синтагматические связи между словами. Таких примеров оказалось наименьшее количество: *la justice* и *denouncer* – устойчивое словосочетание *denouncer à la justice*.

Вместе с тем в рамках практической работы была предпринята попытка описания и создания компьютерной программы на языке Python для обработки текста на семантическом уровне. Основной целью программы будет выбор значения многозначного слова на основании семантических связей в контексте, в котором оно находится.

Литература

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М. : Международ. отношения, 1977. 264 с.
2. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М. : Наука, 1974. 256 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 365 с.

УДК 811.521

Ильина Юлия Евгеньевна,
магистрант 1-го курса департамента лингвистики
Уральского федерального университета

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ – ЧУЖОЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются проблемы деления на «свое» и «чужое» в японском языке; в связи с чем появилось такое деление, анализ конкретных примеров.

Ключевые слова: Япония; японский язык; иностранцы; международные отношения.

OPPOSITION «OURS» AND «ANOTHER'S» IN JAPANESE LANGUAGE

We consider opposition of «ours» and «another's» in Japanese language; background and analysis of examples.

Keywords: Japanese, Japanese language, international relationship, foreigners, Japan.

Язык является одним из важнейших средств культурно-национальной идентификации, которая осуществляется в том числе и за счет формирования оппозиции «свое – чужое» в языковой картине мира. Ярким примером этого может служить японский язык, язык страны, значительная часть исторического времени которой протекала в относительной изоляции.

До XVI века главными партнерами Япония были страны-соседи – Китай и Корея, в результате чего в языковой картине японца именно эти страны, и прежде всего Китай, заняли место «чужого». В период Токугава (1603–1868) в Японии зародилось такое понятие, как 国学 «кокугаку», или 和学 «вагаку» – наука обо всем японском. Сформировалось оно в противовес 漢学 «кангаку» – науке обо всем китайском. Отметим, что иероглиф 和 «ва», который используется со всем, что имеет отношение к Японии, обозначает мир, гармонию, благополучие. Для обозначения всего китайского чаще всего использовались несколько иероглифов, прежде всего это 唐 «то:», который обозначает династию Тан и «заморские страны», а также 漢 «кан», который обозначает Китай, Хань. Проследить противопоставление японского и китайского можно в ряде слов, таких как, например, 和風 «вафу:» (японский стиль) и 唐風 «то: фу:» – китайский стиль; 和文 «вабун» – японская литература и 漢文 «камбун» – китайская литература; 和本 «вахон» – японская книга и 唐本 «то: хон» – китайская книга. Стоит отметить, что 漢文 «камбун» также использовался для обозначения китайской

письменности, которая использовалась до появления японских азбук хирагана и катакана. В дальнейшем иероглифы, используемые в японском языке, стали обозначаться как 漢字 «кандзи» – знаки китайской письменности.

В попытках противопоставить неоконфуцианским теориям самобытность японской культуры, японцы стали усиленно отделять свое от чужого, подчеркивать уникальность своей нации, тем самым стараясь показать «чистое японское сердце», отделяя его от «китайского сердца», которое имело не самый хороший образ в глазах японцев.

В результате «открытия» Японии в середине XIX века страна столкнулась с новыми чужеземцами, все чаще и шире прибывавшими в Страну восходящего солнца. В японском языке даже существует отдельное понятие – 排外 «хайгай» – антииностранный. Вероятно, данное понятие зародилось вместе с волной мигрантов, нахлынувших в Японию в 80-х годах XX века, что вызвало определенное отторжение по отношению к ним в обществе.

Говоря об иностранцах в Японии, стоит заметить, что иностранцев – будь то турист или человек, постоянно проживающий в Японии, но имеющий гражданство другой страны, – официально называют «гайкокудзин», а в простой речи также закрепилось понятие «гайдзин». Гайкокудзин – 外国人 по иероглифам обозначает «человек из другой страны»: 外 «гай» – внешний, наружный, чужой; 国 «коку» – страна; 人 «дзин» – человек. В понятии «гайдзин» – 外人 – исчезает иероглиф «страна» и получается «чужой человек». Стоит отметить, что понятие «гайдзин» носит негативный характер: обычно подразумевается человек, который не знаком с жизнью в Японии, в японском обществе, не знает этикета и традиций. Это человек, которого надо остерегаться, держаться на расстоянии, ведь совершенно неясно, что можно от него ожидать. Существует даже выражение 馬鹿外人 «бака гайдзин», что переводится как «иностранец-дурак».

Понятие 外国人 появилось в XX веке с волной мигрантов из Европы. До этого использовались термины 野蛮人 «ябандзин» – варвар; а с эпохи Мейдзи (1868–1912) их называли 異人 «идзин» – отличающийся человек [1].

С приходом европейцев в Японию все стало делиться на японское и европейское. Как уже упоминалось выше, 和風 «вафу:» – японский стиль в искусстве, предметах быта, теперь стал противопоставляться европейскому стилю 洋風 «ё: фу:»: к примеру, понятия 和服 (вафуку) – японская одежда и 洋服 (ё: фуку) – европейская одежда; 和食 (ващёку) – японская кухня и 洋食 (ё: щеку) – европейская кухня, 和室 (ващицу) – комната в японском стиле и 洋室 (ё: щицу) – комната в европейском стиле.

С 1946 года азбука катакана, которая ранее использовалась для обозначения грамматических изменений слов – окуриганы, теперь стала использоваться для записи иностранных слов с других языков, чтобы сразу было видно, где свое, где чужое.

В современном японском языке существует определенная тенденция к активному использованию английских слов, записанных катаканой. Зачастую свои японские слова заменяются на английские, что, с одной стороны, может показывать какую-то новизну, но, с другой стороны, затрудняет понимание слов для японцев, которые не знают английский.

Язык – это зеркало культуры и общества страны, благодаря чему мы можем выявить отношение японцев ко всему иностранному. Таким образом, можно сказать, что отношение ко всему не японскому всегда было несколько отстраненным, строго отделялось «свое» и «чужое», будь то китайское или европейское.

Литература

1. Исторический журнал Хаму. 05.05.2014. URL: <http://blog.livedoor.jp/hamu1820033/archives/38653392.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Козынцева Ульяна Николаевна,
магистрант 1-го курса
департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Рассматриваются проблемы статуса социального компонента в семантике глаголов движения и перемещения, его прагматического потенциала. Автор анализирует семантику социального компонента и ее связь с лексико-семантической принадлежностью глагола.

Ключевые слова: социальная семантика; прагматика; глаголы движения; глаголы перемещения.

Kozyntseva Uliana Nikolaevna,
1-year student of the department «Philological faculty»
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University

WAYS OF REALIZATION OF SOCIAL SEMANTICS IN THE VERBS OF MOVEMENT

The article reviews the problem of the status of social component in semantics of the verbs of movement, its pragmatic potential. The author analyses semantics of the social component and its link to the lexical semantic feature of the verb.

Keywords: social semantics, pragmatic, grammar, verbs of movement.

Социальный компонент как часть прагматического слоя значения лексемы представляет собой неоднозначный элемент с точки зрения его статуса и анализа. Зачастую он не осознается говорящим в структуре слова и становится явным только в случае нарушения сочетаемости лексемы, в состав которой он входит. Актуальность

исследования данного компонента обусловлена интересом современной лингвистики и лингвистической прагматики к проблемам социального и идеологического в языке. Специфику исследования определяет идеографический подход к данной проблеме.

Из Большого толкового словаря русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко (БТСРГ) мы выделили 65 глаголов движения и 70 глаголов перемещения, содержащих в своей структуре социально-маркированный компонент. Было замечено, что семантика социального компонента зависит от лексико-семантической группы, в которую входит тот или иной глагол. Поскольку глаголы движения и перемещения называют похожие по структуре действия, семантика интересующих нас компонентов в них во многом совпадает. Так, самыми частотными оказались социальные компоненты со значением субъекта действия, которые указывают на высокий или низкий социальный статус лица или на то, что действие выполняется группой людей. В глаголах перемещения значение высокого соцстатуса представлено эксплицитно: его вносит каузативная сема «заставлять» (заставлять удаляться – вытуривать, заставлять принуждением – вытеснять), а значение низкого соцстатуса – сема «сопровождая» (проводить, доставлять). В глаголах движения эти значения представлены и имплицитно (пожаловать), и эксплицитно (выступать – «чинно, важно», семенить – «о незначительном человеке»).

Общей для социальных компонентов глаголов движения и перемещения является также семантика характера, цели, законности/незаконности действия и пространства, в котором оно совершается. Характерной особенностью глаголов движения стала социальная маркированность компонентов со значением времени, а у глаголов перемещения – компонентов со значением условности (знаковости) действия и его объекта.

В ходе исследования была отмечена интересная особенность функционирования социального компонента со значением социального статуса субъекта действия в семантике глаголов движения: при ироническом или шутливом употреблении глаголов данной лексико-семантической группы социальная семантика в них нейтрализуется.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что изучение свойств социального компонента и его прагматического потенциала представляет собой обширное поле для научной деятельности. Перспективой данного исследования может стать изучение социального компонента в значении слов, относящихся к другим лексико-семантическим группам, а также составление толкового словаря, отражающего наличие данного компонента в семантике слов.

Примечание: БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

УДК 398.332.424(=161.1)+398.332.424(=581)+004.4'414

Линь Юньцзя,

студентка 3-го курса

Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Москва, Россия;

Гуандунский университет иностранных языков и внешней
торговли, Гуанчжоу, Китай

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПРИМЕТ И СУЕВЕРИЙ С НОВОГОДНИМ КОМПОНЕНТОМ

В статье рассматриваются приметы и суеверия как важные составляющие народной культуры. Анализируются русские и китайские приметы и суеверия, связанные с наступлением нового года. Анализ и изучение выполняются на основе конкретного этнокультурного материала. Устанавливаются межкультурные различия и сходства русских и китайских новогодних примет и суеверий.

Ключевые слова: русский и китайский фольклор; русские и китайские суеверия; новый год; Праздник весны; межкультурные различия.

Lin Yunjia,
Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow;
Guangdong University of Foreign Studies,
Guangzhou, China

COMPARATIVE LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND CHINESE OMENS AND SUPERSTITIOUS BELIEFS WITH NEW YEAR COMPONENT

The article is about omens and superstitious beliefs as important components of folklore. In this article, Russian and Chinese superstitious related to New Year are analyzed. Intercultural differences and similarities are learned from the analysis made.

Keywords: Russian and Chinese folklore, Russian and Chinese superstitious, New Year, Spring Festival in China, intercultural differences.

Суеверие, как и все остальные культурные компоненты, такие как наряды, вышивка, сказка и т. д., принадлежит к части народной культуры – фольклору. Оно является наблюдением народа за природой. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля так определяется значение суеверия: *«Суе – или всуе, нар. напрасно, даром, тщетно, попусту, без пользы, толку, пути; суе, более в сложных словах, и относится до тщеты мирской, светской, противпол. вечному благу нашему, жизни духовной. Суетный, напрасный, тщетный, пустой, безумный, глумный, глупый, вздорный. Суетная надежда. Суетные старанья, безуспешные»* [1]. По мнению В. И. Даля, *«суеверие, или суеверство, – ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно»* [1]. Знаток русского народного быта М. Забылин в своей книге «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» замечает следующее. С одной стороны, суеверия – это ложь, не имеющая под собой научных оснований, и поэтому *«много суеверных искаженных понятий и убеждений <...> можно бы унич-*

тожить...». С другой стороны, эти суеверия «одно поколение передает другому из века в век, со всеми их мелочами, обрядностями, приписывая часто совершенно ничтожным вещам непонятные чудеса» [2]. Отсюда можно сделать вывод, что изучение суеверия помогает нам лучше узнать народные обычаи и нравы, открывает нам мир фольклора, устанавливает связи между явлениями природы и народной культурой.

В данной статье прослеживается отражение картины мира в народных русских и китайских приметах и суевериях, связанных с новым годом.

Китайский Новый год обычно воспринимают как Праздник весны, который празднуется с 1 января по **лунному календарю** по 15-е. В первый день китайского Нового года не принято есть мясо и нужно есть лишь не содержащую **мясо** пищу, например, тофу, овощи и т. п. Так принято потому, что в это день **нельзя убивать жизнь*** [3, с. 377]. Например, в районе Чаошань** на завтрак питаются только вегетарианскими блюдами, чтобы показать уважение к предкам. Говорят, что если в «**Чуи**»*** (первый день Нового года) увидеть кровь, то люди и скот не будут процветать. В провинции Чжэцзян во время «Чуи» избегают кушать суп, а в провинции Фуцзянь – кашу, иначе будет дождь; в провинции Сычуань отказываются от риса из-за того, что в китайском языке слово «рис» произносится также, как и слово «нарушать» – «фань». В провинции Шаньдун, когда готовят пельмени, нельзя их разрезать, в противном случае произойдет несчастье [4, с. 94]. Накануне Нового года, независимо от того, богато ли накрыт стол или скромно, необходимо оставлять что-нибудь из пищи на новый год. Этот обряд символизирует пожелание «Нянь нянь ю юй» которое означает «Пусть каждый год будет изобильным». А в России в некоторых областях к Новому году не принято было готовить **птицу**, иначе счастье «улетит» из дома. Но в других местах России птица на Новый год – хорошая примета, потому что считалось, что если съест птицу, человек будет здоров весь следующий год.

* 不得杀生

** 潮汕

*** 初一

В России считается, что **разбить посуду** – это хорошая примета. Но в Китае, наоборот, это считается к беде. Поэтому после того, как разбилась посуда, нужно сразу говорить «Пин ань», что по-русски означает «безопасность», или «Суэй суэй пин ань»*, что означает «пусть каждый год будет безопасным». В китайском языке слово «год» и слово «разбить» произносятся одинаково: «суэй», поэтому полный смысл второй фразы – «пусть, несмотря на разбитую посуду, каждый год будет безопасным» [3, с. 337].

В России на Новый год девушкам надо надевать новую красивую одежду или даже несколько нарядов, и тогда у нее будет хороший жених [2, с. 2]. В отличие от России, в Китае на Новый год нельзя переодеваться и стирать одежду, иначе умрет старший сын. Мыть голову тоже нельзя. Если вы хотите сделать новую прическу, то это тоже запрещается. Считается, это принесет вред дяде. Кроме этого, износить одежду – это очень плохая примета [3, с. 337].

В России считается, что *«чем больше гостей приходит в дом, тем больше приятного должно случиться в будущем году»*. В Китае тоже любят принимать гостей и ходить в гости, но не в первый и не во второй день нового года. Люди одной из китайских народностей – чжуан** – проживающие около Горы лотоса (горы «Ляньшань»), на Новый год должны собираться дома, даже если они до этого находились очень далеко от дома, иначе считается, что у них не будет дома, куда вернуться. Врачи в эти дни тоже избегают принимать пациентов, и людям тоже нельзя ходить к врачам, иначе они будут болеть весь год.

Еще одно отличие состоит в том, что в России считалось, что больше всего повезет тому, кто чихнет: *«В новогодье чихнуть – со счастьем поздороваться»*. Однако в Китае тот, кто чихает в одеяле, заболеет [3, с. 338].

В России нельзя на Новый год *делать тяжелую и грязную работу, иначе весь год пройдет в тяжком труде без отдыха* [5]. Аналогично, в Китае на новогодние праздники, особенно в первый и второй день, нельзя подметать пол, несмотря на то, что на полу в это время рассыпано много скорлупы арахиса и другого мусора.

* 岁岁平安

** 壮族

Считается, этот мусор на полу символизирует «золото и нефрит»*. Поэтому, если подмести этот мусор, то вместе с ним уйдут и деньги [6].

Как и в России, в Китае на Новый год, нельзя говорить плохие слова, нельзя драться, можно говорить только о хорошем. В Китае в провинции Чжэцзян, родители пишут на красной бумаге: «слова ребенка беспорочны»**, потом его вешают на стену, чтобы не принесло беду, если ребенок скажет что-нибудь плохое [4, с. 94].

Что касается денег, в России нельзя отдавать деньги перед Новым годом, иначе весь год придется расплачиваться [5]. И в Китае также нельзя. Считается, что если деньги утекут на Новый год, то и весь следующий год они тоже будут утекать.

Хотя много из этих суеверий в современной эпохе уже не верят, но изучение народного суеверия помогает нам лучше понимать народный фольклор, культуру, наших предков. В Китае и в России из-за географических, религиозных, культурных различий сформировались собственные фольклор, народные обычаи и нравы. Однако, несмотря на все различия, мы можем найти и сходства, которые происходят из общечеловеческого корня, которые мы хорошо понимаем, невзирая на культурный барьер.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1996. Т. 3; Т. 4.
2. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : Издание М. Березина, 1880.
3. 齐涛主编, 任聘著, 《中国民俗通志`禁忌志》: 山东教育出版社, 2005年 / Ци Тао. Рень Пинь, Китайский народный фольклор – запрет. Шаньдун : Изд-во «Образование», 2005.
4. 刘亚平编, 《忙年- 春节民俗民艺》: 中国人民大学出版社, 1991年 / Лю Япин. Занятый год – фольклор на Празднике весны. Изд-во Китай. народ. ун-та, 1991.
5. Лецинская В., Малышев А. Большая книга праздников и поздравлений. М. 2010. 784 с.

* 堆金积玉

** 童言无忌

6. 刘志文主编, 《广东民俗大观》: 广东旅游出版社, 1993 年 / Лю Веньчжи. Гуандунский фольклор. Гуандун: Изд-во «Туризм», 1993.

УДК 371.38+[811.161.1'25+811.111'25]

Неугодникова Екатерина Олеговна,
бакалавр 4-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ОБУЧЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМ В КУРСЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА: МЕТОДИКА «АРОЧНОГО ШВА»

В работе предлагается методика преподавания темы «Трансформации» в вузовском курсе теории и практики перевода. Описана специфика планирования занятий и даны рекомендации по обучению трансформациям.

Ключевые слова: дидактика перевода; методика преподавания; перевод; трансформации; упражнения.

Neugodnikova Ekaterina Olegovna,
4-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

TEACHING TRANSFORMATIONS IN THE COURSE OF THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION: THE «ARCHED SEAM» METHOD

This article proposes a method of teaching transformations in the university course of theory and practice of translation. There are described specific features of lessons planning. The author also gives certain recommendations for teaching transformations.

Keywords: translation teaching, methods of teaching, translation, transformations, exercises.

Трансформации – очень важный вопрос, изучаемый в курсе теории перевода. Любому переводчику приходится иметь дело с межъязыковой асимметрией, и потому будущий специалист должен знать приемы (в частности, трансформационные), позволяющие подобрать адекватное и/или эквивалентное соответствие конструкции исходного текста в языке перевода.

Несмотря на важность обучения трансформациям, они до сих пор не получили полноценного освещения в дидактике перевода. Нами не обнаружено ни одной методической разработки, где бы содержались рекомендации по преподаванию данной темы. Имеющаяся, однако, классификация упражнений по характеру выполняемых в процессе обучения переводу речевых действий (предпереводческие и переводческие) [1; 2] позволяет выстроить определенную логику преподавания темы «Трансформации» в учебном курсе «Теория и практика перевода». Разработке соответствующих занятий и было посвящено данное исследование.

В рамках исследования был проведен опыт изложения трансформаций по методу «арочного шва». «Арочным» при вышивании бисером называют такой шов, в котором каждый последующий стежок перекрывает предыдущий того же направления, но перекрывает – что принципиально в этом термине – не полностью*. Предложенный механизм изложения материала можно приблизительно описать следующей схемой: «теория-1 – практика-1 – теория-2 – практика-2 – практика-1, 2 – теория-3 – практика-3 – практика-1, 2, 3» и т. д. Иными словами, после отработки каждой новой трансформации учащиеся продолжают отрабатывать уже пройденный материал, прибавляя к нему новый.

Методика прошла апробацию в рамках факультативного курса «Теория и практика перевода», читаемого в Гуманитарном университете для восьми студентов направления «Сервис и туризм»

* Термин предложен Т. С. Вершининой.

(ноябрь-декабрь 2016 г.). Все они посетили пять проведенных в рамках апробации занятий и написали итоговый тест.

Занятия проводились по следующей схеме:

- на 1-м занятии обучаемые осваивали трансформационные механизмы конкретизации и генерализации (типология Я. И. Рецкера [См.: 3]);

- на 2-м повторяли изученный материал и осваивали приемы антонимического перевода и смыслового развития;

- на 3-м занятии студенты писали тренировочный тест, который выявил пробелы в их знаниях, а также изучили трансформационный механизм целостного преобразования;

- на 4-м занятии учащиеся сделали работу над ошибками и освоили механизмы опущения и перестановки (альтернативная классификация Л. С. Бархударова [См.: 3]);

- на 5-м занятии учащиеся писали итоговую работу, составленную таким образом, что максимальный балл с учетом всех возможных дополнений составлял 100 баллов (составление этого теста описано нами в работе [4]).

Высший результат среди писавших тест – 87,5 баллов, низший – 46,5 баллов.

На основании приведенных данных был сделан следующий вывод. Если оценивать эффективность методики по предложенному тесту, то средний результат учащихся составляет 67 баллов (67%). Однако эта оценка не учитывает такие дополнительные факторы, как уровень владения иностранным языком, активность на занятии (то, как студент понял теорию, стеснялся ли он задать вопросы и т. д.). Поэтому эффективность методики должна быть подтверждена занятиями в контрольной группе с применением традиционной методики.

Литература

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
2. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М. : Изд. центр «Академия», 2003. 192 с.

3. Неугодникова Е. О., Бортников В. И. Трансформации в переводе (на примере басен Эзопа) // Лингвистика: от теории к практике : сб. статей II Межвуз. науч.-практ. конф. с международ. участием / отв. ред. М. О. Гузикова. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 90–94.

4. Неугодникова Е. О. Преподавание теории перевода в вузе: опыт построения плана-конспекта занятий по теме «Переводческие трансформации» // Молодые голоса : сб. трудов молодых ученых / отв. ред. И. В. Шалина. Екатеринбург : УрФУ, 2016. С. 180–187.

УДК 811.161.1'374

Огородникова Екатерина Алексеевна,
бакалавр 4-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ТРОПОНИМИЯ И СИНОНИМИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕЗАУРУСОВ

Электронные тезаурусы русского языка в последнее время привлекают внимание многих лингвистов, так как они выполняют ряд важнейших функций, связанных с изучением языка и созданием программ автоматической обработки текстов. Основными семантическими отношениями в структуре электронных тезаурусов являются гипонимия и синонимия. В данной статье рассматривается взаимодействие этих семантических связей на примере глаголов.

Ключевые слова: тропонимия; синонимия; тезаурус; гипонимия.

Ogorodnikova Ekaterina Alekseevna,
4-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

TROPONYMY AND SYNONYMY OF RUSSIAN VERBS IN ELECTRONIC THESAURI

Recently linguists pay a lot of attention to electronic thesauruses of the Russian language because they accomplish the most important functions connected with the language learning and with automated language processing programs. The main semantic relations in electronic thesauri are hyponymy and synonymy. The article presents an examination of these semantic links and their interacting on the example of verbs.

Keywords: troponymy, synonymy, thesaurus, hyponymy.

В последнее время электронные тезаурусы приобретают все большую значимость для выполнения различных прикладных задач, связанных с автоматической обработкой текстов, машинным переводом, преподаванием иностранных языков и т. д. В таких словарях лексика должна быть структурирована в соответствии с основными вертикальными и горизонтальными семантическими связями.

Вертикальные связи, отражающие родо-видовые отношения, называются гипонимией. Строгая иерархичность гипо-гиперонимических отношений сочетается с тем, что они не проявляются в естественном языке настолько же очевидно и систематично, как, например, логические отношения включения в различных научных классификациях. Наряду с явными родо-видовыми отношениями в языке существуют случаи лакун, асимметрии и неопределенности. При рассмотрении глагольной лексики гипонимические отношения принимают вид тропонимии.

Однако одного распределения по уровням классификации в зависимости от степени абстрактности/конкретности семантики недостаточно, необходимо расширение схем за счет горизон-

тальных связей. Наиболее значимым для электронных тезаурусов типом таких отношений является синонимия.

Вопросы, связанные с определением понятия «синонимия», уточнением критериев отбора синонимов, представлением синонимов в словарной статье остаются важными и спорными до сих пор. Такие исследователи, как З. Е. Александрова, Ю. Д. Апресян [1], Л. Г. Бабенко [2], А. П. Евгеньева предлагают различные варианты решения проблемы ограничения синонимических рядов, определения доминанты и отношения синонимии с другими семантическими связями.

В случае составления классификации для дальнейшего использования в электронных тезаурусах необходимо учитывать, что гипонимы и гиперонимы часто могут выступать в роли квазисинонимов. Совмещение разных по уровню обобщения слов в пределах одного синонимического ряда возможно, а в некоторых случаях даже необходимо. Но при наполнении словарей типа WordNet, включающих различные типы семантических отношений, среди которых и гипо-гиперонимические связи, обнаруживается необходимость четкого разграничения языкового материала по степени конкретизации значений.

В ходе работы планируется составить ряд критериев, которым должны соответствовать синонимические единицы в рамках электронных тезаурусов при условии их непосредственного взаимодействия с родо-видовыми отношениями. Основной задачей является разработка своеобразного алгоритма, по которому можно осуществить анализ глагольной лексики русского языка и ее классификацию на основе гипонимических и синонимических связей.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Языки русской культуры, 1995.
2. Бабенко Л. Г. Словарь синонимов русского языка. М. : Астрель, АСТ, 2011.

Пестрецова Полина Максимовна,
бакалавр 3-го курса департамента лингвистики
института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются проблемы формирования практических навыков межкультурной коммуникации на китайском языке и возможность применения методов мультимодальной лингвистики для их решения. Проводится исследование для выявления проблем в интерпретации информации, получаемой по разным информационным каналам. Предлагается разработка системы тестовых заданий для обучения и для оценки уровня сформированности навыков адекватного прочтения культурно-специфичной мультимодальной информации.

Ключевые слова: мультимодальность; межкультурная коммуникация; информационные каналы; китайский язык.

Pestretsova Polina Maksimovna,
3-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

MULTIMODALITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION: METHODS OF MULTIMODAL STUDIES APPLIED TO TEACHING CHINESE

This article is devoted to the problems of developing intercultural interaction skills and suggests using methods of multimodal linguistics for solving these problems. There has been conducted a survey aiming to find out the problems in interpretation of the information which is received via different channels. The author suggests developing a number of tests which can be

used in the process of education and for evaluation of students' multimodal awareness.

Keywords: multimodality, intercultural interaction, information channels, Chinese

До недавнего времени лингвистика сохраняла тенденцию изучать язык автономно и выделять только вербальные сегментные единицы, но при таком подходе не представляется возможным составить полное представление о механизмах коммуникации. Мультимодальная лингвистика – это такое направление лингвистической мысли, которое призвано изучать язык не в отрыве от невербальных и паравербальных компонентов коммуникации, а в совокупности с ними. Мультимодальные исследования обладают большой практической значимостью и являются базой для развития таких областей, как корпусная и компьютерная лингвистика, лингводидактика, межкультурная коммуникация. Существующие методики преподавания китайского языка подразумевают формирование компетенций межкультурной коммуникации, но часто не учитывают необходимость ознакомления студентов с культурной специфичностью мультимодальности и формирования умений правильной интерпретации невербальных и паравербальных компонентов коммуникативного акта.

Данное исследование призвано отработать экспериментальную методологию изучения мультимодальности, обосновать значимость формирования навыков адекватного считывания информации из разных каналов коммуникации при обучении межкультурной коммуникации, а также разработать комплекс заданий для оценки уровня сформированности данных навыков.

Для передачи сообщения в процессе коммуникации используется не только речь, но и жесты, мимика и просодия [1, р. 1–2], в соответствии с этим выделяют вербальный, невербальный и паравербальный каналы передачи информации. Оценка вклада каждого канала проводилась с помощью экспериментального метода стробирования (разделения каналов), который применяли в своих исследованиях К. Линдфилд [2] и А. Кибрик [3, р. 82–84].

С использованием данного метода было проведено экспериментальное исследование с целью определения роли информационных каналов в коммуникации и выявления культурных различий в восприятии материала. Для отработки методологии на первом этапе исследования были выбраны пять фрагментов из китайского сериала, отражающие разные коммуникативные ситуации. Группы китайских и русских студентов должны были ответить на одинаковые вопросы о содержании фрагментов, получая информацию по разным каналам.

На основании полученных результатов было выявлено, что вклад информационных каналов в коммуникацию распределяется следующим образом: вербальный канал – 36 %, невербальный канал – 33 %, просодический канал – 31 %. Также был обнаружен ряд культурно обусловленных ошибок в интерпретации невербальной и паравербальной информации русскими студентами, что показывает недостаточную степень владения навыками межкультурной коммуникации на практическом уровне. Для решения данной проблемы нами была разработана система тестовых заданий трех уровней сложности, которые могут применяться как для обучения, так и для оценки уровня сформированности навыков адекватного прочтения культурно специфичной мультимодальной информации. Студенту предлагается просмотреть три видеофрагмента с разной комбинацией каналов и ответить на вопросы как общего, так и узконаправленного характера. Система оценивания предполагает три уровня владения навыками: низкий, средний, высокий.

В перспективе исследования предполагается расширение базы заданий и создание мультимедийного образовательного ресурса для русскоязычных студентов, изучающих китайский язык.

Литература

1. Norris S. Analyzing multimodal interaction: a methodological framework. London: Taylor & Francis e-Library, 2004. XII + 177 p.
2. Lindfield K. C. The role of prosody in the mental lexicon // Brain and Language / ed. by S. L. Small. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 312–317.

3. *Kibrik A. A. Understanding spoken discourse: the contribution of three information channels // The 3rd International Conference on Cognitive: materials, Moscow, June 2008 / A. A. Kibrik, E. M. Èl'bert, ed. by Yu. I. Alexandrov et al. Moscow : Science, 2008. P. 82–84.*

УДК 82.03'25

Пырикова Татьяна Владимировна,
магистрант 1-го курса кафедры риторики
и стилистики русского языка
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАСЧЕТА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Статья посвящена вопросу выбора переводчиком способа перевода имен собственных. Затронута тема необходимости использования ГОСТов в художественном переводе. В ходе сопоставительного анализа имен, представленных в романе Т. Пратчетта и Н. Геймана «Благие знамения», было подсчитано количество имен, переведенных транслитерацией, а также эквивалентность при данном способе перевода.

Ключевые слова: имя собственное; ГОСТ; транслитерация; перевод; Т. Пратчетт; Н. Гейман; ономастика.

Pyrikova Tatiana Vladimirovna,
1-year student of the master's degree
Ural Federal University

TRANSLITERATION AS A MEANS OF CALCULATING THE EQUIVALENCE OF TRANSLATION

The article is devoted to the question of translator's choice of ways of translating proper nouns. There has been touched upon the necessity of using state standards in fiction translation. Within the comparative analysis of the names

presented in T. Pratchett's and N. Gaiman's novel «Good omens», the number of names rendered by transliteration was calculated, together with the equivalence in each case.

Keywords: proper noun, standards, transliteration, translation, T. Pratchett, N. Gaiman, onomastics.

В переводоведении транслитерация определяется как «передача средствами переводящего языка графического (буквенного) состава слова исходного языка (передача на уровне графем: *Lincoln* – Линкольн)» [1]. Транслитерация является одним из самых частотных способов передачи имен и реалий при переводе текста на другой язык.

В настоящее время существует ряд систем русско-английской транслитерации, разработанных в разное время с разной целью [2; 3]. Вопросу применения этих систем при переводе документов, научно-технической литературы, художественных текстов посвящена теоретическая часть исследования.

В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что транслитерация может использоваться как инструмент расчета эквивалентности. Эквивалентность как мера соответствия перевода оригиналу может и должна вычисляться с целью установления правильности, грамотности, точности перевода [4].

Материалом анализа послужили имена персонажей романа Т. Пратчетта и Н. Геймана «Good Omens» (1990, в русском переводе – «Благие знамения», 2012). После небольшого «предупреждения», «посвящения» и вступления роман предваряется списком действующих лиц, который был использован нами в исследовании, так как является сплошной выборкой всех имен в романе [5].

В ходе сопоставительного анализа было выявлено, что примеры чистой транслитерации встречаются крайне редко. Из 26 имен, выделенных авторами в приведенном списке, лишь в пяти случаях использована транслитерация. Для каждого из этих имен был приведен пример расчета эквивалентности. В двух случаях отмечена предельная (100 %-ая) эквивалентность.

Способы перевода позволили определенным образом сгруппировать персонажей романа. Было выявлено, что на способ пере-

вода (в частности, транслитерацией) может влиять сюжетно-фабульная специфика персонажа – носителя переводимого имени.

Исследование позволило выдвинуть предположения о том, почему «чистая» транслитерация используется в художественном переводе редко. В отдельных случаях это связано с уже существующим эквивалентом или же с необходимостью более благозвучной передачи имени (эвфонией). В большинстве случаев, однако, транслитерация не является предпочтительным способом из-за субъективного мнения переводчика. Поиск возможных оснований для выбора способа перевода, описание переводческих стратегий составляют перспективу дальнейшего изучения.

Литература

1. *Илюшкина М. Ю.* Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург : УрФУ, 2015. 84 с.
2. ГОСТ 16876–71. Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. М. : Гос. комитет СССР по стандартам, 1971.
3. ГОСТ 7.79–2000. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. Минск : Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2000.
4. *Бортников В. И.* Державинская эпоха и перевод XVIII в.: категориально-текстовая идентификация одного эпического вступления как речевой партии поэта // Г. Р. Державин и диалектика культур : материалы Международ. науч. конф. Казань : КФУ, 2014. С. 254–257.
5. *Бортников В. И., Пырикова Т. В.* Транслитерация в художественном переводе: ГОСТ или переводческая интуиция? // Молодые голоса : сб. трудов молодых ученых. Екатеринбург : Ажур, 2016. С. 187–193.

Рогова Екатерина Андреевна,
бакалавр, старший лаборант
кафедры английской филологии
и сопоставительного языкознания
Института иностранных языков
Уральский государственный педагогический университет

ПРОТИВОРЕЧИЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ФАКУЛЬТЕТА

Рассматриваются противоречия и недостатки в организации самостоятельной работы студентов языкового факультета на уровне составления учебного плана и непосредственной работы студентов. Отмечается нехватка навыков и умений самостоятельной работы студентов. Автор предлагает идею создания программы формирования навыков и умений самостоятельной работы студентов языкового факультета.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов; навыки и умения самостоятельной работы; изучение иностранных языков в высшей школе.

Rogova Ekaterina Andreevna,
Ural State Pedagogical University

CONTRADICTIONS IN ORGANIZING INDEPENDENT WORK OF STUDENTS MAJORING IN FOREIGN LANGUAGES

In the article contradictions and problems of organization of independent work of students majoring in foreign languages, are being examined. The lack of independent work skills is discussed. The author suggests the idea of creating a program of developing independent work skills of students majoring in foreign languages.

Keywords: independent work, students' independent work, independent work skills, study of foreign languages in universities.

На настоящий момент существует немало исследований, касающихся до сих пор нерешенной проблемы самостоятельной работы студентов. Трудности встречаются уже на ступени школы, а значит, они неизбежны и в университете. Поэтому перед нами стоит задача разрешения вопроса эффективности самостоятельной работы студентов. В наше исследование будут включены студенты Института иностранных языков УрГПУ.

Опросы студентов 1-го курса показали, что меньше половины обучающихся готовы и хотят самостоятельно выполнять учебные задания. Подавляющее большинство предпочли бы выполнять такие задания с помощью преподавателя, что говорит о наличии трудностей в организации самостоятельной работы у студентов при изучении языковых дисциплин. Также в практике преподавателей института было замечено, что у студентов отсутствуют многие навыки самостоятельной работы, такие как умение работать со словарем, делать конспект прочитанного, готовить пересказ и т. д. Согласно исследованиям А. Рубаник, Г. Большаковой и Н. Тельных, порядка 70 % студентов 1-го курса не пользуются приемами систематизации материала для его лучшего понимания [1, с. 120]. Это означает, что эффективность самостоятельной работы невысока. Кроме того, существует проблема соотношения часов аудиторной работы и самостоятельной. В Институте иностранных языков УрГПУ такое соотношение равно примерно 1:1. Оптимальным считается соотношение 1:3 [2, с. 153]. Тенденция в России такова, что количество часов самостоятельной работы за период обучения у студентов уменьшается. Основная нагрузка падает на младшие курсы, значит, возникает необходимость поиска технологий, позволяющих сделать такую работу эффективной.

Все исследования, касающиеся вопросов методики преподавания иностранных языков, базируются на общих психофизиологических особенностях обучающихся. Однако было замечено, что вопросу психофизиологии изучения иностранных языков на этапе высшей школы уделено мало внимания, в особенности касательно обучения на языковом факультете. При решении проблемы организации самостоятельной работы студентов необходимо учитывать особенности их психофизиологии, специфику изучения

иностранный язык и обучения на языковом факультете, а также реалии учебного плана.

Таким образом, мы выявили проблему отсутствия навыков и умений самостоятельной работы студентов языкового факультета 1-го курса в условиях недостаточности часов самостоятельной работы. Целью нашего исследования является развитие навыков и умений самостоятельной работы у студентов языкового факультета, для чего предполагается создание программы развития соответствующих навыков и умений. В качестве гипотезы мы заявляем, что наличие у студентов подобной программы может помочь им шаг за шагом сформировать навыки и развить умения самостоятельной работы. На данный момент нашу методологическую базу составляют общие подходы к вопросу психофизиологических особенностей студентов (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Г. Крайг); теории деятельности и активности личности (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев); положения педагогики, раскрывающие принципы организации самостоятельной работы в целом (П. И. Пидкасистый, И. А. Зимняя); подходы к организации самостоятельной работы студентов (Ф. П. Хакунова, С. А. Пакулина) и др.

В случае достижения цели мы надеемся, что такая программа будет использоваться в Институте иностранных языков УрГПУ, а также будет использована методистами языковых факультетов других вузов. Также такая программа могла бы быть основой для разработки подобных программ для неязыковых факультетов.

Литература

1. Рубаник А., Большакова Г., Тельных Н. Самостоятельная работа студентов // Высш. образование в России. 2005. № 6. С. 120–124.
2. Хакунова Ф. П. Проблема организации самостоятельной работы студентов и школьников на современном этапе образования // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 1. С. 153–158.

Слыченко Анжелика Владимировна,
бакалавр 1-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ, КАЗАХСКИХ, АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТРАНЫ

Работа посвящена изучению казахских, английских и русских пословиц, отражающих интеллектуальные и личностные качества женщины. В ходе работы удастся провести сравнительный анализ пословиц о женщине на материале фольклора, сделать вывод о мнениях и сформировавшихся стереотипах.

Ключевые слова: женщина; пословицы; интеллект; личность.

Slychenyuk Anzhelika Vladimirovna,
1-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

INTELLECTUAL AND PERSONAL QUALITIES OF WOMEN IN THE RUSSIAN, KAZAKH, ENGLISH PROVERBS AS REFLECTION OF NATIONAL PATTERN OF THE COUNTRY

Kazakh, English and Russian proverbs reflecting intellectual and personal qualities of the woman are studied in the report. During work it is possible to carry out the comparative analysis of proverbs about women on folklore material, to make a conclusion on opinions and the created stereotypes.

Keywords: woman, proverbs, intelligence, personality.

Пословицы отражают национальную культуру и основные национальные особенности носителей конкретного языка. Анализ пословиц позволяет проследить, каким изменениям подвергается

образ женщины в современном обществе и какими интеллектуальными качествами она обладает.

Материалом исследования стали пословицы, отражающие интеллектуальные качества женщины.

В результате сплошной выборки из словарей пословиц были найдены 44 русских [1], 35 английских [2], 25 казахских [3] пословиц с доминантой «ум женщины». Кроме того, был проведен обзор исторической литературы о женах казахских ханов [4].

Пословицы – изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл [5].

В пословицах представлены как личностные характеристики женщины, так и ее социальные роли. Для русского крестьянина, как и для казахского джигита, очень важны семейно-родственные отношения, поскольку все отношения в семьях этих народов основывались на строгой иерархии, соблюдая которую несколько поколений семьи жило под одной крышей.

Личностные характеристики женщины в пословицах затрагивают две сферы: черты характера и внешность. Женские недостатки, зафиксированные в английских и русских пословицах, имеют много общего между собой, но практически не имеют подобия в казахских пословицах.

Рассматривая интеллектуальные способности женщин, стоит снова обратиться к возникшим гендерным стереотипам [6].

Чтобы изучить отношение казахского общества к женщинам, нужно обратиться к истории народа и произведениям, в которых раскрывается роль женщины. Женщину почитали в каждой юрте и в каждом поселении. Особенно бережно относились к матерям. Например: *Анаңды Меккеге үш арқалап барсаң да, қарызыңнан құтыла алмайсың* («Даже если трижды мать на себе в Мекку перевезешь, с долгом перед ней не рассчитаешься») [3, с. 33].

Отдельное место в пословицах отводится женским интеллектуальным способностям. В русских и английских пословицах женщина предстает как существо нелогичное, противоречивое, с ограниченным интеллектом. Критике подвергаются нелогичность и непостоянство в женских суждениях. Для описания женского ума в большинстве случаев используется сравнение с животными.

Например: *Women in state affairs like monkeys in glass-shops* – «Собака умней бабы: на хозяина не лает».

В казахской лингвокультуре ум женщины оценивается преимущественно положительно. Например: *Әйел көркі ақылда* – «Красота женщины в ее уме».

Таким образом, можно сделать вывод, что из выбранных трех народов и культур, намного уважительнее к интеллектуальным и личностным качествам женщины относились в казахском обществе. Казахское общество смогло через века пронести бережное отношение к женщинам. Опираясь на исторические источники, можно заметить, что издревле казахи уважали женщин независимо от их социальной роли и места в семье. Анализ русских и английских пословиц показывает, что в подавляющем большинстве случаев эта оценка негативная. Неравноправное положение мужчины и женщины в русском общественно-политическом и социокультурном пространстве наложило отпечаток на русский язык. В английских пословицах можно заметить откровенную насмешку над женщиной и ее интеллектуальными способностями.

Литература

1. Михайлова Л. И. 20 000 русских пословиц и поговорок. М. : Центрполиграф, 2010. С. 384.
2. Григорьева А. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. М. : АСТ, Сова, 2010. 608 с.
3. Казахские пословицы и поговорки на казахском и русском языках / сост. М. А. Аккозин. Астана : Атамұра, 2002. 147 с.
4. Қойгельдиев М. К. Казахская государственность и национальная элита // ОТАН ТАРИХЫ. 2003. № 4. С. 7–5.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2004. С. 1534
6. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отеч. записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 01.04.2017).

Тумакова Валерия Максимовна,
бакалавр 2-го курса департамента лингвистики
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА И СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ *SEXISM*)

В настоящем исследовании при помощи компонентного и идеографического анализов рассматривается вербализация концептуальной единицы *sexism* внутри американского публицистического дискурса, а также делается попытка создания разверстки глоссария для спичрайтеров и редакторов периодических изданий.

Ключевые слова: семантика; концепт; дискурс; публицистика; компонентный анализ.

Tumakova Valeria Maksimovna,
2-year student of the department of linguistics
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

COMPONENTIAL ANALYSIS AS A TOOL TO REVEAL THE CONCEPTUAL MEANING OF THE WORD AND WORD STRUCTURE (BASED ON THE LEXEME *SEXISM*)

The article reveals a review of two types of analysis – conceptual and ideographic – used as a tool that reveals the meaning of the verbalised concept *sexism* inside the American publicistic discourse. The author presents a sample of glossary layout for speechwriters and editors.

Keywords: semantics, concept, discourse, publicism, conceptual analysis.

Замечено, что в последнее время возрос интерес к объективизации изучения лексической семантики и разностилевых текстов, а также к определению четких путей и средств выявления семан-

тического потенциала как и у лексических биграмм, так и у отдельных лексем. Кроме того, актуальность обусловлена тем, что считается важным определение нормы «бытования» отдельных лексем и их семантических свойств внутри американского публицистического дискурса как базиса для вербализуемого внутри общества концепта *sexism*.

В ходе исследования был проведен компонентный анализ, затем идеографический анализ, целью которых являлось установление содержания и динамики вербализируемого внутри текста концепта.

Под концептом в данном ключе понимается «единица ментального лексикона, концептуальной системы или даже всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1].

По мнению А. И. Смирницкого, лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова различаются своими лексическими значениями, причем различие это не выражается в звуковых оболочках; они образуют смысловую структуру одного слова. Как и лексема, ЛСВ бытует как двусторонняя единица. ЛСВ – это единство материального знака, где подразумевается звуковая и графическая оболочка. Знак представлен в качестве ряда грамматических форм и элементарного значения. С другой стороны, ЛСВ представляет собой «совокупность всех грамматических форм слова, соотнесенных с одним из его значений» [2, с. 33].

Рассмотрим подробнее лексему *sexism*, которая была выбрана в связи с актуализацией данного понятия (концепта) в западной периодической печати во время президентской предвыборной кампании и последовавшими за ней общественными настроениями.

Источником материала является ряд западных периодических изданий, базирующихся в Нью-Йорке: The New York Times, Refinery29, Men Repeller, The New Yorker, PUNCH и т. д. за период с осени 2016 года и вплоть до весны 2017 года.

Методика позволяет выявить особенности лексики с семантикой *sexism* в американском публицистическом дискурсе, сформировать концептосферы и проследить их эволюцию, смоделировать разверстку глоссария для спичрайтеров и редакторов.

Например, наибольшее количество общих компонентов значения с другими единицами одной из выявленных концептосфер (общим ядром для всех них является лексема *sexism*) имеет слово *babe*. Следовательно, данное значение является ядерным для данной лексико-семантической группы.

Рассматривая компонентный состав слов, входящих в данную концептосферу, начиная со слова *babe* и располагая остальные члены этой сферы в соответствии с количеством общих семантических компонентов, получаем:

1а. *Babe* – The word is for either *gender*, and when you use it in a sentence, it gives encouragement to the person you are calling that, it tells them that you consider them cute and with a sort of ownership; adjective used to describe a *good looking girl*, sometimes describes guys; endearing term.

Наибольшее количество общих компонентов значения с другими единицами этой группы имеет слово *babe* (через контекстный синоним *sexuality*). Следовательно, это значение является ядерным компонентом для данной лексико-семантической группы слов, концептосферы.

Результаты проделанной работы свидетельствуют о том, что изучение и систематизация семантики текстовых единиц (в первую очередь лексических доминант) позволяет выявить смысловую структуру текста, а также концептуальные и национально-культурные особенности отдельных лексем (их коннотации), что свидетельствует об уникальности языка американской публицистики на семантическом уровне. Также системный подход к изучению семантики внутри дискурса помогает формированию глоссария, предназначенного для спичрайтеров и редакторов.

Литература

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд-е. 2, перераб. и доп. Воронеж : Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
2. Смирницкий А. И. Значение слова // Вопр. языкознания. 1955. № 2. С. 11–53.

Раздел пятый

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ*

УДК 94(5)

Елкин Максим Евгеньевич,
аспирант 2-го курса исторического факультета
Национального исследовательского
Томского государственного университета

«ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР (О ВЗАИМНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ГАРАНТИИ) БЕЗОПАСНОСТИ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЯПОНСКУЮ ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рассматривается влияние японо-американского военно-политического сотрудничества на политику японских руководителей, проводимую во время реализации концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности» Японии. Главной целью данного исследования является углубление понимания сущности вышеназванной концепции, при помощи анализа положений «Японо-американского договора (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности».

Ключевые слова: Япония; концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности»; японо-американское военно-политическое сотрудничество; «Японо-американский договор (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности».

* Секция проводилась при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

This conference section was supported by the European Union ERASMUS+ Programme, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

Elkin Maxim Evgeniyvich,
2-year graduate student of the Department of Oriental Studies
Department of History
Tomsk State University

«TREATY OF MUTUAL COOPERATION AND SECURITY BETWEEN THE UNITED STATES AND JAPAN» AND IT'S INFLUENCE ON NATIONAL SECURITY POLICY OF JAPAN

The article seeks to identify and consider the influence of the Japanese-American military-political cooperation on the policy of the Japanese leaders pursued during implementation of the concept of «comprehensive national security» of Japan. The main goal of this research is improvement of understanding of the essence of the concept above, by means of the analysis of provisions of the «Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan», and also the taken actions within this treaty which consequences have had improvement of mechanisms of the relations between Japan and the USA.

Keywords: Japan, national security, concept of «comprehensive national security», japan–united states political and military relations, «treaty of mutual cooperation and security between the united states and japan».

В настоящее время японо-американские отношения являются одной из наиболее актуальных тем для современных исследователей Азиатско-Тихоокеанского региона. Новый период в отношениях между Японией и Соединенными Штатами начался одновременно с подписанием «Японо-американского договора (о гарантии) безопасности» в 1951 году и его эволюцией в «Японо-американский договор (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности» 1960 года. Этот документ ознаменовал собой официальное начало военно-политического сотрудничества двух государств и повлиял не только на характер внутренней и внешней политики обеих стран в АТР и их сотрудничество, но и на мировую ситуацию в целом.

Задачей данного исследования является выявления и рассмотрения влияния японо-американского военно-политического со-

трудничества на политику японских руководителей, проводимую во время реализации концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности» Японии. Главной целью данного исследования служит углубление понимания сущности вышеназванной концепции при помощи анализа положений «Японо-американского договора (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности», а также предпринятых действий в рамках данного договора, следствием которых стало усовершенствование механизмов связей между Японией и США.

Отмечаются основные и наиболее значимые положения вышеназванного договора: в отличие от Сан-Францисского мирного договора, новый документ привнес больше равноправия в двусторонние отношения между Японией и США. Хотя за Соединенными Штатами закреплялась возможность создания и использования военных баз на территории Японии, а также размещения собственного военного контингента в любом количестве, тем не менее были упразднены положения о вмешательстве американской армии во внутреннюю политику Токио [1]. Кроме того, относительно других государств Япония могла самостоятельно принимать решения по военным вопросам. Также было выявлено, что для придания союзу более равноправного характера США решили провести изменения в области военного сотрудничества: при помощи сокращения военного контингента и вооружений на территории Японии преследовалась цель побудить Японию к самостоятельному наращиванию военного потенциала [2, с. 169].

Вследствие вышесказанного, на первый план японской политики по обеспечению национальной безопасности вышла именно военно-политическая безопасность. Для ее осуществления предполагалось расширение связей между США и Японией до полноценной интеграции трех главных центров мирового империализма (США, Япония, Западная Европа) и создания так называемого стратегического треугольника. Центральная роль в данном союзе, отводившаяся именно США, возвращала к начальному этапу японо-американских отношений, когда взаимодействие в целом координировалось в соответствии со стратегическими задачами Вашингтона [3, с. 99].

Таким образом, относительно проблемы данного исследования был сделан следующий вывод: совершенствование механизмов связей между Японией и США в рамках «договора безопасности», позволил к концу первой половины 80-х годов подняться американо-японским отношениям на качественно новый уровень, означавший смену приоритетов в политическом курсе японской администрации от опоры на США к взаимодействию с США.

Литература

1. Treaty of Peace with Japan // United Nations Treaty Series 1952 (reg. no. 1832). Vol. 136. URL: <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Алиев Р.Ш.-А. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика). М. : Глав. редакция вост. лит-ры, 1986.
3. Панов А. Н., Пинаев Л. П. Военно-политические концепции правящих кругов Японии // Япония 1978. Ежегодник. М. : Глав. редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1979. С. 94–109.

УДК 327.7

Зюлина Елена Юрьевна,

бакалавр 3-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦИИ НА ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 2015 г.

В статье рассматриваются основные пункты повестки дня Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., и в частности позиция Франции по каждому из них. Анализируются противоречия между Францией и другими государствами ядерной пятетки и их влияние на итоги конференции.

Ключевые слова: Обзорная конференция ДНЯО; ядерное нераспространение; международные режимы; Франция.

Zyulina Elena Yurevna,
3-year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Sciences
Ural Federal University

THE POSITION OF FRANCE AT THE 2015 NPT REVIEW CONFERENCE

The article covers the main issues of the 2015 NPT Review Conference 2015 focusing on the position of France. The author also analyzes the disagreements between France and other nuclear states and how they influenced the outcome of the Conference.

Keywords: the NPT Review Conference, nuclear nonproliferation, international regimes, France.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), принятый в 1968 г. [1], стал краеугольным камнем всего режима ядерного нераспространения. Согласно американскому исследователю О. Р. Янгу, режим есть не что иное, как социальный конструкт, создаваемый людьми для развития международного сотрудничества в целях поддержания стабильности [2]. Так как он призван отвечать современной повестке дня в области международной безопасности, неотъемлемой характеристикой режима является его постоянная трансформация. Поэтому в Статье VIII итогового текста ДНЯО предусмотрены Обзорные конференции, проходящие раз в 5 лет, целью которых является рассмотрение действия договора и содействие эволюции режима [1].

Последняя Обзорная конференция ДНЯО состоялась в мае-апреле 2015 г. Итоговый документ принят не был, что неудивительно, так как, по словам российского специалиста в области нераспространения В. А. Орлова, «международный фон был наихудшим со времен холодной войны» [3, с. 64]. Первостепенным фактором принято считать неослабевающую конфронтацию двух крупнейших ядерных держав России и США. Но даже среди государств, обладающих ядерным оружием и входящим в НАТО, есть свои разногласия. В отличие от Великобритании, которая во многом солида-

ризировалась с США [3, с. 64], Франция, исконно считавшая свой ядерный арсенал залогом статуса великой державы, выступала по каждому вопросу независимо, в русле своих национальных интересов. Таким образом, «единство государств „пятерки“ – не более чем фасад, скрывавший глубокие противоречия» [3, с. 64].

На первый план конференции вышли вопросы дальнейшего разоружения ядерных держав и создания зоны, свободной от оружия массового поражения на Ближнем Востоке.

В рамках дискуссий о разоружении Австралия, выступая от имени более чем 150 стран, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия [4]. Гуманитарная инициатива предполагала создание инструментов, юридически обязывающих уничтожение ядерного оружия. Вопрос разоружения всегда воспринимался Францией болезненно. Еще в 1968 г. не последней причиной неприсоединения к ДНЯО стала Статья VI, которая шла вразрез с французским пониманием обеспечения национальной безопасности с опорой на ядерный потенциал. На конференции Франция жестко выступила против гуманитарной инициативы, обвиняя ее инициаторов в попытке подрыва всего режима ядерного нераспространения [5]. Чрезвычайный и полномочный посол Франции Жан-Юг Симон Мишель заявил: «Сторонники радикального подхода призывают к подписанию конвенции о запрещении ядерного оружия, что противоречит букве и духу договора» [6, с. 31].

Невыполнение обязательств по созыву конференции по поводу создания зоны, свободной от оружия массового поражения на Ближнем Востоке, вызвало разочарование Франции, которая всегда поддерживала данную инициативу. Не поддержала она и действия своих союзников по Североатлантическому договору, США и Великобритании, которые «сорвали принятие итогового документа конференции, действуя в интересах страны, не являющейся членом Договора» [6, с. 37].

Таким образом, анализ позиции Франции на Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. показал неизменность национального интереса Пятой республики, направленного на сохранение статуса великой державы, поддержание национальной безопасности

с опорой на ядерный потенциал и независимость во внешнеполитических вопросах. Франция готова способствовать усилению режима нераспространения, но только в качестве государства, обладающего ядерным оружием. Позицию Франции отразил Жан-Юг Симон Мишель: «Согласно ядерной доктрине Франции, ядерное оружие не планируется использовать на поле боя, оно является средством сдерживания потенциального противника для защиты жизненных интересов страны» [6, с. 31].

Литература

1. Договор о нераспространении ядерного оружия от 12.06.1968 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/npt.htm> (дата обращения: 25.04.2017).
2. *Young O. R.* Regime dynamics: the rise and fall of international regimes. International Regimes. Cornell University Press, 1983.
3. *Орлов В. А.* Стекланный зверинец нераспространения // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. С. 62–76.
4. Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by H. E. Sebastian Kurz Federal Minister for Europe, Integration and Foreign Affairs of Austria 28 April 2015. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (дата обращения: 25.04.2017).
5. *Mukhatzhanova M.* Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative, February 24, 2015. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (дата обращения: 25.04.2017).
6. *Баклицкий А.* Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения // Индекс безопасности. 2015. № 2 (113). Т. 21. С. 25–40.

Карушин Егор Геннадьевич,
магистрант 2-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральский федеральный университет

СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В докладе рассмотрен процесс формирования внешней политики Республики Казахстан в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: внешняя политика; Казахстан; независимость; МИД.

Karushin Egor,
2-year master student of the
Department of International Relations
Ural Federal University

FORMATION OF THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article reviews the formation of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan in 1990s.

Keywords: Kazakhstan, foreign policy, independence, Ministry of Foreign Affairs.

С приобретением независимости перед Казахстаном встала необходимость вести самостоятельную внешнюю политику, задачи которой выполняло уже новое Министерство иностранных дел РК.

Все это было непросто, потому что не хватало опыта, ведь до этого с этим просто не приходилось сталкиваться: «Республиканский МИД был структурным подразделением союзного министерства иностранных дел и выполнял в основном консульские и протокольные функции. И лишь в начале 90-х годов, когда союзные республики стали набирать силу и весомо заявлять о своих правах, несколько сотрудников казахстанского МИДа получили воз-

можность стажироваться и работать в советских посольствах за рубежом» [1, с. 146].

В своей книге «Преодоление» бывший министр иностранных дел РК Касымжомарт Токаев рассказывает про те трудности, с которыми столкнулась казахстанская дипломатия: «Министерство иностранных дел, разрабатывая основные аспекты концепции внешней политики Казахстана, опиралось именно на принципы и задачи, которые излагались в этой работе Президента. Мы исходили из того, что в основе внешнеполитической деятельности на любых направлениях должны лежать национально-государственные интересы нашей страны. Под ними прежде всего подразумевались обеспечение безопасности в различных сферах (военной, социально-экономической, экологической, информационной), экономическое процветание, обеспечение авторитета Казахстана на международной арене» [1, с. 156].

Отказавшись от ядерного оружия, Казахстан выбрал миролюбивую позицию во внешней политике. На первом этапе было важно показать всему миру, что Казахстан открыт и готов к сотрудничеству. Интерес зарубежных стран и инвесторов подогревался наличием у страны богатых природных ресурсов, в особенности нефти, а также выгодным геополитическим положением страны на стыке Европы и Азии. Все эти факторы позволили привлечь иностранные инвестиции и поддержать истощенную экономику того времени. В концепции обеспечения национальной безопасности президент Казахстана предпочел политические средства военным. Внешняя политика опиралась в первую очередь на дипломатию.

Расположение между Россией и Китаем подразумевало создание своей оборонительной системы с участием в организации коллективной безопасности. Обязательства по неприменению силы или угрозы силой в отношении друг друга было обязательным пунктом в международных договорах, подписываемых Казахстаном. Это еще раз подтверждало мирную позицию в ведении межгосударственных отношений.

Можно сделать вывод о том, что Н. Назарбаев был противником силовых методов и войны, рассматривая основными источ-

никами военной опасности стремление государств к мировому доминированию благодаря наращиванию военного потенциала; нестабильность внутривнутриполитической обстановки в ряде государств; наличие вооруженных группировок и их базирование вблизи государственных границ Казахстана и протекающие вооруженные конфликты между государствами [2, с. 53].

Помимо интересов в сфере безопасности, Казахстан преследовал стратегические цели и во внешнеэкономической политике со странами СНГ по различным направлениям.

Что касалось ядерного оружия, Казахстан выбрал путь ядерного разоружения и создания на своей территории зоны, свободной от оружия массового уничтожения. 30 мая 1995 года был уничтожен последний оставшийся под землей Семипалатинского полигона ядерный заряд. С того момента казахстанская земля стала полностью свободной от ядерного оружия [3, с. 356–358].

Концепция внешней политики разрабатывалась долгие годы и выходила в двух редакциях: 1995 года и 2000 года. Работа над этим документом велась постоянно в администрации президента и в Институте стратегических исследований [1, с. 157].

Республика Казахстан продолжает укрепляться в своем намерении последовательно проводить многовекторную внешнюю политику. Успех страны заключается в сбалансированности, сохранении широкого поля для политико-дипломатического маневрирования, развитии дружественных отношений с государствами, которые представляют практический интерес для Казахстана и взаимно заинтересованы в укреплении сотрудничества.

Литература

1. Токаев К. Преодоление. Дипломатические очерки. Алматы : ОАО «САК» – НП ПИК «CAUNAR», 2003. 656 с.
2. Назарбаев Н. А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы : Дәуір, 1992. 56 с.
3. Токаев К. К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана : Елорда, 2001. 552 с.

Мамин Никита Викторович,
студент 2-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»*: ГЕНЕЗИС, ПРИРОДА И ПЕРСПЕКТИВА РАСПАДА

Рассматривается актуальная проблема современных международных отношений – международный терроризм, ассоциирующийся сегодня с «Исламским государством». Автором предлагается краткий анализ генезиса, структуры и идеологии террористической организации. Делается вывод о том, что «Исламское государство» фактически представляет собой яркий пример хариджизма. Также автор указывает на то, что поражение террористической организации может осложнить процесс политического урегулирования внутрисирийского конфликта.

Ключевые слова: исламистский радикализм и терроризм; «Исламское государство»; внутрисирийский конфликт; хариджизм.

Mamin Nikita Victorovich,
2-year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal university

«ISLAMIC STATE»: GENESIS, NATURE AND PROSPECT OF DECAY

The report is devoted to the urgent problem of modern international relations, to the international terrorism, which is associated today with the «Islamic State». The author offers a brief analysis of the genesis, structure and ideology of the terrorist organization. There was made a conclusion that the «Islamic state», in fact, is a vivid example of Khawarijism. The author also points out that the defeat of the terrorist organization can complicate the political settlement process of the intra-Syrian conflict.

* Организация запрещена на территории РФ.

Keywords: islamist radicalism and terrorism, «Islamic State», intra-Syrian conflict, Khawarijism

Актуальность проблемы международного терроризма в сфере глобальной безопасности не вызывает сомнения и сегодня во многом связана с террористической организацией «Исламское государство» (ИГ), которая фактически противопоставила себя ведущим мировым и региональным державам. Проблема ИГ активно обсуждается в академической среде как в России, так и за рубежом: специалисты пытаются выработать общее понимание природы и статуса организации, а также ответить на вопрос: что представляет собой самозванный халифат?

Предлагая свое видение ответа на этот вопрос, автор ставит перед собой цель проведения комплексного анализа феномена ИГ, что, в свою очередь, возможно, позволит выделить новые векторы противодействия исламистскому терроризму. Для ответа на поставленный вопрос предлагается выделить три направления анализа: генезис, существующая структура и идеология. При подготовке работы автором были использованы труды отечественных и зарубежных специалистов.

В том, что касается генезиса ИГ, отмечается, что эта организация сформировалась в ходе войны в Ираке 2003–2011 гг. Условно можно выделить три этапа в развитии конфликта, следуя которым изменялась и сама организация [1, с. 124–127]. Наиболее важным видится третий этап, с 2005 г., когда происходит ряд событий, заложивших основу для будущего разрыва с «Аль-Каидой»: создается «Меджлис моджахедов Шуры», лидером которого становится Абу Омар аль-Багдади; после смерти первого лидера будущего ИГ Абу Мусаба аз-Заркави в 2007 г. его фактический преемник присягает на верность аль-Багдади, после чего объявляется о создании «Исламского государства Ирака» (ИГИ) [2; 3]. В 2011 г. под руководством нового лидера Абу Бакра аль-Багдади ИГИ присоединяется к войне в Сирии.

Рассматривая структуру ИГ, автор предлагает абстрагироваться от морально-этических оценок и сопоставить имеющиеся факты с характеристиками, присущими государству. Отмечается

экстерриториальный характер суверенитета, а также фактическое наличие регулярной армии и сил правопорядка, получающих жалование [4, с. 77–78]. ИГ обладает развитым административным аппаратом, который доказал свою устойчивость в военных условиях; в нем имеется своя бюджетная и налоговая политика [5, с. 27]. Мощный идеолого-пропагандистский аппарат сосредоточен вокруг трех, принадлежащих ИГ медиа-холдингов. Вербовщики ИГ также активно пользуются социальными сетями и мессенджерами [6, с. 163–167].

Оценивая активность ИГ, автор приходит к выводу, что все действия организации носят подчеркнуто сакральный подтекст. Данный тезис подтверждается на примерах выступления аль-Багдади в мечети аль-Нури и названия главного до недавнего времени издания ИГ – журнала «Дабик». Ультимативная логика поведения ИГ, продемонстрированная ими в отношении своих противников вкупе с мощным религиозным ригоризмом, дает основание отнести их идеологию к хариджизму, что в буквальном смысле означает «выступившие, вышедшие» [из ислама] [7].

Таким образом, можно заключить, что в случае с ИГ международное сообщество столкнулось с особой «параллельной реальностью», радикально отрицающей сложившийся миропорядок и структуры жизнедеятельности, что, в свою очередь, отражается на организационно-мобилизационных ресурсах организации. Однако, по мнению автора, возможная скорая победа над ИГ в Сирии и Ираке не дает оснований полагать, что следом наступит стабилизация ситуации на Ближнем Востоке. Вниманию экспертов предлагается ряд проблем, которые предстоит решить: остаются ячейки ИГ, рассеянные во множестве государств от Магриба до Индонезии; выход ИГ из войны обернется заострением вопроса политического урегулирования внутрисирийского конфликта; остро встанет вопрос судеб тех людей, кто проживает сегодня на территории ИГ. Хотелось бы напомнить, что во многом «возвышение» ИГ состоялось именно в обстановке отсутствия ясного видения и планов постконфликтного урегулирования в Ираке.

Литература

1. Мусихина Т., Мамин Н. Ближний Восток в условиях войн 4-го поколения // Изв. УрФУ. Серия 3: Общественные науки. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. Т. 11, № 4. С. 120–131.
2. Zelin A. The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement, Research note 20, June 2014 // The Washington Institute for Near East Policy : official site. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-war-between-isis-and-al-qaeda-for-supremacy-of-the-global-jihadist> (дата обращения: 05.03.2017).
3. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство. Армия террора / пер. с англ. Ю. Вейсберг, Н. Нарциссова. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 352 с.
4. Мамин Н. Феномен «Исламского государства» // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты : сб. материалов Всерос. науч. конф., 28 октября 2016 г. Самара : СаГА, 2016. С. 72–85.
5. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы // Аналит. доклады / под ред. А. Орлова. М. : МГИМО-Университет, 2016. Вып. 1 (45). 45 с.
6. «Исламское государство»: сущность и противостояние: аналит. доклад / под ред. Я. Амелиной, А. Арешева. Владикавказ : Кавказ. геополит. клуб, 2015. 226 с.
7. Kharidjites // The Encyclopedia of Islam. Vol. IV. Leiden, 1997. P. 1075–1077.

Мосина Татьяна Алексеевна,
магистрант 1-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОЗАЩИТНЫХ НПО В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В данной работе автор рассматривает положение правозащитных неправительственных организаций в Саудовской Аравии и основные проблемы, связанные с их деятельностью.

Ключевые слова: правовой статус; права человека; Саудовская Аравия; НПО; правозащитные организации; арабское государство; Ближний Восток.

Mosina Tatiana Alekseevna,
1-year master student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE STATE OF HUMAN RIGHTS NGOS IN SAUDI ARABIA

The article deals with the status of human rights non-governmental organizations in Saudi Arabia and the main problems they face.

Keywords: legal status, Saudi Arabia, human rights, NGO, human rights organizations, Arab state, Middle East.

Положение с правами человека в арабском мире затрагивается рядом западных правозащитных правительственных и неправительственных организаций. Наибольшее внимание уделяется правам женщин, поскольку именно они являются наиболее притесняемой частью населения. Многие арабские государства имеют проблемы в данной сфере, однако, по данным докладов, наибольший разрыв между правами мужчин и женщин наблюдается в Саудовской Аравии. Здесь гендерная сегрегация все еще присут-

ствуется во всех сферах жизни населения. Привлечение внимания к правам женщин в Королевстве произошло благодаря деятельности органов ООН, таких как Совет по правам человека, Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин и др., а также различных неправительственных организаций [1].

До 2016 года широта деятельности неправительственных организаций строго ограничивалась внутренними законами Саудовской Аравии. Они не только затрудняют саму деятельность подобных организаций, но и их учреждение как таковое. Местные неправительственные организации, ориентированные на защиту прав человека, годами не получали разрешения (лицензии) от правительства на осуществление своей деятельности, а порой и вовсе были принуждены к закрытию. Иностранным организациям запрещено располагаться на территории страны, свои исследования они могут осуществлять только через представителей организации и только на условиях принимающей стороны. Потому часто доклады о положении с правами человека внутри Королевства лишены важной информации. В 2015 году правительством страны был принят новый закон об ассоциации, где была выработана некоторая структура для легализации деятельности общественных организаций. Тем не менее закон включает в себя очень размытые понятия об ограничениях для регистрации организаций, в частности нарушение шариата, несоответствие общественной нравственности и разрыв национального единства. Все эти положения подразумевают под собой возможность произвольного толкования и потому являются значительным препятствием для потенциальных правозащитных организаций. К тому же закон накладывает ограничения на совместную деятельность местных организаций с иностранными НПО и подразумевает вмешательство правительственных органов в международную деятельность данных организаций. На данный момент больше половины НПО в Саудовской Аравии составляют благотворительные или подотчетные правительству организации [2].

Другой проблемой является индивидуальное положение активистов и правозащитников. Саудовская Аравия является участ-

ником Декларации по правам человека Совета по сотрудничеству стран Персидского залива. Согласно этой декларации «каждый человек имеет право на свободу мнения и выражения, и реализация этих свобод гарантируется законами шариата, национальными законами и общественным порядком. Тем не менее лица, высказывающие свои опасения относительно ситуации с правами человека внутри государства, часто подвергаются преследованиям и тюремным заключениям. По данным докладов Amnesty International, Human Rights Watch, Human Rights First и др., правительство Королевства использует национальный антитеррористический закон и различные законы, созданные для подавления мирной критики, для привлечения активистов и правозащитников к суду. Многие из них обвиняются в предоставлении информации иностранным НПО, в образовании правозащитных организаций без получения лицензии, во влиянии на общественное мнение, в подрывании национального единства страны и т.д. Женщины-активистки подвергались тюремным заключениям за публичные демонстрации в поддержку разрешения на вождение автомобилей, а также за высказывание критики в социальных сетях [3–6].

История Королевства показывает, что НПО часто способствовали изменению ранее принятых канонов. Так, в 2013 году женщины-адвокаты получили разрешение на практику своей деятельности, в 2015 году женское население Саудовской Аравии впервые смогло голосовать на выборах, с каждым годом возрастает процент работающих женщин, в обществе постепенно меняется отношение к женской образованности, а также к месту женщины в жизни государства. Все это в том числе было достигнуто благодаря работе активистов и правозащитных организаций [7].

Таким образом, исследование показало, что, хотя само по себе принятие закона об ассоциации в Саудовской Аравии является большим шагом к изменениям, действительная его результативность не находит подтверждения. Разумеется, невозможно сказать, что в Королевстве существует лишь фиктивное понимание гражданского общества, однако всей полнотой свобод оно не обладает.

Литература

1. Women's Rights in Saudi Arabia: Hala Aldosari on Reform and the Future// Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/blog/women-s-rights-saudi-arabia-hala-aldosari-reform-and-future>.
2. Civic Freedom Monitor: Saudi Arabia // The International Center for Not-for-Profit Law. URL: <http://www.icnl.org/research/monitor/saudi-arabia.html>.
3. GCC Human Rights Declaration // Gulf Cooperation Council. URL: <http://www.gcc-sg.org/en-us/CognitiveSources/DigitalLibrary/Lists/DigitalLibrary/Human%20Rights/1453192982.pdf>.
4. Saudi Arabia 2016/2017 // Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/middle-east-and-north-africa/saudi-arabia/report-saudi-arabia/>.
5. Saudi Arabia country's profile // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/middle-east/n-africa/saudi-arabia>.
6. Human Rights Defenders and Political Prisoners in Saudi Arabia, the United Arab Emirates, and Bahrain // Human Rights First. URL: <http://www.humanrightsfirst.org/sites/default/files/HRF%20al-Khair%20Profile.pdf>.
7. A Step Forward for Women in Saudi Arabia // Middle East Policy Council. URL: <http://www.mepc.org/articles-commentary/commentary/step-forward-women-saudi-arabia?print>.

УДК 323.1

Поспелова Таисия Владимировна,

бакалавр 4-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ: КОНЦЕПЦИИ, ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

В данной статье рассматривается содержание и связь таких концепций, как «мультикультурализм» и «интеркультурализм» («межкуль-

турный диалог») на примере европейского опыта. Ставится проблема идейного и практического соотношения данных концепций, которая на данный момент не нашла решения в исследовательских кругах.

Ключевые слова: мультикультурализм; интеркультурализм; межкультурный диалог; европейская культурная политика.

Pospelova Taisia Vladimirovna,

4-year student of the department of international relations

Institute for Social and Political Science

Ural Federal University

MULTICULTURALISM AND INTERCULTURALISM: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND EUROPEAN EXPERIENCE

The essence and the connection between multiculturalism and interculturalism (intercultural dialogue) concepts are considered in this article with the example of European policy. Due to the lack of the consensus between researchers the problem of relation between the concepts is posed.

Keywords: multiculturalism, interculturalism, intercultural dialogue, European cultural policy.

Мультикультурализм и интеркультурализм – это две концепции построения межкультурных отношений, наиболее ярко проявившиеся в политическом дискурсе Европы в последние годы. Тем не менее, кроме отсутствия однозначного подхода к их пониманию, также возникает проблема связи, соотношения данных концепций. Определение и установление соотношения данных концепций построения межкультурных отношений в настоящий момент имеет важное практическое значение для строительства мультикультурного общества в ЕС.

Мультикультурализм пришел в страны Западной Европы, которые столкнулись с большим иммиграционным потоком, сравнительно недавно – в середине 90-х гг. При этом отсутствует единое понятие «мультикультурализма», что объясняется неоднозначностью и неоднородностью концепции, а также наличием различных его моделей.

В европейской практике идея мультикультурализма подразумевает сохранение различий между различными культурными группами с сохранением их культурных особенностей путем их признания группой большинства (принимающим обществом). Эта модель, рассматриваемая как альтернатива ассимиляции [1, p. 6] без изменения идентичности, стала кризисной.

Кризис мультикультурализма стал символом провала политики включения в общество иммигрантов, принадлежащих к исламской культуре. Многочисленная критика и заявления о кризисе, и даже провале мультикультурализма, стали появляться уже с начала 2000-х гг. Мультикультурализм обвинялся в том, что он несет «тиранию политкорректности», ведет к этническому сепаратизму, поощряет культурные практики, нарушающие права и свободы человека, является пристанищем для террористов [1, p. 14].

В то же время Европа обвинялась в исламофобии: с одной стороны, Европа требует от мусульман быть «мусульманами Европы» (принять такие гражданские ценности, как индивидуализм, демократию), а с другой стороны, постоянно напоминает им, что они – «мусульмане в Европе» (противопоставляя свое иудейско-христианское культурное наследие) [2, p. 113].

К тому же признание в данном случае рассматривалось как самодостаточная мера, в то время как было необходимо решение других насущных проблем [2, p. 113].

С 2007 г. проблема построения мультикультурного сообщества становится одним из приоритетов ЕС. В культурной политике ЕС появляются принципы интеркультурализма, заложенные в основу нового приоритетного направления культурной политики под названием «межкультурный диалог».

В случае ЕС межкультурный диалог – это концепция, противопоставляемая мультикультурализму. В отличие от него, межкультурный диалог стремится установить связи и точки соприкосновения между различными культурами, сообществами и народами, стремясь к пониманию и взаимодействию между ними [3]. Появление концепции межкультурного диалога в целях построения мультикультурного общества является ответом

на кризис мультикультурализма и происходит в культурной политике ЕС с 2007 г. [4].

Исследователи отмечают, что межкультурный диалог ориентирован на установление отношений между гражданами и группами в гражданском обществе, в отличие от мультикультурализма, который был скорее сосредоточен на выстраивании отношений между государством и меньшинствами [5, р. 217–218]. Акцент в данном понятии делается на диалог и «синтез» [6, р. 177].

С другой стороны, существует точка зрения, что мультикультурализм «был принесен в жертву, чтобы умиротворить популистские антииммигрантские политические партии и их сторонников» [1, р. 8] и был заменен межкультурным диалогом, который не несет в себе принципиально новых идей. Об отсутствии вклада этой концепции в дело построения мультикультурного общества могут свидетельствовать до сих пор нерешенные проблемы маргинализации отдельных культурных групп в Европе, рост популистских правых партий, начало процесса дезинтеграции ЕС.

Таким образом, переход к интеркультурализму от мультикультурализма однозначно стал ответом на кризис последней модели выстраивания межкультурных отношений в государствах ЕС, причем ответ этот был сформирован на наднациональном уровне. Тем не менее в исследовательских кругах развивается спор о качестве этого ответа. С одной стороны, идея интеркультурализма действительно отличается тем, что ставит во главу угла диалог, а значит, подразумевает взаимную трансформацию сторон. С другой стороны, остаются сомнения по поводу того, что такая трансформация происходит на самом деле.

Литература

1. *Bradley W.* Is There a Post-Multiculturalism? Shiga: Afrasian research centre, Rukoku University, 2013. 26 p.
2. *Marranci G.* Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia // *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*. 2004. Vol. 5. P. 105–117.

3. Intercultural dialogue [Electronic source] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/culture/policy/strategic-framework/intercultural-dialogue_en (дата обращения: 06.04.2017).

4. Resolution of the Council of 16 November 2007 on a European Agenda for Culture // EUR-lex. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007G1129%2801%29> (дата обращения: 30.03.2017).

5. Levey G. B. Interculturalism vs. Multiculturalism: A Distinction without a Difference? // Journal of Intercultural Studies. 2012. Vol. 33, № 2. P. 217–224.

6. Meer N., Modood T. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies. 2012. Vol. 33. P. 175–196.

УДК 323.225

Раюллина Татьяна Глебовна,

бакалавр 3-го курса

департамента международных отношений

Института социальных и политических наук

Уральского федерального университета

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С НАРКОТРАФИКОМ В БОЛИВИИ В XXI ВЕКЕ

В работе представлена такая проблема борьбы с одной из угроз международной безопасности – международным наркобизнесом, – как недостаток контроля над действиями отдельных стран на примере Боливии. Рассматривается, какую политику по борьбе с данной угрозой проводит президент Боливии и как она влияет на рост наркобизнеса из этой страны.

Ключевые слова: международный наркобизнес; Боливия; Эво Моралес.

Rayullina Tatiana Glebovna,
3-year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE PROBLEM OF COMBATING DRUG TRAFFICKING IN BOLIVIA IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

The author is studying such threat for the international security as lack of controlling the policy on combating international drug trafficking of particular countries, on the example of Bolivia. The policy of combating the drug trafficking pursued by the president of Bolivia and its consequences are considered.

Keywords: international drug trafficking, Bolivia, Evo Morales.

Боливия занимает третье место в мире после Колумбии и Перу по производству кокаина, одного из самых опасных и тяжелых наркотиков. Однако борьба с наркотрафиком в Боливии сталкивается с препятствием в виде политики, проводимой ее президентом Эво Моралесом.

После вступления в должность Эво Моралес разработал свою концепцию по борьбе с наркотрафиком, согласно которой, чтобы сократить потребление наркотиков, нужно прямо бороться с производителями и торговцами наркотиков, а не запрещать культивацию коки, как это было ранее.

Изначально растение было включено в Список № 1 Единой конвенции о наркотических средствах ООН в 1961 г. наряду с кокаином и героином. Эво Моралес назвал запрещение коки «исторической несправедливостью» [1]. Дело в том, что кока считается традиционной культурой для индейцев Боливии, и, отстаивая культивацию коки в Боливии, Эво Моралес ссылается на защиту прав коренных народов. Например, Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. обязует уважать и защищать их традиционные культурные практики [2]. Следует понимать, что растение коки и производимый из него кокаин – это разные вещи. Листья коки используются в быту, медицине и религиозных ритуалах, они помогают справиться с горной болезнью, жадой и чувством го-

лода, и практике их употребления в Боливии насчитывается уже несколько тысяч лет [3].

В 2009 г. Эво Моралес оспорил включение коки в Единую конвенцию 1961 г. [4]. В 2012 г. ООН, опасаясь роста потока кокаина из этой страны, официально разрешила выращивание коки в Боливии и ее традиционное использование, и Боливия снова присоединилась к Конвенции. Оговорка, сделанная для Боливии, вызвала критику со стороны ряда стран, опасющихся, что такой шаг грозит увеличением объемов наркотрафика [5].

Что касается действий по борьбе с наркотрафиком, то, согласно концепции Эво Моралеса, в Боливии стали сокращаться только те плантации коки, которые, предположительно, использовались наркоторговцами для выращивания сырья для кокаина [6]. Однако, согласно данным ООН, производство кокаина в Боливии только увеличилось с 7 в 2008 г. до 17 тонн в 2015 г. Напротив, до прихода Эво Моралеса к власти, когда кока была запрещена и борьба с наркотрафиком проводилась в Боливии под иностранным контролем, производство кокаина уменьшалось, например, оно сократилось с 250 тонн в 1995 г. до 60 тонн в 2001 г. [7] и до 7 тонн в 2008 г. Таким образом, самостоятельная политика по борьбе с наркотиками, разработанная Эво Моралесом, оказалась неэффективной.

Таким образом, проблема недостатка контроля над действиями по борьбе с наркотрафиком отдельных стран заключается в том, что некоторые государства могут проводить ошибочную политику, которая приводит к росту такой угрозы международной безопасности, как наркоторговля. Однако никто не может вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, и на данный момент мировое сообщество сталкивается с вызовом, как бороться с подобными угрозами, исходящими из отдельных государств.

Литература

1. Discurso de Evo Morales en las Naciones Unidas, Nueva York, 19 de septiembre de 2006. URL: <https://www.servindi.org/actualidad/4724>.
2. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

3. Presidente Evo Morales legaliza nuevos cicales y critica a EE.UU. URL: <https://www.elheraldo.co/mundo/queremos-garantizar-coca-de-por-vida-dijo-evo-morales-335239>.

4. Hoja de coca: mitos y realidad. URL: <https://www.tni.org/es/primer/hoja-de-coca-mitos-y-realidad>.

5. Жителям Боливии разрешили жевать листья коки. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1003415>.

6. Las lecciones de Bolivia de la lucha contra el narcotráfico. URL: <https://www.nytimes.com/es/2016/09/14/las-lecciones-de-bolivia-de-la-lucha-contra-el-narcotrafico/>.

7. El consumo de drogas lícitas e ilícitas en Bolivia se triplicó en ocho años. URL: <http://www.bolivia.com/noticias/autonoticias/DetalleNoticia20153.asp>.

УДК 327.7

Синицына Елена Игоревна,

бакалавр 3-го курса

департамента международных отношений

Института социальных и политических наук

Уральского федерального университета

РОЛЬ РОССИИ В ОТКАЗЕ СИРИИ ОТ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Доклад посвящен региональному аспекту проблемы эффективного функционирования режима нераспространения оружия массового уничтожения, а именно процессу ликвидации химического оружия в Сирии. Автор анализирует роль, которую сыграла в нем Россия, и приводит оценки ведущих экспертов-международников относительно эффективности предпринятых российской стороной действий.

Ключевые слова: Россия; Сирия; химическое оружие.

SinitSYna Elena Igorevna,
3-year student of the department of international relations
Institute of Social and Political Sciences
Ural Federal University

THE ROLE OF RUSSIA IN SYRIA'S RENUNCIATION OF CHEMICAL WEAPONS

The report is devoted to the regional aspect of the problem of effective functioning of the regime for the non-proliferation of weapons of mass destruction and, namely, the process of eliminating chemical weapons in Syria. The author analyses the role of Russia in it and presents some assessments of leading experts in world politics on the effectiveness of the actions taken by the Russian government.

Keywords: Russia, Syria, chemical weapons.

Любая система представляет собой совокупность неких элементов, которые, взаимодействуя между собой, определяют ее целостность и четкую структуру. Важнейшим компонентом системы международных отношений выступают институты. Именно они упорядочивают взаимодействие субъектов, способствуют становлению сотрудничества между этими субъектами и повышают стабильность международной среды.

На сегодняшний день в мире функционируют целые режимы – институциональные и нормативные механизмы, регулирующие ту или иную сферу общественных отношений. Важнейший, основополагающий международный режим, направленный на обеспечение международной безопасности, – это режим нераспространения оружия массового, уничтожения (ОМУ). Однако, несмотря на активные усилия государств по укреплению механизмов нераспространения, международному сообществу приходится сталкиваться с фактами нарушения режима, что в условиях глобализации и появления новых связанных с ней вызовов безопасности представляет непосредственную угрозу выживанию всего человечества.

Одним из самых острых конфликтогенных очагов в мире остается ситуация в Сирии. Порождая многочисленные проблемы, такие как международный терроризм и тяжелейший гуманитарный кризис, сирийский конфликт вдобавок ко всему подрывает режим нераспространения ОМУ. Это связано с неоднократным применением в Сирии химического оружия и проблемой его ликвидации.

Однако 13 сентября 2013 г. состоялось историческое событие: Сирия стала полноправным участником Конвенции о запрещении химического оружия [1]. Это стало возможным после проведенных 10 сентября в Москве переговоров министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова и его сирийского коллеги Валида Муаллема, по итогам которых Сирия подтвердила готовность поставить свои запасы химического оружия под международный контроль в соответствии с планом, предложенным Россией [2]. Российская инициатива легла в основу рамочной договоренности, достигнутой 14 сентября 2013 г. в Женеве между С. Лавровым и Государственным секретарем США Дж. Керри, в которой стороны выразили «общую решимость максимально быстро и безопасно обеспечить полную ликвидацию сирийской военной химической программы» [3].

Впоследствии Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 2118, которая предусматривала окончательную ликвидацию арсеналов химического оружия в Сирии к середине 2014 г. [4].

Дипломатические усилия России дали основания многим экспертам высоко оценить ее роль в процессе ликвидации химического оружия Сирии. Так, П. Топычканов подчеркнул «беспрецедентный» характер операции по уничтожению сирийских химических арсеналов, поскольку «впервые была поставлена задача уничтожить арсеналы в ходе активной фазы гражданской войны» [5]. Солидарен с ним и С. Караганов, назвавший уничтожение сирийского химического оружия «крупным достижением российской дипломатии» [6]. Для И. Тимофеева принятие СБ ООН резолюции о ликвидации сирийской программы химического оружия стало «серьезной победой российской дипломатии и общего курса РФ на укрепление роли ООН», так как «процесс политических преобразований в стране пошел под эгидой Организации Объеди-

ненных Наций, а не под произвольным руководством отдельных держав» [7].

Таким образом, в результате грамотных действий российской дипломатии удалось предотвратить операцию сил НАТО против Сирии, добиться присоединения Сирии к Конвенции о запрещении химического оружия и содействовать таким образом укреплению основ режима нераспространения ОМУ, а также усилить позиции и политический авторитет России в мире в целом и на Ближнем Востоке в частности.

Литература

1. Сирия подписала отказ от химоружия // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/328682> (дата обращения: 13.03.2017).

2. Роль России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии // ИТАР-ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/889036> (дата обращения: 14.03.2017).

3. Выступление и ответы С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции с Дж. Керри 14 сентября 2013 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/96662 (дата обращения: 14.03.2017).

4. Resolution 2118 adopted on 27 September 2013 // United Nations [Official website]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/489/23/PDF/N1348923.pdf?OpenElement> (дата обращения: 16.03.2017).

5. Топычканов П. Конфликт в Сирии: пути урегулирования. Взгляд из Москвы и Лондона // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/2013/09/25/ru-pub-53125> (дата обращения: 19.03.2017).

6. Караганов С. Праздновать еще рано // РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7109#top-content (дата обращения: 17.03.2017).

7. Тимофеев И. Новый «век политики» // РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7086#top-content (дата обращения: 18.03.2017).

Тупоногова Ксения Юрьевна,
магистрант 2-го курса
департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

В статье рассматриваются основные международные механизмы защиты прав коренного населения. Показана основная роль международных организаций в этом вопросе. Исследованы процессы формирования основных механизмов защиты.

Ключевые слова: коренные народы; международное право; защита прав.

Tuponogova Ksenia Yurevna,
2-year master student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

INTERNATIONAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF INDIGENOUS PEOPLES' RIGHTS

The article examines the main international mechanisms for protecting the rights of indigenous people. The main role of international organizations in this matter is shown. The processes of formation of the basic mechanisms of protection are investigated.

Keywords: indigenous people, international law, protection of rights.

За последние десятилетия можно отметить значительные достижения в изменении правового статуса коренных народов в мире – принятие множества конвенций и деклараций, создание и совершенствование различных особых механизмов.

По-прежнему актуальным остается вопрос формулирования определения понятия «коренной народ».

Несмотря на то, что долгое время коренные народы страдали от бед разного характера, важно отметить прогресс в признании их прав на международном уровне. В глобальном масштабе отмечается тенденция к привлечению внимания, обсуждению и поиску решений существующих проблем в сфере защиты прав коренных народов. Расширяются и укрепляются обязательства государств по улучшению положения коренных народов. Отмечается появление международных механизмов и методов урегулирования спорных вопросов в данной области [1, с. 62].

Однако сохраняется достаточное число проблем. Бросаются в глаза низкие показатели социального развития. Но это стимулирует международное сообщество к дальнейшему сотрудничеству и усилиям по разрешению ситуации.

Можно с уверенностью заявить, что сегодня отмечается эволюция правового статуса коренных народов как на глобальном, так и региональном уровне. Приоритетное положение занимает вопрос обеспечения прав и интересов в направлениях деятельности государств и правительств. Провозглашается и поддерживается право коренных народов на самоопределение, самоуправление и сохранение своей идентичности.

Активная деятельность государств, гражданского общества, коренных народов с применением международных механизмов на различных уровнях взаимодействия за последние три десятилетия позволили сделать вопрос о правах коренных народов одним из важных компонентов международного права и политики. Механизмы, нормативные акты и политика правозащитной системы Организации Объединенных Наций играют ведущую роль в процессе этих изменений [2]. Говоря о правозащитной системе ООН необходимо упомянуть работу таких институтов, как Рабочая группа Организации Объединенных Наций по коренным народам, Совет по правам человека и его механизмы, в сотрудничестве с другими ключевыми участниками, включая Постоянный форум Организации Объединенных Наций по вопросам коренных народов, которые внесли большой вклад в развития данного права.

Перечень прав коренных народов в международной практике был разработан на основе норм действующего международного права, включая международные пакты о правах человека, для учета конкретных особенностей коренных народов, а также их приоритетов, таких как права на их земли, территории и ресурсы, а также право на самоопределение.

Значительное влияние на развитие международной судебной практики в отношении коренных народов оказывают правовые изменения на региональном уровне. Изменения также происходят на государственном уровне: права коренных народов включаются в национальные правовые системы. Большое значение в развитии прав коренных народов играют национальные правозащитные организации: их мнение и оценка учитываются как на национальном, так и на международном уровне.

Литература

1. Абашидзе А. Х. Международно-правовые основы защиты прав коренных народов. М., 2011.
2. ITTC: A Voice for Indigenous Peoples [Electronic resource] // International Indian Treaty Council [Official website]. URL: <http://www.iitc.org/about-iitc/> (дата обращения: 22.04.2017).

УДК 327.56

Хабарова Александра Александровна,
магистрант 1-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

Рассматриваются перспективы разрешения конфликта между Арменией и Азербайджаном, будущий статус НКР. Анализируются позиции сторон и факторы, препятствующие урегулированию.

Ключевые слова: Нагорный Карабах; НКР; армяно-азербайджанский конфликт.

Khabarova Alexandra Alexandrovna,
1-year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

NAGORNY KARABAKH: PERSPECTIVES OF THE PROBLEM'S RESOLUTION

Perspectives of the resolution of a conflict between Armenia and Azerbaijan, future status of NKR are studied. Positions of the parties and obstacles are analyzed.

Keywords: Nagorno Karabakh, NKR, the conflict between Armenia and Azerbaijan.

Конфликт в Нагорном Карабахе является проблемой с многовековой историей. За все время своего существования данная территория находилась под протекторатом различных стран, однако основная борьба за обладание Карабахом в настоящее время разворачивается между Арменией и Азербайджаном. Самой острой фазой этого конфликта принято рассматривать войну, развернувшуюся в 90-х гг. XX в. По итогам этого жестокого кровопролития было достигнуто перемирие, зафиксированное в Соглашении о бессрочном прекращении огня и Бишкекском протоколе. Тем не менее вопрос остается неурегулированным, подтверждением чему выступают апрельские события 2016 г., когда на границе между Арменией и Азербайджаном вновь имели место военные действия. Если говорить о перспективах разрешения Нагорно-Карабахского конфликта, то необходимо в первую очередь оценить позиции сторон конфликта, выявить общие положения и точки острых разногласий.

Согласно официальным документам территория Нагорного Карабаха принадлежит Азербайджану. С другой стороны, данные переписи населения говорят о превалировании армян над други-

ми этносами, проживающими на данной территории. В дополнение нельзя не сказать об активной поддержке жителей Карабаха со стороны армянских диаспор из-за рубежа и официальной армянской власти. Обе стороны претендуют на контроль над этими землями, также основываясь на исторических данных различных эпох.

Министерство иностранных дел Армении заявляет в своих выступлениях, что при обсуждении карабахской проблемы необходимо прежде всего включить представителей Нагорного Карабаха в переговорный процесс. Конечно, позиция армянской стороны зиждется на праве народов на самоопределение, что подчеркивается во всех официальных заявлениях. Более того, Армения настаивает на возобновлении сухопутной связи с Карабахом и создании системы безопасности, гарантированной международными соглашениями. В качестве посредников в переговорном процессе МИД Армении признает ОБСЕ и Минскую группу. В заявлениях этой стороны не раз подчеркивалась необходимость разрешения конфликта исключительно мирными способами. Впрочем, заявление о том, что Нагорный Карабах не имеет будущего в составе Азербайджана, не соответствует утверждению о свободном праве народов на самоопределение [1].

Азербайджан, говоря о Карабахе, апеллирует к суверенитету и территориальной целостности государства. Вопрос о передаче данной территории Армении или предоставлении суверенитета не рассматривается, согласно заявлениям президента и представителей азербайджанской стороны [2].

Президент НКР, выступая от лица всех жителей Арцаха, подчеркивает независимость своей республики, которую они получили благодаря Матери-Армении и Диаспоре. Отсюда можно сделать вывод, что сами карабахцы рассчитывают на независимость, но под протекторатом Армении [3].

Рассмотрев позицию основных сторон конфликта, можно заключить, что каждый народ преследует свои интересы, которые не могут быть реализованы без конструктивного диалога всех участников.

Что касается оценок исследователей, то С. Петрова полагает, что проведение экономико-социальных реформ в НКР постепенно приведет республику к способности существовать только за счет своих ресурсов. Активная помощь с армянской стороны только ускоряет этот процесс, за которым в будущем может последовать полоса признаний государствами и международными организациями [4]. Л. Чентуридзе считает, что конфликт длится слишком долго, поэтому некая затянутость идет на руку сторонам. Немаловажным остается участие и косвенное влияние третьих стран, положение которых также может повлиять на исход событий. Усиливающаяся экономическая интеграция и глобализационные тенденции делают разрешение конфликта военным или дипломатическим путем невыгодным [5]. В. Арутюнян подчеркивает туманность перспективы разрешения конфликта в виду наличия некоторых разногласий между НКР и Арменией, а также неопределенности позиции России [6]. Г. Сляднева утверждает, что сегодня очень важное место в решении карабахской проблемы занимает работа СМИ и пропагандистские инструменты. Также она рассматривает посредничество РФ в этом вопросе как специальный акт, чтобы дезавуировать негативный политический фон после грузинских событий [7].

Подводя итоги, необходимо сказать, что стороны на современном этапе не пришли к консенсусу, а также ни один из экспертов не дал положительных прогнозов на ближайшее будущее. Однако, несмотря на столь пессимистичные прогнозы, видится возможным в ближайшей перспективе появление кардинальных изменений в статусе НКР, так как международная обстановка сегодня в целом нестабильна. Любое действие третьих стран может привести к активизации сторон конфликта. Современный мир осложнен рядом факторов, плохо поддающихся регулированию на государственном уровне, влияние которых, безусловно, накладывает отпечаток на международные отношения и межгосударственные конфликты.

Литература

1. Нагорно-Карабахская проблема // Министерство иностранных дел Армении: официальный сайт. URL: <http://www.mfa.am/ru/artsakh-issue/> (дата обращения: 20.03.2017).

2. Azerbaijan and council of Europe // Ministry of Foreign Affairs: official site. URL: <http://www.mfa.gov.az/content/857> (дата обращения: 12.03.2017).

3. Поздравительное послание Президента Бако Саакяна по случаю Дня возрождения Арцаха // Президент Республики Арцах: офиц. сайт. URL: <http://www.president.nkr.am/ru/speeches/addresses/3479/> (дата обращения: 15.03.2017).

4. Петрова С. В. Политическая ситуация в регионе Южного Кавказа в контексте геополитических и цивилизационных процессов // Киберленинка: электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-situatsiya-v-regione-yuzhnogo-kavakaza-v-kontekste-geopoliticheskikh-i-tsivilizatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 20.03.2017).

5. Чантуридзе Л. Глобализация региональных конфликтов: будущая война за Нагорный Карабах // Киберленинка: электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-regionalnyh-konfliktov-buduschaya-voyna-za-nagornyy-karabah> (дата обращения: 15.03.2017).

6. Арутюнян В. С. Внутренние и внешние ресурсы де-факто государственности Нагорного Карабаха // Киберленинка: электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-i-vneshnie-resursy-de-fakto-gosudarstvennosti-nagornogo-karabaha> (дата обращения: 18.03.2017).

7. Петрова С. В. Развитие процесса суверенизации Нагорно-Карабахской республики в современных политических условиях // Киберленинка: электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-protssessa-suverenizatsii-nagorno-karabahskoy-respubliki-v-sovremennyh-politicheskikh-usloviyah> (дата обращения: 22.03.2017).

Шалагинова Екатерина Андреевна,
магистрант 1-го курса департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

РЕШОРИНГ В США (НА ПРИМЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Рассматривается влияние процесса возвращения производств американскими транснациональными корпорациями на реиндустриализацию США в XXI в., используя в качестве примера автомобильную промышленность. Автор предлагает гипотезу исследования о положительном эффекте решоринга на общее состояние экономики страны. Результаты предполагаемого исследования можно использовать для дальнейшего анализа феномена решоринга, а также его влияния на другие регионы и страны.

Ключевые слова: решоринг; реиндустриализация; США; ТНК; автомобильная промышленность.

Shalaginova Ekaterina Andreevna
1-year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

RESHORING IN THE USA (ON THE EXAMPLE OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY)

In this article the author examines the influence of the returning industry on the US reindustrialization in the XXI century. It is shown on the example of the American automotive industry and its transnational companies. The author's hypothesis is that reshoring will positively affect the US economy in general. The results of the suggested study can be used for further analysis of the reshoring phenomenon, as well as for the evaluation of its impact on other regions and countries.

Keywords: reshoring, reindustrialization, USA, TNCs, automotive industry.

В последние десятилетия американские компании, в частности автомобильные производители, переносили свое производство за рубеж, в развивающиеся восточноазиатские страны, ввиду наличия в последних дешевой рабочей силы, растущего и свободного от конкуренции рынка сбыта, гибкого экологического законодательства и других преимуществ. Это привело к тому, что Стальной пояс Америки, на территории которого располагается «автомобильный штат» Мичиган, превратился в «ржавый», с колоссальным уровнем безработицы (около 30 % в 2015 г.) [1] и упадком промышленного производства. Некоторые эксперты считают, что именно те штаты, которые на данный момент находятся в состоянии кризиса (Мичиган, Пенсильвания, Огайо, Висконсин, Айова), принесли победу сорок пятому Президенту США, республиканцу Дональду Трампу, который обещал вернуть производство (а вместе с ними и рабочие места) на территорию Соединенных Штатов. Происходящие в США события, как политические, так и экономические, указывают на появление нового феномена – возвращения производств американскими транснациональными компаниями, что можно проследить на примере автомобильной промышленности. Основной проблемой для исследования является недостаточное освещение этой тенденции в отечественной и зарубежной литературе и отсутствие систематизации происходящих на данный момент событий в США в контексте реиндустриализации.

Цель исследования заключается в анализе влияния процесса рещоринга на реиндустриализацию экономики США, рассматриваемого на примере автомобильной индустрии.

Предположительно, возвращение автомобильных заводов американских ТНК положительно скажется на всей экономике страны. Исторически сложилось, что доля автомобильной промышленности в США достигает 3 % от ВВП страны [2]. Не менее важен факт колоссального эффекта мультипликатора: на одного занятого в автомобильной индустрии приходится семь рабочих мест в других отраслях [3]. Благоприятная экономическая конъюнктура так-

же стимулирует процесс рещоринга: удешевление энергоресурсов, рабочей силы (в то же время наличие высококвалифицированных кадров), ослабление национальной валюты, наличие выгодных соглашений с профсоюзами и др. Важно отметить, что политические круги готовы поддерживать американских автомобильных производителей через сокращение различных нормативов и налогов.

Процесс рещоринга в США исследовали такие авторы, как Х. Сиркин, М. Зинсер и Д. Хонер. Они сходятся во мнении, что причиной тенденции, направленной на возрождение производства в США, являются те экономические изменения, которые происходят в Китае. Данные исследователи также считают, что рещоринг имеет ограниченный характер, т. е. существует только в определенных регионах или странах и в некоторых отраслях, но не на глобальном макроэкономическом уровне.

Результаты исследования можно будет использовать в дальнейшем для компаративного анализа США и Европейского союза, который в свою очередь стимулирует реиндустриализацию экономики, а также для выявления особенностей процесса рещоринга в отдельных странах, прежде всего в Германии, которая является лидером по производству промышленной продукции в ЕС и, соответственно, конкурирует в этом секторе с США.

Литература

1. Reinvention in the rust belt. URL: <http://www.economist.com/news/united-states/21657381-do-former-industrial-cities-mid-west-have-future-reinvention-rust-belt>.
2. State of the U. S. Automotive Industry. URL: [http://www.americanautocouncil.org/sites/aapc2016/files/2015-AAPC-Economic-Contribution-Report\(FINAL\)_0.pdf](http://www.americanautocouncil.org/sites/aapc2016/files/2015-AAPC-Economic-Contribution-Report(FINAL)_0.pdf).
3. America's automobile industry is one of the most powerful engines driving the US economy. URL: <https://autoalliance.org/economy/>.

Раздел шестой

ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ

УДК 159.9

Архипова Виктория Александровна,
бакалавр 4-го курса департамента психологии
Уральского федерального университета

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ МВТИ

В данной статье рассматриваются особенности интеллекта у различных представителей МВТИ. Отмечается важность личностных качеств для достижения успеха в учебной деятельности. Рассматривается теоретическая и практическая значимость проведенного предварительного исследования. В фокусе остается проблема особенностей интеллекта у разных психологических типов личности, обеспечивающих понимание способности к выполнению разного рода умственной деятельности.

Ключевые слова: интеллект; тип личности; особенности интеллекта у разных типов МВТИ; умственная деятельность; учебная деятельность.

INTELLECTUAL FEATURES OF DIFFERENT TYPES OF MBTI REPRESENTATIVES

In this article we learn the intellectual features of different types of MBTI representatives. Also the importance of personal trait for success in studying is mentioned. Theoretical and practical use of the previous study is considered. The intellectual feature problem of different psychological personality types, who provide the understanding in doing different intellectual activity is still in focus.

Keywords: intelligence, personality type, intellectual features of different type of MBTI, mental activity, educational activity.

В настоящее время, когда информационные потоки имеют достаточно большой объем, возникают вопросы, касающиеся эффективной переработки получаемых знаний в процессе трудовой, учебной и профессиональной деятельности. Успешность различной деятельности зависит не только от профессиональных качеств личности, но и от способности конструктивно выстраивать отношения с окружающим обществом, а также от интеллектуального потенциала человека. Психометрический интеллект становится важным аспектом продуктивной деятельности.

Анализируя литературные источники при постановке проблемы, были выявлены противоречия практической и теоретической значимости:

1. В рамках учебной деятельности недостаточное развитие когнитивных способностей не только сказывается на трудности в обучении, но также в возможности саморазвития и конструктивно-го выстраивания отношений с коллективом.
2. Имеющиеся программы по развитию интеллекта не учитывают характерологические особенности личности.
3. Между необходимостью изучения типологических особенностей и психометрическим интеллектом и недостаточностью

теоретических знаний о специфических факторов, которые определяют особенности типа личности.

Стремление найти пути разрешения данных противоречий определили проблему данного исследования. Она состоит в обнаружении и описании особенностей интеллекта у разных психологических типов личности, обеспечивающих понимание способности к выполнению разного рода умственной деятельности.

В качестве теоретического обоснования были выбраны методы:

1. Для определения типа личности была использована адаптация Е. Ф. Абельской индикатора типов Майерс – Бриггс (форма F).

2. В качестве методики для измерения особенностей интеллекта был использован универсальный интеллектуальный тест (УИТ СПЧ-М) в модификации Н. А. Батурина и Н. А. Курганского.

Цель исследования: выявить особенности интеллекта у представителей различных типов MBTI.

Гипотезой данного предварительного исследования является предположение, что существуют значимые различия показателей уровня интеллектуального развития у студентов различных психологических типов личности.

Предварительное исследование проведено на базе кафедры общей и социальной психологии департамента психологии ИСПН УрФУ г. Екатеринбурга. В исследовании приняли участие студенты второго (5 молодых людей и 21 девушка) и третьего (10 молодых людей и 25 девушек) курсов департамента психологии УрФУ. В возрасте от 18 до 22 лет включительно.

Выборку из 61 человека составили следующие типы: ENTP (4 чел.); ESTJ (9 чел.); ESTP (6 чел.); INFP (6 чел.); INTP (5 чел.); ISFJ (4 чел.); ISTJ (10 чел.); ISTP (6 чел.). По полученным результатам можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась.

Возможности практического применения результатов исследования:

1. Возможность применения полученных результатов и выводов в специальных учебных курсах и программах.

2. Позволит грамотно и эффективно оказывать консультативную помощь лицам, испытывающим проблемы в обучении.

3. Позволит внести соответствующие коррективы в учебный процесс.

Валиева Эльмира Римовна,
бакалавр 3-го курса департамента психологии,
Кунникова Ксения Игоревна,
аспирант Уральского федерального университета

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ ВНИМАНИЯ У НЕДОНОШЕННЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Рассматривается проблема особенностей переключения внимания у недоношенных младенцев в сравнении с детьми, родившимися в срок. Для всесторонней оценки развития данной когнитивной функции у младенцев авторы предлагают использование комплексного подхода, включающего в себя поведенческий и аппаратный методы: шкалы развития Н. Бэйли и айтрекинг.

Ключевые слова: недоношенность; переключение внимания; шкалы Бэйли; айтрекинг.

Valieva Elmira Rimovna,
Student of the department of psychology,
Ural Federal University
Kunnikova Ksenia Igorevna,
Postgraduate student of the department of psychology,
Ural Federal University

METHODS FOR ASSESSING THE DEVELOPMENT OF ATTENTIONAL DISENGAGEMENT MECHANISMS IN PRETERM INFANTS

In the article the problem of features of attentional disengagement in preterm infants compared with infants who were born in term is considered. The authors propose to use a complex approach which consist of both behavioral and instrumental methods – Bayley Scales of Infant Development and eye-tracking – for a comprehensive assessment of the development of this cognitive function in infants.

Keywords: prematurity, disengagement of attention, bayley scale, eye-tracking.

На данный момент проблема недоношенности является одной из ключевых в медицине, неврологии и психологии. В последние десятилетия в связи с развитием медицинских технологий в сфере интенсивной терапии наблюдается рост выживаемости новорожденных, появившихся на свет раньше срока. Между тем данная группа детей имеет значительный риск формирования неврологических патологий, а также нарушений когнитивного развития [1]. Раннее выявление таких проблем позволит минимизировать их в дальнейшем посредством своевременного коррекционного воздействия.

У ребенка в первый год жизни преобладает непроизвольное внимание, именно оно в дальнейшем становится основой формирования других, более сложных видов внимания. Непроизвольное внимание обладает рядом свойств. В нашем исследовании мы сфокусировались на таком свойстве внимания, как переключаемость, так как оно является необходимым условием для становления многих видов поведения, которые играют важную роль в раннем развитии [2]. Способность к переключению внимания между объектами функционально присутствует у ребенка с рождения, но работать этот механизм начинает лишь на втором месяце жизни [2].

На сегодняшний день проблема изучения механизмов переключения внимания у недоношенных младенцев недостаточно раскрыта, что обуславливает ее актуальность. В ряде работ сообщается об ускоренном развитии этих механизмов у детей с недоношенностью по сравнению со сверстниками, родившимися в срок, что объясняют более ранней визуальной стимуляцией [3–5]. Кроме этого, существуют данные о наличии трудностей в перемещении фокуса внимания у недоношенных младенцев [1].

Для всесторонней оценки развития способности к переключению внимания у младенцев предлагается применение комплексной методики, включающей в себя поведенческий и аппаратный методы: шкалы развития Н. Бэйли и айтрекинг. Новизна исследова-

ния состоит в том, что используются аппаратный и поведенческий методы в совокупности и для сравнения берется возрастной период 5 и 10 месяцев. Такой выбор обусловлен тем, что у младенцев в 5 месяцев механизм переключения внимания с одного объекта на другой только начинает эффективно функционировать, в 10 месяцев этот механизм уже функционирует как у взрослого человека [2]. Таким образом, исследование позволит сравнить, с одной стороны, эффективность переключения внимания в двух возрастных периодах, с другой стороны, функционирование данного механизма у недоношенных младенцев и младенцев, родившихся в срок.

Общее количество выборки составит 60 испытуемых. Из них в исследовании будут сформированы две группы. В экспериментальную группу войдут 15 недоношенных младенцев 5 месяцев и 15 недоношенных младенцев 10 месяцев с учетом скорректированного возраста. Контрольную группу составят 30 нормативно развивающихся младенцев: 15 испытуемых в возрасте 5 месяцев и 15 – в возрасте 10 месяцев.

Шкалы развития Н. Бэйли (Beyley Scales of Infant Development, Third Edition, 2005) признаны золотым стандартом для диагностики детей в возрасте от 1 до 42 месяцев. Данная методика включает в себя пять шкал: когнитивную, шкалы экспрессивной и рецептивной коммуникации, шкалы крупной и мелкой моторики. Будут проведены следующие пробы когнитивной шкалы: «Переключение внимания» (между колокольчиком и погремушкой), «Привыкание к предмету», «Предпочтение нового предмета», «Привыкание к картинке в книге», «Предпочтение новой картинки».

Айтрекер – система для регистрации и анализа движений глаз. Применение этого метода является перспективным, поскольку позволяет получить объективные данные визуального компонента когнитивной деятельности. В исследовании будет применяться айтрекер модели SMI RED500.

Пробы по типу «разрыв – перекрытие», предъявляемые с помощью айтрекера, направлены на выявление способности младенцев переключать взгляд с одного объекта на другой [6]. Каждая проба будет начинаться с демонстрации анимированного изобра-

жения в центре монитора. Предъявляемые изображения будут в форме кругов и овалов, так как концентрические объекты легче всего привлекают внимание младенцев [5; 6]. Изображение на периферии экрана будет демонстрироваться в течение трех секунд справа или слева от центрального стимула. Будут применяться два варианта предъявления. В случае предъявления с «разрывом» периферийный стимул будет появляться через 200 мс после исчезновения центрального. В случае предъявления с «перекрытием» центральный стимул будет продолжать демонстрироваться совместно с периферийным. Процедура эксперимента позаимствована нами в Центре мозга и когнитивного развития (Centre for Brain and Cognitive Development, Birkbeck, University of London, UK), где оптимальность временных промежутков между стимулами доказана в экспериментальных исследованиях [5; 6].

Сопоставив результаты по когнитивным субтестам шкалы Бэйли с результатами по методике «разрыв – перекрытие», мы сможем комплексно проследить развитие механизма переключения внимания у недоношенных младенцев в сравнении с детьми, родившимися в срок, что позволит выявить возможные маркеры нарушений когнитивного развития у детей с недоношенностью.

Литература

1. Чухутова Г. Л. Недоношенность как фактор нарушенного развития ребенка // Совр. зарубеж. психология. 2013. № 4. С. 72.
2. Hunnius S. The early development of visual attention and its implications for social and cognitive development // Progress in Brain Research. 2007. № 164. P. 187–209.
3. Особенности развития психических функций у глубоко недоношенных младенцев / Ю. А. Бурдукова и др. : сб. материалов Первой рос. конф. по когнитивной науке. 2004. С. 42–44.
4. Hunnius S., Reint H. Geuze, Mar J. Zweens & Arend F. Bos. Effects of Preterm Experience on the Developing Visual System: A Longitudinal Study of Shifts of Attention and Gaze in Early Infancy // Developmental Neuropsychology. 2008. Vol. 33, № 4. P. 521–535.

5. Disengagement of visual attention in infancy is associated with emerging autism in toddlerhood / M. Elsabbagh et al. // *Biological Psychiatry*. 2013. T. 74. № 3. С. 189–194.

6. Visual orienting in the early broader autism phenotype: disengagement and facilitation / M. Elsabbagh, A. Volein, K. Holmboe, L. Tucker, G. Csibra, S. Baron-Cohen, Bolton P., T. Charman, J. Baird, M. H. Johnson // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. Vol. 50, № 5. P. 637–642.

УДК 612.821.5

Васькова Дарья Николаевна,
бакалавр 3-го курса
департамента философии
Уральского федерального университета

НЕЙРОУСИЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: Я ЛИ ЭТО?

Предлагается к разработке проблема воздействия психофармакологических средств на личность и личностную идентичность человека; на основе исследования взрослых, страдающих СДВГ, выделяются основные вопросы, требующие дальнейшей разработки и осмысления.

Ключевые слова: нейроэтика; нейроусиление; нейронауки; личностная идентичность.

Vaskova Daria,
Student of the department of philosophy,
Ural Federal University

HUMAN NEURO-ENHANCEMENT: IT'S ME?

The problem of the impact of psychopharmacological means on the personality and personal identity of a person is proposed for development; Based on the study of adults with ADHD, the main issues that require further development and reflection are highlighted.

Keywords: neuroethics, nero-enhancement, neuroscience, personality identity.

Нейроусиление есть одно из исследовательских направлений нейроэтики – относительно новой междисциплинарной области исследования, изучающей влияние современной нейронауки на самосознание человека, развитие биомедицины, политико-правовой и нравственной сферы жизнедеятельности человека. Исследовательское поле нейроэтики в области нейроусиления включает в себя следующие направления: исследование биологических вмешательств в процессы вождения, привлекательности и привязанности, влияние психофармакологического усиления для общества в долговременной перспективе при применении их как по назначению врача для лечения нейропсихиатрических и иных расстройств, так и по внерецептурному применению для усиления когнитивных и эмоциональных функций, легитимация и проблемы регулирования оборота лекарств, усиливающих когницию, свобода человека в выборе их применения, вопросы моральной психологии и морального усиления и др.

Данный доклад предлагает более подробно остановиться на разработке проблемы влияния психофармакологических средств на идентичность и аутентичность человека на примере лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у взрослых людей, поскольку тот имеет неоднозначную трактовку у специалистов разных областей (философов, психологов, нейрофизиологов и др.): некоторые (преимущественно представители естественных и медицинских наук) считают синдром заболеванием с характерными физиологическими проявлениями (нарушения активирующей системы ретикулярной формации, дисфункция лобных долей мозга (префронтальной коры), подкорковых ядер и соединяющих их проводящих путей), другие же (преимущественно представители гуманитарных и социальных наук) признают синдром не более, чем особенностью характера. При таком понимании СДВГ остается «серая зона», в которой существует возможность как лечения, так и «улучшения».

Доцент кафедры философии Института этики Утрехтского университета (Нидерланды), доктор Инеке Болт и ее коллега Мартъе Схермер, профессор философии медицины Эразмурского университета в Роттердаме (Нидерланды) представили статью «What's in a Name? ADHD and the Gray Area between Treatment and Enhancement», цель которой – попытка выяснить, как видят свое «Я» или свою личную идентичность взрослые люди, страдающие СДВГ, имеющие опыт использования психофармацевтического лечения. Данная работа является основанием для целого ряда исследований в области как психологии, так и прикладной этики, поскольку однозначного результата получить так и не удалось: из 19 проинтервьюированных человек большинству затруднительно было отделить свою личность от характера своего расстройства: СДВГ был воспринят либо как имеющий влияние на их личность, либо как внесший вклад в развитие их личности, либо как переплетенный с их личностью.

Итоги исследования показали, что существует несколько позиций, касающихся влияния психофармацевтических препаратов на личность и идентичность человека:

- положительное воздействие лечения на личность, «нахождение истинного себя» (открытие в себе новых способностей);
- отсутствие влияния лечения на личность: высказывание одного из участников исследования: «Разве я другой человек, когда у меня нервное возбуждение?»;
- негативное влияние на личность: некоторые опрошенные чувствовали себя в меньшей степени самими собой, менее аутентичными, поскольку некоторые черты характера, которые им нравились, изменились в результате лечения.

После такого анализа закономерно возникает ряд вопросов этического характера:

- может ли СДВГ рассматриваться как так же, как, например, заболевания легких, сердца, желудка (то есть исключительно с физиологической стороны) или он включен в особую группу, называющуюся «заболевания» лишь условно, поскольку их воздействие не ограничивается влиянием только на функционирование организма человека как на систему?

– психофармацевтические средства – лекарства или «нейро-усилители»?

– психофармацевтика – это возможность человеку стать собой или путь потери собственной идентичности, личной аутентичности?

– влияние психофармацевтики на принятие решения об их использовании в дальнейшем: тот ли самый человек выбирает, принимать препарат или не принимать, если о состоянии его личности как константе однозначно говорить нельзя?

Ответы на обозначенные вопросы в силу своей многоаспектности и многофакторности требуют дальнейшей разработки в контексте междисциплинарных исследований специалистами медицинских, биологических, психологических, социальных и философских наук.

УДК 159.9

Елфимова Анастасия Николаевна,

бакалавр 4-го курса департамента политологии и социологии
Уральского федерального университета

МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ СПОРТСМЕНОВ НА ДОСТИЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ НА СОРЕВНОВАНИЯХ

В статье рассматриваются факторы, формирующие мотивацию молодых спортсменов на занятия спортом. Отмечено, что основными мотивами является стремление достигнуть наивысших результатов, благодаря выполнению в полной мере установок тренера. Однако реализовать в полной мере поставленные цели удастся 47% молодых спортсменов. Препятствует достижению планируемых результатов недопонимания требований тренера и неумение управлять в должной мере работой своего организма во время соревнования.

Ключевые слова: мотивация; соревновательная деятельность; спортивные достижения; молодые спортсмены; мотивация молодых спортсменов.

MOTIVATION OF YOUNG ATHLETES TO ACHIEVE HIGH RESULTS AT COMPETITIONS

The article discusses the factors that motivate young athletes to the sport. Modern sport is characterized the constant growth of sport achievements. In each individual sport or discipline throughout the history of their development has been uneven dynamics of achievements. In some disciplines the results get a sharp jolt and increase in other slowly and gradually grow. It all depends on a number of factors. Noted that the main motives is the desire to achieve the best results by doing full installations of the coach. However, to realize fully the goal fails 47 % of young athletes. Hinders the achievement of the planned results of misunderstanding the requirements of the coach and the inability to manage adequately the performance of your body during competition.

Keywords: motivation, competitive activity, achievements in sports, the young athletes motivation of young athletes.

Основными факторами, определяющими человеческую активность, являются потребности в самореализации и самоутверждении. Уже в раннем детстве индивиды стремятся продемонстрировать в различных сферах жизнедеятельности свои способности к получению высоких результатов [1]. Наиболее ярко ориентация на постоянное утверждение своего превосходства над окружающими проявляется в тех, кто занимается спортом.

Спортивная деятельность связана с максимальным выявлением физических и духовных сил, специальных умений и навыков, постоянным поддержанием их на высоком уровне, а также с резко выраженным сознательным характером, что объясняется чувством большой ответственности и стремлением достигнуть наиболее эффективного результата [2].

В конце 2016 года нами было проведено социологическое исследование, целью которого было изучение факторов, влияющих на повышения мотивации молодых спортсменов во время занятий

спортом. Заданные в ходе исследования вопросы позволили нам выявить факторы, побудившие подростков заниматься спортом, а также рассмотреть трудности во время занятий спортом. При помощи онлайн-опроса было опрошено 87 девушек и 63 юноши в возрасте 14–17 лет, среди которых 113 спортсменов имели звание «кандидат в мастера спорта» и 87 человек – звание «мастер спорта». Для обработки данных была использована программа обработки социологической информации Vortex 10.

В ходе исследования выяснилось, что 87 % опрошенных перед каждым соревнованием ставят перед собой цель максимально раскрыть свои способности к получению высокого результата. Однако реализовать в полной мере поставленные цели удастся 47 % опрошенных спортсменов, в большинстве случаев причиной служит излишняя самоуверенность. Более чем у половины опрошенных в подсознании доминирует установка на то, что они обязательно сумеют победить противника. Появляется завышенная самооценка, существенно снижающая уровень готовности организма в активной борьбе за утверждение превосходства над соперником.

Исследование показало, что главным фактором для достижения успеха, по мнению спортсменов, является выполнение всех указаний тренера и вера в победу. Основная ответственность перекладывается на наставника, а не на себя, что явно снижает степень готовности к борьбе за высшие результаты.

На основе проведенных исследований сделаем вывод о том, что система мотивации молодых спортсменов должна включать как освоение специальных знаний о том, как успешно выполнить то или иное упражнение, приобретение личного опыта его выполнения в процессе тренировок, постоянное преодоление высокомерия, ведущего к самоуверенности, препятствующего мобилизации всех психофизических сил организма на активную борьбу за высший результат.

Литература

1. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. Нью-Йорк, 2001. 352 с.
2. Основные теоретические предпосылки совершенствования управления системой подготовки высококвалифицированных

спортсменов / В. В. Кузнецов и др. // Совершенствование системы подготовки спортсменов : сб. науч. трудов ВНИШК за 1976. М., 1979. 165 с.

УДК 159.9

**Ильясова Эльвира Насибulloвна,
Прейс Анна Викторовна,
Комарова Мария Юрьевна,**
магистранты 1-го курса
департамента психологии
Уральского федерального университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СТУДЕНТОВ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Статья посвящена сравнительному анализу жизнестойкости у пожилых людей и студентов. Рассматривается общий уровень жизнестойкости, а также выраженность ее отдельных компонентов: вовлеченности, контроля и принятия риска. Делается вывод о том, что жизнестойкость не зависит от возрастных групп.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; принятие риска; контроль; пожилые люди; молодежь.

**Ilyasova Elvira Nasibullova,
Preys Anna Viktorovna,
Komarova Mariya Yurevna,**
first year master students
of Ural Federal University

THE BENCHMARKING STUDY OF STUDENTS' AND SENIOR CITIZENS' VITAL CAPACITY

The focus of this article is the benchmarking study of students' and senior citizens' vital capacity. The overall production of vital capacity is considered

in the study as well as expressiveness of its individual components, which are immersiveness, monitoring and risk taking. The conclusion, that vital capacity does not depend on age groups.

Keywords: vital capacity, immersiveness, risk taking, monitoring, senior citizens, youth.

В современных условиях социального и экономического кризиса отмечается увеличение источников стресса, что непосредственно влияет на психическое здоровье человека, то есть возрастает количество людей в состоянии эмоционального неблагополучия. Однако способность человека к адаптации, обусловленная не только приспособлением к окружающей среде, но и выраженными потребностями в преобразующей деятельности, позволяет оптимистично смотреть на процесс жизни человека в постиндустриальном обществе.

Поиск психологических факторов, способствующих быстрой адаптации к изменяющимся условиям и способствующих успешному совладанию со стрессом, обусловил возникновение понятия жизнестойкость [1]. Жизнестойкость подразумевает положительное отношение человека к изменениям, возможность использования человеком внутренних ресурсов, способность справляться с возникающими трудностями [1]. С. Мадди и ряд других авторов рассматривают жизнестойкость как трехкомпонентную структуру, включающую вовлеченность, контроль, принятие риска [1–4].

Жизнестойкость является важным качеством для любого человека, но для студентов и людей пожилого возраста оно играет особую роль. Жизнестойкость помогает студентам справляться с волнением и стрессом в период экзаменов, курсовых и дипломных работ, а также в период осмысления дальнейшего развития, своего будущего. Для пожилых людей жизнестойкость важна непосредственно в период изменения социального статуса, когда человек выходит на пенсию, он утрачивает социальные связи, трудовой статус, снижается жизненный тонус.

В качестве гипотезы данного исследования выступило предположение, что молодые и пожилые люди будут отличаться друг от

друга не столько по уровню жизнестойкости, сколько по выраженности тех или иных ее структурных компонентов.

Теоретико-методологической основой исследования стала концепция жизнестойкости С. Мадди; с целью проверки гипотезы исследования использовалась методика «Тест жизнестойкости» в переводе и адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой [4].

В эмпирическом исследовании приняли участие две возрастные группы: 26 студентов в возрасте от 17 до 35 лет и 26 людей пожилого возраста (от 55 до 70 лет). В представленной выборке участвовало 21 девушка и 5 юношей, принадлежащих к группе студентов. Среди лиц пожилого возраста представлено 17 женщин и 9 мужчин.

Исследование показало, что у 7,7% опрошенных студентов жизнестойкость на высоком уровне, у 30,8% – на низком. У 11,5% из числа опрошенных людей пожилого возраста отмечается высокий уровень общей жизнестойкости и у 11,5% – низкий. Согласно данным углового преобразования Фишера, значимость различий между уровнем общей жизнестойкости студентов и пожилых людей не достоверна ($\varphi^* = 1,24$).

Рассмотрим полученные данные по отдельным компонентам жизнестойкости.

Анализируя полученные результаты компонента «Вовлеченность», мы отметили более высокие показатели у пожилых людей, нежели у студентов. Лишь у 3,8% студентов компонент вовлеченности высокого уровня, тогда как низкая выраженность вовлеченности отмечается у 42,3%. При этом у 15,4% пожилых людей – высокий уровень вовлеченности, у 7,7% – низкий. Наличие достоверных различий подтверждается посредством углового преобразования Фишера ($\varphi^* = 2,65$).

Что касается параметра «Принятие риска», то, напротив, у 42,3% студентов наблюдается высокий уровень принятия риска, а у опрошенных пожилых людей высокий уровень встречается лишь у 23,1%. Достоверность различий между молодыми и пожилыми людьми по данному параметру подтверждается статистически ($\varphi^* = 2,14$).

По параметру «Контроль» статистически достоверных различий не обнаружено.

Таким образом, отличия между молодыми и пожилыми людьми в уровне жизнестойкости носят, скорее, качественный, нежели количественный характер. Статистически эти группы не отличаются друг от друга по уровню общей жизнестойкости. В целом в этих группах встречаются испытуемые с разным уровнем общей жизнестойкости. Однако у студентов высокие показатели жизнестойкости обеспечиваются за счет параметра принятия риска, а у пожилых людей – за счет вовлеченности. Студентам сложно включаться в решение жизненных задач, они в большей степени склонны заниматься тем, что интересно здесь-и-сейчас, что дает быстрый эффект, результат. Пожилые люди, напротив, готовы активно включаться в происходящее, даже если это не всегда приятно; высокий уровень вовлеченности позволяет им более внимательно относиться к своей собственной жизни. Студенты чаще воспринимают жизнь как вызов, борьбу для достижения результатов. Они чаще, по сравнению с пожилыми людьми, убеждены в том, что все происходящие события способствуют их личностному росту и развитию.

Литература

1. Фомина А. Н. Жизнестойкость личности. М. : МПГУ, Прометей, 2012. 121 с.
2. Брюк Ж. Ю. Выраженность компонентов жизнестойкости у студентов различных направлений подготовки // Интернет-журнал науковедение. 2015. № 5. С. 1–9.
3. Стаценко Т. М. Исследование жизнестойкости в пожилом возрасте // Успехи совр. науки. 2015. № 4. С. 81–84.
4. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : ЦСП, 2003. 351 с.

Лебедева Юлия Владимировна,
старший преподаватель департамента психологии
Института социальных и политических наук
Уральский федеральный университет;
Вахрушева Дарья Максимовна,
бакалавр 3-го курса
департамента психологии
Института социальных и политических наук
Уральский федеральный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ В СПОРТЕ

Тезисы посвящены жизнестойкости личности в контексте психологии спорта. Утверждается, что спортивная деятельность способствует формированию жизнестойкости как свойства личности. Мотивация к спорту рассматривается как важный фактор развития жизнестойкости.

Ключевые слова: жизнестойкость; мотивация; спорт; личность.

Lebedeva Julia Vladimirovna,
Ural Federal University,
Vahrusheva Daria Maksimovna,
Ural Federal University

THE FORMATION OF THE HARDINESS OF PERSONALITY IN SPORT

The thesis is dedicated to the hardiness of personality in the context of sport psychology. It is argued that sports activities contribute to the formation of the hardiness as characteristic of personality. Motivation in sport is considered as an important factor in the development of the hardiness.

Keywords: hardiness, motivation, sport, personality.

Изучение жизнестойкости личности в спортивной психологии представляется актуальным, так как спорт сопряжен с высокими

физическими и психологическими нагрузками. Выявление условий и методов формирования жизнестойкости в процессе занятия спортом поможет спортсменам добиваться высоких результатов, так как победа зависит не только от степени мастерства, но и от возможности противостоять стрессу во время соревнований.

Цель исследования – формирование жизнестойкости в спорте.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что условия формирования жизнестойкости спортсмена зависят от его возраста и индивидуальных особенностей.

Жизнестойкость личности как «система убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним» [1, с. 57] представляет собой личностный ресурс, а также способность в жизненно важных ситуациях воспользоваться внешними ресурсами. Спортсмены имеют выраженность тех свойств личности, при помощи которых они могут достичь преимущества в спорте. Однако это помогает им развивать жизнестойкость как системное личностное качество, проявляющееся во всех аспектах их жизнедеятельности. Это позволяет рассматривать спорт как деятельность, способствующую развитию жизнестойкости в целом. Однако процесс занятия спортом, особенно в детском возрасте, может не только не развить жизнестойкость, но и привести к падению самооценки и уверенности в себе. Поэтому при занятиях спортом важно грамотно сформировать систему условий, которая приводит к развитию жизнестойкости.

Одним из важнейших факторов развития этого феномена является мотивация к спортивной деятельности. На начальном этапе выбор вида спорта бывает обусловлен случайными внешними обстоятельствами и внутренними факторами, такими как особенности темперамента и свойства нервной системы [2]. Среди начальных мотивов занятий спортом выделяют внутригрупповую симпатию [1] и борьбу за преодоление препятствий, подвержение себя воздействию стресса, изменение обстоятельств и достижение успеха [3]. Мотивация тесно связана с такими компонентами жизнестойкости, как вовлеченность, контроль и принятие рисков, выделенные С. Мадди [См.: 1]. Эти компоненты способствуют успешному совладанию со стрессом за счет субъективного снижения травматичности ситуации. Именно поэтому тренеру важно управ-

лять мотивацией спортсмена [4]. Среди методов, позволяющих тренеру участвовать в формировании жизнестойкости личности, выделяют проявление внимания, воздействие (просьба, требование и внушение), принуждение, оценка действий и поступков, поощрение и наказание [5]. Чтобы отношения спортсмена и тренера были эффективными, между ними должен быть высокий уровень понимания, честности, поддержки, симпатии, благожелательности, отзывчивости, дружелюбия, желания сотрудничать, заботы и уважения друг к другу.

Перспективой исследований данной темы является выявление системы условий, способствующих формированию жизнестойкости спортсменов в различных возрастах.

Литература

1. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
2. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М. : Наука, 1978. С. 156–172.
3. Кретти Б. Дж. Психология в современном спорте. М. : ФиС, 1978. 224 с.
4. Ильин Е. П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2008. 352 с.
5. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. Т. 1. С. 102–112.

УДК 159.9

Муртазина Мария Ашотовна

магистрант 2-го курса департамента психологии
Уральского федерального университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА ИГРОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТЕЙ

В статье проводится обзор зарубежных исследований и литературы по вопросу влияния мультфильмов на игровую деятельность детей. Рас-

сматривается агрессивный контент как фактор, оказывающий влияние на детскую психику, поведение и игру.

Ключевые слова: мультфильмы; игровая деятельность; агрессия.

Murtazina Mariya Ashotovna
Ural Federal University named after

FEATURES OF THE INFLUENCE OF CARTOONS ON GAMES ACTIVITIES CHILDREN

The article presents a review of international research and literature on the impact of cartoons on the playing activities of children. Considered aggressive content as a factor influencing the child's psyche, behavior and play.

Keywords: cartoons, playing activities, aggression.

По данным многочисленных зарубежных исследований, отмечается тенденция к уменьшению возраста, в котором ребенок начинает смотреть мультфильмы и к увеличению времени просмотра мультфильмов маленькими детьми. Просмотр мультфильмов становится ежедневной привычкой современных детей. Современная мультипликационная индустрия осуществляет производство большого количества самых разнообразных «мультяшных» игрушек – персонажей мультфильмов. Таким образом, виртуальный мир, представленный мультипликацией и ее представителями – игрушками, очень богат у современного ребенка. А как этот виртуальный мир влияет на реальность, в которой живет ребенок?

Известно, что игрушки – герои мультфильма становятся своеобразными носителями социальных, культурных норм и ценностей. Наблюдая за героями мультфильмов **дети разыгрывают роли, таким образом, мультипликация способствует социализации современных детей.** Мультипликационный герой является для ребенка значимой фигурой, с которой он отождествляет себя, копирует поведение, манеры (включая речь, мысли, язык тела и даже одежду) и усваивает ценности.

В зависимости от того, как ребенок понимает сюжетную линию мультфильма, разворачивается его игровая деятельность, строится сюжет игры. Многими исследователями отмечается упрощение сюжетных линий и ролей в игре у современных детей, потому что ребенок только манипулирует игрушками-героями или повторяет их действия, представленные в мультфильме, отказываясь от свободной игры. Необходимо обратить внимание на то, что структура и содержание видеоряда мультфильма не всегда соответствует его возрастным особенностям, часто ребенок не понимает сюжет мультфильма, который он смотрит. Особое внимание зарубежных и отечественных исследований привлекает влияние агрессивного контента в мультфильмах на поведение детей. Остро стоит вопрос о том, увеличиваются ли агрессивные действия после просмотра мультфильма с актами насилия (вербального, физического и т. д.). В результате некоторых экспериментов был выявлен повышенный уровень агрессии в игровой деятельности с куклой после просмотра жестоких мультфильмов.

Итак, влияние мультфильмов на детей амбивалентно. Они могут негативно повлиять на психическое здоровье посредством демонстрации сцен насилия, а могут передать ребенку необходимый жизненный опыт и способствовать его ранней социализации. Поэтому для профилактики психического здоровья подрастающего поколения необходимо подбирать мультфильмы, соответствующие возрастным особенностям детей, анализировать просмотренные мультфильмы вместе со взрослыми, способствовать контролю данного вида СМИ, проводя психолого-педагогические экспертизы данного продукта масс-медиа.

Для понимания того, что смотрит современный ребенок, то есть каков его виртуальный мир, представленный современной мультипликацией, нами проводится исследование предпочтений мультфильмов в детском возрасте с помощью таких методов, как анкетирование, шкалирование и рисуночные методики.

Надеев Игорь Алексеевич,
магистрант 1-го курса департамента политологии и социологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

Майорова Яна Владимировна,
магистрант 1-го курса департамента политологии и социологии»
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье описаны особенности жизнестойкости студентов и указаны ресурсы, способствующие ее повышению. Проведен анализ компонентов жизнестойкости студентов департамента политологии и социологии УрФУ. Данные пилотного исследования выявили недостаточный уровень жизнестойкости студентов. Отмечена важность исследования особенностей ресурсов жизнестойкости молодежи.

Ключевые слова: жизнестойкость; стресс; преодоление трудных жизненных ситуаций.

Nadeev Igor Alekseevich
Ural Federal University,
Maierova Yana Vladimirovna,
Ural Federal University

STUDYING THE VITALITY OF STUDENTS

This article describes the specific questions of overcoming difficulties by students. Students of the Department of Political Science and Sociology of the UrFU were interviewed on the problem of overcoming difficulties in lives of method of sociology. The study revealed an insufficient level of their viability. As a result, it is planned to study the features of resources that can help young people to overcome difficult situations.

Keywords: hardiness, stress, overcoming of hard life situation.

В условиях нестабильности экономических, социальных, политических отношений в России в кризисном состоянии находится немалая часть населения. Особые стрессы испытывает молодежь, которая еще не имеет достаточной самостоятельности, необходимого уровня знаний, умений, навыков, опыта, поэтому ощущает материальные трудности и конкуренцию на рынке труда. Несмотря на это, молодежь должна принимать серьезные решения, касающиеся своего жизненного пути.

Обучение в вузе нацелено на освоение студентами будущей профессии, личностное развитие. Но выпускники вузов ощущают тревожность в ситуации неготовности к самостоятельной жизнедеятельности. Это актуализирует решение проблемы жизнестойкости молодежи через нахождение эффективных способов противодействия трудностям.

Разные аспекты проблемы жизнестойкости рассматривались отечественными исследователями Е. В. Бурмистровой, Г. Ю. Любимовой, Ю. П. Поваренковым и др. Они рассматривают поведение молодежи в состоянии преодоления кризисов. Трудности нарушают психологическую устойчивость личности, приводят к стрессу, что мешает человеку успешно функционировать в обществе. Трудности также могут выполнять и положительные функции, например, помогают осознать свои ограничения, выявить потенциал для повышения уровня своей жизнестойкости.

По мнению С. Мадди, высокий уровень жизнестойкости способствует противодействию личности стрессам. С. Мадди понимает жизнестойкость как систему убеждений о себе, мире и отношениях в нем. Ее главные компоненты определяют возможность человека противостоять трудностям. Например, включенность определяет взаимодействие человека с окружающей средой, что мотивирует к решению жизненных проблем. Контроль характеризует уверенность человека, стимулирует к осознанности и порядку. Принятие риска проявляется в способности принимать нестандартные решения, брать на себя ответственность за результат. Мобилизуя свои ресурсы, человек снижает напряжение в стрессовых ситуациях [1].

В качестве гипотезы нашего исследования выступило предположение о том, что у современных студентов высокий уровень жизнестойкости достигается за счет показателей «принятия риска» и «вовлеченности».

Экспериментальная база исследования. В исследовании приняло участие 19 студентов департамента политологии и социологии направлений «Политология», «Социология», «Социальная работа» выпускных курсов (4-й курс, бакалавры – 10 человек; 2-й курс, магистры – 9 человек) в возрасте от 18 до 26 лет. Из них 5 мужчин, 14 женщин.

В качестве методики исследования использовался «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова) [2].

В ходе исследования проанализированы компоненты жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска). Результаты показали, что в формировании общего показателя жизнестойкости больший вклад вносит компонент «Принятие риска», меньший – «Контроль» и «Вовлеченность». В целом можно сказать, что участники исследования не получают удовольствие от собственной деятельности, так как все, что они делают, кажется им бесполезным, это отметили 43 % респондентов. Больше половины респондентов с интересом взаимодействуют с миром – 57 %. Откладывают то, что требует больших усилий, – 43 % студентов. Испытывают состояние усталости 40 % студентов. Половина из опрошенных студентов утверждает, что непредвиденные трудности сильно утомляют их, пугают мысли о будущем 57 % респондентов. В целом результаты исследования показали, что 42 % студентов имеют показатель общей жизнестойкости ниже среднего.

Таким образом, в пилотном исследовании был выявлен уровень жизнестойкости студентов, ее значимые компоненты. Наиболее значимым компонентом жизнестойкости в данной выборке является «Принятие риска». В дальнейшем мы планируем изучение особенностей физических, психологических, социальных и материальных ресурсов, которые могут помочь молодежи в преодолении трудных ситуаций. Все это позволит решать задачи раз-

вития жизнестойкости у молодежи, обеспечит успешность функционирования ее в современном пространстве.

Литература

1. *Мадди С.* Смыслообразование в процессах принятия решения // Псих. журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
2. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.

УДК 159.99

Петухова Анастасия Сергеевна,

ассистент кафедры специальной и клинической психологии
Челябинского государственного университета

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования взаимосвязи показателей жизнестойкости и качества жизни в юношеском возрасте. Установлено, что испытуемые, обладающие высоким уровнем жизнестойкости, имеют более высокие показатели качества жизни, а испытуемые со сниженным уровнем жизнестойкости – сниженными показателями.

Ключевые слова: жизнестойкость; качество жизни; субъективное благополучие.

Petukhova Anastasiya Sergeyevna,

Assistant of the chair of special and clinical psychology
Chelyabinsk State University

THE RELATIONSHIP OF RESILIENCE AND QUALITY OF LIFE IN ADOLESCENCE

The article discusses the results of an empirical study of the relationship between the indicators of resilience and quality of life in adolescence. It has

been established that subjects with a high level of viability have higher quality of life, and subjects with a reduced level of viability, reduced indicators.

Keywords: resilience, quality of life, subjective well-being.

Многие исследования показывают тесную связь между депрессией, алкоголизмом, проблемами со здоровьем и снижением активности и сложностями совладания со стрессовыми ситуациями. В юношеском возрасте стрессовые ситуации довольно часто связаны с трудностями личностного становления, самоопределения или самореализации [1; 2].

В психологии индикатором качества жизни является степень удовлетворенности разными сферами жизни [3]. В связи с этим возникает интерес к изучению субъективной оценки качества своей жизни в юношеском возрасте.

Цель исследования: выявить взаимосвязь жизнестойкости и качества жизни в юношеском возрасте.

В процессе работы использовались следующие методы: теоретический анализ литературы по проблеме исследования, психодиагностический метод (психологическое тестирование), методы математической статистики (кластерный анализ, таблицы сопряженности и хи-квадрат Пирсона). В работе использованы следующие методики: тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения.

С помощью кластерного анализа (кластеризация К-средними) испытуемые (66 чел., средний возраст – 19,5 лет) были разделены на группы: 1) с высокими показателями жизнестойкости (33 чел.) и сниженными показателями жизнестойкости (33 чел.); 2) на группы с высоким качеством жизни (30 чел.) и сниженным качеством жизни (36 чел.). Использование критерия хи-квадрат показало, что связь между жизнестойкостью и качеством жизни в юношеском возрасте имеется на высоком уровне статистической значимости ($p = 0,001$).

Было определено, что испытуемые, имеющие высокое качество жизни, обладают высокой жизнестойкостью, а испытуемые, имеющие пониженное качество жизни, обладают сниженной жизне-

стойкостью. Для испытуемых, имеющих повышенные показатели жизнестойкости, характерны высокие показатели качества жизни, а испытуемые, имеющие сниженные показатели жизнестойкости, обладают низкими показателями качества жизни. Эти данные говорят о том, что жизнестойкость играет важную роль не только в преодолении сложных жизненных ситуаций и адаптации к изменениям, но и тесно связана с субъективным благополучием личности [1; 3].

Литература

1. Овчинников М. В., Петухова А. С. Взаимосвязь показателей жизнестойкости и временной перспективы личности в юношеском возрасте // Изв. Урал. фед. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 155, № 22 (3). С. 115–120.
2. Фоминова А. Н. Жизнестойкость личности. М., 2012. 152 с.
3. Рубанова Е. Ю. Теоретические аспекты качества жизни в контексте психологии здоровья // Ученые заметки ТОГУ. 2014. № 3. С. 108–115.

УДК 159.923

Сергеева Анастасия Олеговна,
бакалавр 3-го курса департамента психологии
Уральского федерального университета;
Куваева Ирина Олеговна,
старший преподаватель департамента психологии
Уральского федерального университета

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

Представлены результаты эмпирического исследования особенностей совладающего поведения у студентов, обучающихся в юридическом университете ($n = 83$). Копинг-стратегии исследуются с помощью теста «Юношеская копинг-шкала» Э. Фрайденберга и Р. Льюиса. Получены

данные о предпочитаемых и маловостребованных способах преодоления стресса и трудных ситуаций будущими юристами.

Ключевые слова: копинг-стратегии; трудная ситуация; стресс; студент; юриспруденция.

Sergeeva Anastasiya Olegovna,
student of a psychological department
Ural Federal University,
Kuvaeva Irina Olegovna,
senior lecturer of psychological department
Ural Federal University

COPING STRATEGIES AMONG STUDENTS OF LAW UNIVERSITY

The paper demonstrates the results of an empirical study that was devoted to identify coping behavior among students of law university ($n = 83$). 'Adolescence coping scale' of E. Frydenberg and R. Lewis was applied. The most preferred and unclaimed coping strategies among future lawyers are represented.

Keywords: coping strategies; difficult situation; stress; student; law.

Повышенная стрессогенность студенческой жизни на первоначальном этапе обучения по-разному преодолевается молодежью в зависимости от выбранной профессиональной специализации и культурной принадлежности [1–3]. Представленные в литературе исследования сфокусированы на студентах – будущих профессионалах: психологах, медиках, филологах, представителях технических профессий. Изучение предпочитаемых копинг-стратегий будущими юристами дифференцирует их «профиль» преодоления стресса и позволяет сопоставлять с копинг-поведением студентов, обучающихся на других специализациях. Выявление общих особенностей и специфических различий в совладающем поведении у студентов дает основания для разработки антистрессовых программ с учетом профессиональной подготовки молодежи.

Цель исследования – выявление наиболее предпочитаемых копинг-стратегий у студентов, обучающихся по специализации

«Юриспруденция». Выборочную совокупность составили студенты Уральского государственного юридического университета – 83 человека (38 юношей/45 девушек) в возрасте 16–21 года ($\text{mean} = 17,8$). Все обследованные респонденты являются студентами 1-го курса дневного отделения. Основным психодиагностическим инструментом стал опросник «Юношеская копинг-шкала» Э. Фрайденберга и Р. Льюиса (Adolescent Coping Scale) в адаптации Т. Л. Крюковой [4]. При интерпретации данных использовалась классификация четырех стилей совладания, выделенных для представителей незападных культур [5]. Согласно данной классификации, 18 стратегий образуют следующие стили: проблемно-ориентированный, мобилизационный, эмоционально-доминантный и социотропный. Методы обработки полученных данных включали подсчет описательной статистики (пакет программ SPSS21.0. для Windows).

По всей совокупности собранных данных выделены наиболее предпочитаемые способы преодоления трудных ситуаций, а также мало востребованные копинг-стратегии будущими юристами. Среди проблемно-ориентированных стратегий студенты в трудной ситуации чаще всего используют «разрешение проблемы» ($\text{mean} = 69,01 \pm 14,44$) и «работа/достижение» ($\text{mean} = 69,73 \pm 13,51$). Мобилизационный стиль сформирован стратегиями «позитивный фокус» ($\text{mean} = 66,38 \pm 13,37$), «активный отдых» ($\text{mean} = 67,89 \pm 18,32$) и «отвлечение» ($\text{mean} = 68,13 \pm 14,40$). Востребованной эмоционально-доминантной стратегией является «беспокойство» ($\text{mean} = 69,01 \pm 16,3$): в трудной ситуации студент-юрист испытывает тревогу за текущее положение дел и будущее развитие событий. Социотропный копинг «дружья» ($\text{mean} = 67,13 \pm 27,16$) часто используется респондентами в преодолении стресса – близкое окружение выступает значимым антистрессовым ресурсом. Напротив, студенты-юристы редко активизируют такие стратегии, как «общественные действия» ($\text{mean} = 38,25 \pm 15,66$) и «профессиональная помощь» ($\text{mean} = 42,71 \pm 15,00$).

Таким образом, проведенный анализ особенностей совладающего поведения у будущих юристов продемонстрировал, что студенты используют широкий «спектр» стратегий преодоления трудных ситуаций. Затруднительные условия жизнедеятельности

купируются молодежью активными проблемно-ориентированными и мобилизационными способами, обсуждаются с близким окружением и фиксируются во внутренней тревоге. Будущие исследования могут быть сфокусированы на структуре и динамике изменений предпочитаемых копинг-стратегий на последующих курсах обучения в юридическом вузе.

Литература

1. Крюкова Т. Л. Возрастные и культурные различия в стратегиях совладающего поведения // Псих. журнал. 2005. № 2. С. 5–15.
2. Куваева И. О., Абитов И. Р. Учебно-профессиональные и национальные ресурсы преодоления трудных ситуаций // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : материалы IV Международ. науч. конф. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. Т. 1. С. 218–221.
3. Куваева И. О., Сергеева А. О. Ресурсные функции совладающего поведения в зависимости от профессиональной специализации // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». Т. 21, № 2. С. 102–106.
4. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома : Авантитул, 2007. 60 с.
5. Холодная М. А., Берестнева О. Г., Муратова Е. А. Структура стратегий совладания в юношеском возрасте (к проблеме валидности опросника «Юношеская копинг-шкала») // Вопр. психологии. 2007. № 4. С. 143–156.

Усольцева Дарья Константиновна,
бакалавр 2-го курса департамента психологии
Уральского федерального университета

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Рассматриваются факторы, формирующие жизнестойкость людей-инвалидов. Автором предложено рассмотреть образование как дополнительный ресурс выработки такой способности.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья; жизнестойкость; образование; инвалиды.

Usoltseva Daria Konstantinovna,
Ural Federal University

EDUCATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF VIABILITY OF PEOPLE WITH LIMITED OPPORTUNITIES OF HEALTH

This article examines the factors that shape the viability of people with disabilities. The author suggests to consider education as an additional resource in the creation of such ability.

Keywords: the person with limited opportunities of health, viability, education, handicapped.

Люди с ограниченными возможностями имеют нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, и адаптироваться им в общественной сфере сложнее, чем другим [1, с. 3]. Тогда встает вопрос о выработке у них жизнестойкости. Стоит отметить, что инвалидность затрудняет приспособление к обычному ритму жизни, но в то же время дает дополнительные возможности для реализации себя. Инвалидам необходимо как можно больше дополнительных условий и факторов, помогаю-

ших адаптироваться в условиях социальной среды. Поэтому стоит рассмотреть образование как дополнительный фактор формирования жизнестойкости у людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – людей с ОВЗ).

Стоит отметить, что некоторые аспекты данной проблемы уже были рассмотрены исследователями. Вопросы жизнестойкости, личностных качеств, помогающих выработки данного феномена, рассматривали С. Кобейса, С. Мадди, С. Л. Рубинштейн [См.: 2, с. 267]. Анализ личностных характеристик, отвечающих за успешную адаптацию и совладание с трудными жизненными ситуациями, предлагается такими исследователями, как Л. А. Александровой, Д. А. Леонтьевым, А. Г. Маклаковым. Е. В. Медведева в своем исследовании затронула вопрос о факторах формирования жизнестойкости инвалидов [См.: 3, с. 176]. Однако недостаточно внимания уделяется отдельно такому фактору, как образование в контексте формирования жизнестойкости людей с ОВЗ. Данный аспект нуждается в дальнейших исследованиях, поскольку это способствует выявлению роли образования в жизни людей с ОВЗ.

В современном обществе существует противоречие между общепринятым мнением о том, что инвалидность препятствует адаптации, существованию человека в социуме, и мнением о том, что инвалидность дает дополнительные возможности для реализации себя, для выработки способности взаимодействия с миром. Проблемой исследования является рассмотрение уже существующих установок людей с ОВЗ, которые помогают обрести им жизнестойкость и выявление тех, которые для этого необходимы.

Цель исследования – выявить роль образования для людей с ОВЗ, а также охарактеризовать его влияние на формирование жизнестойкости данной категории людей.

Гипотезой исследования выступает тот факт, что если образование будет выступать одним из важнейших ресурсов для осуществления успешной адаптации людей с ОВЗ, тогда увеличится потребность в принятии и осуществлении доступного образования для людей-инвалидов.

Исследовать данную проблему можно, опираясь на феноменологическую теорию, которая рассматривает личностные воз-

возможности человека, его «чистое сознание» для исследования мира в котором он существует. Большое внимание уделялось исследованию реадaptации людей в общество, в определенную социальную группу после того, как они вышли из нее по тем или иным причинам. Данная концепция, рассматриваемая А. Щюцем, позволит рассмотреть восстановление утраченных способностей, которые поспособствуют приспособлению человека, получившего статус инвалидности, к повседневной жизни. Также феноменология в работах отечественных и зарубежных авторов соотносилась с такими понятиями, как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус-контроль, ориентация на действие, что позволяет исследовать личностный потенциал человека, его существование в рамках повседневной реальности [4, с 3.]. Понятия личностного потенциала и жизнестойкости рассматривали Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова, А. Н. Фомина и другие. Роль образования в жизнедеятельности людей с ОВЗ и возможности, которое оно может предоставить анализируют такие исследователи, как Е. В. Медведева, С. П. Амридзе, Н. С. Булгакова.

В результате данного исследования можно будет понять, какое влияние оказывает образование на формирования жизнестойкости людей с особенностями развития, что послужит дополнительным стимулом принятия доступного образования.

Литература

1. *Сухова Л. С.* Основы медико-социальной реабилитации. М., 2003. С. 80.
2. *Логинова М. В., Одинцова М. А.* Жизнестойкость как выход за пределы самого себя и реализация человеческой сущности : Материалы Всерос. юбилейн. науч. конф. М., 2009. С. 266–272.
3. *Медведева Е. В.* Взаимосвязь ценностно-смысловых ориентаций и жизнестойкости инвалидов : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 172–177.
4. *Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева.* М., 2011. С. 680.

Чебыкина Оксана Евгеньевна,
бакалавр 2-го курса
факультета педагогики и психологии
Челябинского государственного университета

ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Программа социально-психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья предназначена для решения проблемы дезадаптированности инвалидов по причине малой социальной активности. Блочная система программы позволит скорректировать составляющие социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья путем приобщения к инклюзивной группе и деятельности в ней.

Ключевые слова: психологическая коррекция; социально-психологическая адаптация; люди с ограниченными возможностями здоровья.

Chebykina Oksana Evgenievna,
student of department of pedagogics and psychology
Chelyabinsk state university

PROGRAM OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF PERSONS WITH DISABILITIES

The program of social and psychological adaptation of persons with disabilities is designed to solve the problem of disadaptation of disabled people due to their low social activity. The block system of the program will allow to correct the components of socialization of persons with disabilities by joining the inclusive group and its activities.

Keywords: psychological correction, social psychological adaptation, people with disabilities.

Уровень социально-психологической адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на данный момент

развития общества существенно ниже, чем у условно здоровых лиц. Наличие ограничения жизнедеятельности усугубляет трудности жизнеобеспечения и общения, что часто вызывает социальную изоляцию и приводит к асоциальному поведению. Таким образом, вышеперечисленные проблемы требуют организации коррекционных мероприятий. Путем решения возникшей проблемы мы предлагаем коррекционную программу.

Настоящая программа имеет своей целью адаптировать людей с ограниченными возможностями здоровья в социальную среду.

Задачи программы:

1. Выявление проблем адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья, обусловленных их недостаточной социализацией.

2. Осуществление психологической помощи в рамках тренинговой группы.

3. Возможность освоения лицами с ограниченными возможностями здоровья коммуникативных навыков.

4. Введение лиц с ограниченными возможностями здоровья в групповую деятельность. Сплочение команды.

5. Снятие ситуативной тревожности.

Мы предполагаем, что работа в тренинговых командах повысит уровень социально-психологической адаптации лиц с ОВЗ при условии, что состав группы будет инклюзивным.

При составлении коррекционной программы мы опирались на работы Г. М. Андреевой, А. А. Осиповой, Д. Майерса, В. А. Титова и других ученых.

Коррекционная программа предназначена для работы с людьми в возрастном диапазоне от 18 до 35 лет. Психодиагностика проводилась с учетом ограниченных возможностей здоровья участников, упражнения коррекционной программы подбирались также с учетом нозологий.

Для формирования группы проведена диагностика, целью которой является выявление уровня социально-психологической адаптации. Были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Опросник «Самочувствие, активность, настроение».

2. Шкала самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина.

3. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Содержание программы включает в себя следующие блоки:

1. Диагностический срез.
2. Командообразование и включение в групповую деятельность.
3. Снятие ситуативной тревожности.
4. Повышение социально-психологической адаптации.

УДК 159.99

Шипилова Юлия Дмитриевна,

бакалавр 4-го курса факультета психологии и педагогики
Челябинского государственного университета

ИЗУЧЕНИЕ САМООЦЕНКИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ЛЕГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ

Рассматривается проблема самооценки и ее развития у младших подростков с легкой степенью умственной отсталости. Автор проводит исследование и выявляет уровень развития самооценки данной категории детей. Результаты диагностики свидетельствуют о неадекватном уровне самооценки в сторону повышения.

Ключевые слова: самооценка; умственная отсталость; подростки.

Shipilova Julia Dmitriyevna,

4-year student of Faculty of psychology and pedagogy
Chelyabinsk state university

STUDYING SELF-EVALUATION OF JUNIOR TEENAGERS WITH MENTAL PECULIARITY

The problem of self-esteem and its development in younger teenagers with mild mental retardation is considered. The author conducts research and iden-

tifies the level of development of self-esteem of this category of children. The results of the diagnosis indicate an inadequate level of self-esteem in the upward direction.

Keywords: self-evaluation, mental retardation, teenagers.

Согласно Л. И. Божович, поведение и опыт ребенка, дальнейшее развитие его личности согласуются с его самооценкой, так как она представляет собой неотъемлемую часть самосознания [1, с. 94]. То, как индивид воспринимает собственное «Я», действует в соответствии со своими возможностями, влияет на его взаимоотношения с окружающими и жизнь в целом. Именно поэтому так важно изучать самооценку личности, ведь благодаря ей человек способен реализоваться во всех сферах деятельности.

Проблемой самооценки занимались различные отечественные психологи, такие как С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Е. И. Рогов, И. С. Кон, А. А. Реан и другие. Самооценка является важной составляющей самосознания, определяющей не только отношение к себе, но и создающей основу для построения отношений с другими [2, с. 90]. Изучением проблематики самооценки детей с умственной отсталостью занимались Л. С. Выготский, Р. Б. Стеркина, Б. И. Пинский [3, с. 90].

Установлено, что у ребенка с умственной отсталостью в обычных условиях воспитания самооценка постоянно подвергается различным воздействиям, в том числе неблагоприятным. В раннем и дошкольном детстве (до момента яркого проявления дефекта), близкие радуются всем достижениям и успехам ребенка, дают ему высокие оценки. Так как в этом возрасте при самооценивании ребенок ориентируется на мнение окружающих, то, соответственно, уровень его самооценки будет завышен. У него возникают высокие притязания к вниманию со стороны взрослых, их одобрению. В свою очередь, когда ребенок попадает в школу, его уверенность в себе может пошатнуться, так как в классе могут находиться более успешные дети. Большое значение имеет и внутрисемейный климат. Когда ребенок поступает в коррекционную школу, родителям приходится избавиться от различных иллюзий и принять то, что он развивается иначе, является «не таким как все». Мно-

гие не могут с этим смириться, а возникающее раздражение сры-вают на ребенке, что может приводить к возникновению у него неуверенности в себе и снижению самооценки. Но в связи с тем, что у таких детей критичность к себе остается на низком уровне, у младших школьников с умственной отсталостью самооценка хоть и становится несколько ниже, чем в дошкольном возрасте, но по-прежнему является неадекватной [3, с. 157].

К началу подросткового возраста самосознание детей с умственной отсталостью характеризуется некритичностью к своим и чужим поступкам, неадекватными самооценкой и уровнем при-язнаний.

Л. С. Выготский отметил, что в связи с общим недоразвитием, общей незрелостью личности и эмоциональной окрашенностью оценок подростков с умственной отсталостью самооценка также остается неадекватной, а уровень ее зависит от вышеперечислен-ных факторов [3, с. 91].

В своем исследовании мы исходили из предположения о не-адекватном характере самооценки младших подростков с легкой степенью умственной отсталости.

Участие в исследовании принимали подростки в возрасте 11–12 лет (11 детей).

Для исследования были использованы следующие методики: «Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в мо-дификации А. М. Прихожан» [См.: 4, с. 157] и методика «Лесенка» [5, с. 80].

По результатам первой методики были выявлены следующие показатели: с завышенной самооценкой – 27,5 %, с адекватной – 54,5 %, с заниженной – 18 %.

Результаты методики «Лесенка»: неадекватно завышенная са-мооценка – 18 % (2 учащихся), завышенная самооценка – 45,5 %, адекватная самооценка – 27,5 %, заниженная самооценка – 9 %.

Расхождения результатов по методикам могут быть обуслов-лены тем, что первая требует больших интеллектуальных усилий и в силу основного дефекта является малопонятной для детей, вы-полняется ими формально.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать предварительные выводы: исследование подтвердило наше предположение о неадекватном характере самооценки у младших школьников с легкой степенью умственной отсталости – у исследуемых преобладают высокие уровни самооценки (63,5 % завышенный уровень,). При этом наиболее выражены отклонения по шкалам «уверенности/неуверенности в себе» и «способности». Полученные в ходе исследования данные требуют уточнения на более репрезентативной выборке.

Литература

1. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности / под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. Воронеж, 1997. 352 с.
2. *Захарова А. Д.* Генезис самооценки. М., 1989. 44 с.
3. Основы специальной психологии : учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений / под ред. Л. В. Кузнецовой. 2-е изд., стер. М., 2005. 480 с.
4. *Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 384 с.
5. *Нижегородцева Н. В., Шадриков В. Д.* Психолого-педагогическая готовность ребенка к школе : пособие для практ. психологов, педагогов и родителей. М., 2001. 256 с.

Раздел седьмой

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 316.443+316.446

Гасимова Рехана Нифтали кызы,
бакалавр 3-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

СТИГМАТИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ, ИМЕЮЩИХ НАРУШЕНИЯ СЛУХА

В современном обществе складывается мнение, что люди, имеющие серьезные нарушения слуха, не способны слышать, слушать и понимать музыку. Широко известно, что музыка имеет положительное терапевтическое влияние на личность, а с изучение технологий реабилитаций и социально-психологических проблем детей – положительное влияние на детей, имеющих ограничения здоровья.

Ключевые слова: стигматизация; дети; имеющие нарушения слуха; музыкотерапия; рисунки детей.

Gasymova Rehana,
3-year student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

STIGMATIZATION CHILDREN WITH HEARING LOSS

In modern society emerging view that people have hearing loss not be able to hear, listen and understand music. It is common knowledge that music has positive therapeutic impact on the person, and research technology rehabilitation and social-psychology problems children, positive impact on the children with disabilities.

Keywords: stigmatization, children with hearing loss, music therapy, children pictures.

Стигматизация детей, имеющих нарушения слуха, в том, что они не способны в полной мере понять музыку, слышать ее, слушать, а также изобразить в художественных работах. Мы приведем вам результаты исследования, доказывающие, что часть посетителей экспозиции на тему музыки художественно-изобразительных работ детей, имеющих нарушения слуха, не придерживается этой негативной позиции.

Центр психолого-медико-социального сопровождения «Эхо» совместно с государственной филармонией проводят интерактивный социально-ориентированный творческий проект «РИТМ» (Реабилитация. Инклюзия. Творчество. Музыка), целью которого является создание комплекса условий, обеспечивающих музыкальное воспитание с элементами инклюзии в открытое общество. Также вся деятельность в рамках проекта направлена на развитие у детей с нарушенным слухом способности слышать и слушать звуки музыки, на становление и закрепление мелодической памяти и внутреннего музыкального слуха, а также изображение в рисунках освоенного материала.

Негативная проблема различий принципиальным образом детерминирует индивидуальное и общественное сознание и социальное бессознательное.

Слово «stigma» означает «телесные знаки», позволяющие распознать нечто необычное в характере человека. В современной психологии стигматизацией называется процесс, в результате которого некоторая группа людей получает устойчивый отрицательный маркер, определяющий отношение к ним окружающих, а отчасти и их собственную самооценку.

Отношение к изрядно известному парадоксальному сочетанию двух слов «глухота» и «музыка» изменяется с течением времени. Это дало нам понять проведенное нами исследование.

Было исследовано отношение посетителей свердловской филармонии в рамках фестиваля «Безумные дни» (летом) и в библиотеке № 26 им. В. Г. Короленко (осенью) к художественно-изобразительным работам учащихся (начальной и средней школы) ГБОУ СО «Центр психолого-медико-социального сопровождения „Эхо“» на тему музыки. Методом сбора информации был опрос-анкетирование.

В опросе приняло участие 100 респондентов в возрасте от 25 до 75 лет. Опровержением стигмы может послужить результат ответа на вопрос: «Повлияло ли, по-вашему мнению, ограничение слуха на творческие возможности детей в создании представленных работ?» 49 % респондентов ответили, что «нет, не повлияло»; 30 % – «да, повлияло»; 17 % – «больше повлияло, чем не повлияло»; 4 % респондентов оставили вопрос без ответа. А также вопрос: «Произвели ли на Вас впечатление работы обучающихся с нарушенным слухом, познакомившихся с музыкальным циклом К. Сен-Санса „Карнавал животных?“» 77 % респондентов ответили, что «да, работы произвели впечатление»; 18 % – «скорее да, чем нет» и 5 % респондентов воздержались от ответа. Какое именно впечатление произвели работы ребят на респондентов, дает представление вопрос: «Оцените впечатление от всей экспозиции в диапазоне от 1 до 10 баллов», где 95 % респондентов ответили «от 6 до 10» баллов и только 5 % – «от 1 до 5». Непосредственно открытый вопрос: «Что бы Вы хотели сказать о рисунках детей с нарушенным слухом?», большинство респондентов дают однозначный ответ, что «по рисункам не заметно, что есть ограничения со слухом», «рисуя как обычные дети».

Итак, результаты исследования показали, что большая часть посетителей экспозиции на тему музыки художественно-изобразительных работ детей, имеющих нарушения слуха города Екатеринбурга, не стигматизируют детей с ограничениями слуха в способности не слышать и не понимать музыкальные произведения.

УДК 316.443+316.446

Зиннатуллина Рамзия Расуловна,
бакалавр 2-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВИЧ- И СПИД-ИНФИЦИРОВАННЫХ ЛЮДЕЙ

В статье поднимается проблема влияния социальной среды на жизнедеятельность ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей. Влияние социальной среды рассматривается как компонент социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей, не зависящий от их воли и вызывающий определенные трудности в жизнедеятельности.

Ключевые слова: социальная адаптация; социальная стигматизация; социальная изоляция.

Zinnatullina Ramzia Rasulovna,
2-year student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE ROLE OF SOCIAL ENVIRONMENT IN SOCIAL ADAPTATION OF HIV – AND AIDS-INFECTED PEOPLE

The article raises the problem of the influence of the social environment on the activity of HIV- and AIDS-infected people. The influence of the social envi-

ronment is considered as a component of social adaptation of HIV- and AIDS-infected people, independent of their will and causes some difficulties in life.

Keywords: social adaptation, social stigma, social isolation.

ВИЧ- и СПИД-инфицированным людям после оглашения диагноза приходится вновь проходить социальную адаптацию, которая состоит из двух компонентов: жизнестойкости людей, имеющих ВИЧ- и СПИД-инфекцию и окружающих их социальных условий. Проблема социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей заключается в том, что на жизнестойкость ВИЧ- и СПИД-инфицированные люди могут воздействовать сами, но социальные условия они изменить не могут, формируются социальная стигматизация и изоляция, которые служат причинами увеличения числа смертности ВИЧ- и СПИД-зараженных людей, когда они прекращают профилактику заболевания, чтобы их окружение не узнало о диагнозе [1], и росту числа зараженных, увеличивающихся из-за сокрытия диагноза [2, с. 524].

В проблеме социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных Л. А. Кудрич, М. Б. Брызгин, Е. Н. Ефремова исследуют социально-психологические особенности личности индивидов, имеющих ВИЧ- или СПИД-инфекцию, и выявляют их влияние на адаптационные возможности. Роль жизнестойкости в социальной адаптации исследовали Т. Л. Крюкова, О. В. Шаргородская. Однако роль социальных условий в социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей исследована недостаточно глубоко и нуждается в дальнейших исследованиях, которые позволят проследить влияние социальных условий на процесс социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных, выявить причины негативного отношения к людям, имеющим это заболевание.

Противоречие между социальными условиями ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей, декларируемыми в федеральных законах [3, с. 2–3] и Трудовом кодексе [4, с. 5–6].

Цель исследования: выявить и охарактеризовать влияние социальной стигматизации и изоляции на ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей как барьеров в получении социальных благ.

Если в обществе социальные установки к людям, имеющим ВИЧ- и СПИД-положительный статус, станут толерантнее, то возможность улучшить уровень качества их жизни повысится, если социальные установки не будут толерантными по отношению к зараженным людям, то возможность улучшить их уровень качества жизни понизится.

Исследованием социальной адаптации в рамках структурно-функционального анализа занимались О. А. Власова, Л. А. Гордон в своих исследованиях они пришли к выводу, что социальная адаптация вырабатывает у людей модели социального поведения. М. А. Шабанова и П. С. Кузнецов говорили, что социальная адаптация выступает каналом получения возможности выживания и процветания, а также развития личности. Однако проблему социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей мы будем изучать в рамках теории конфликта, где социальная адаптация является особым видом взаимодействия личности и социальной группы с социальной средой, в процессе которой происходит согласие их взаимных требований. В случае с ВИЧ- и СПИД-инфицированными людьми причиной конфликта становится несправедливое распределение благ между здоровыми и больными людьми, права здоровых людей, в отличие от прав зараженных, редко остаются нереализованными, когда как болеющие люди часто сталкиваются с таким феноменом. Для характеристики этой проблемы подходит концепция теории социального конфликта Льюиса Козера, который в основу конфликта ставил неизбежное социальное неравенство, присущее обществу и напряженность между тем, что есть и что должно быть в соответствии с представлениями социальных групп или индивидов. Благодаря этой теории возможно дать ответ на вопрос, преодолело ли общество барьеры в получении социальных благ. Если в обществе нет конфликтных ситуаций, ответ будет положительным, если в обществе они существуют, ответ – отрицательный.

В результате этого исследования мы сможем понять, насколько сильно отличается социальная среда, представленная в нормативных актах, от той, с которой ВИЧ- и СПИД-инфицированные люди сталкиваются.

Литература

1. Эпидемия ВИЧ в России в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: <https://spid-vich-zppp.ru/statistika/epidemiya-vich-v-rossii-v-2016-godu.html> (дата обращения: 27.03.2017).
2. Рахманова А. Г., Яковлев А. А., Дмитриева М. И. Анализ причин смерти ВИЧ-инфицированных в 2008–2010 гг. по материалам клинической инфекционной больницы им. С. П. Боткина // Казан. мед. журнал. 2012. № 3. С. 522–526.
3. Федеральный закон «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» от 30 марта 1995 г. № 39-ФЗ. Ст. 5.
4. Запрещение дискриминации в сфере труда // Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Москва, 2009. 176 с.

УДК 316.6

Зыкова Наталья Евгеньевна,

бакалавр 3-го курса департамента социологии и политологии,

Строганов Вадим Борисович,

аспирант департамента социологии и политологии

Института социальных и политических наук

Уральского федерального университета

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИЛИ КАНАЛ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье рассматривается позитивное и негативное влияние социальных сетей на политическое сознание пользователя. Авторы анализируют социальные сети в качестве агента политической социализации, а также как канал манипулирования политическим сознанием индивида. Авторы формулируют рекомендации по защите от негативного влияния социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети; политическое сознание; политическая социализация; манипулирование.

Zykova Natalia Evgenievna,
3-year student of the department of sociology and politology,
Stroganov Vadim Borisovich,
postgraduate student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

SOCIAL NETWORKS: INSTRUMENT OF POLITICAL SOCIALIZATION OR THE CHANNEL OF MANIPULATION WITH POLITICAL CONSCIOUSNESS ON THE INTERNET

Authors of article consider positive and negative impact of social networks on political consciousness of the user. Authors analyze social networks as the agent of political socialization and also as the channel of a manipulation political consciousness of the individual. Authors formulate recommendations about protection against negative impact of social networks.

Keywords: social networks, political consciousness, political socialization, manipulation.

В современном обществе социальные сети являются неотъемлемым элементом коммуникационного и информационного процесса. Термин «социальная сеть» был сформулирован еще в 50-е годы XX века однако получил широкое распространение только в начале XXI века в связи с развитием Интернета. Как следствие, определение данного понятия возможно в двух пересекающихся вариантах: как социальной структуры общества и как онлайн-сервиса [1]. Следствием массового распространения интернет-технологий стало усиление влияния компьютерных социальных сетей на сознание пользователей, в частности на их политическое сознание.

Влияние социальных сетей на политическое сознание пользователей можно рассматривать с двух противоположных точек зрения – позитивной и негативной.

Позитивное влияние социальных сетей наблюдается при рассмотрении данного феномена как агента политической социализации. Социальные сети создают условия для усвоения политических ценностей, ориентаций, норм политического поведения и т. д. Сегодня большую часть информации о политических процессах в стране и в мире человек получает именно из социальных сетей: со страниц различных новостных изданий, из «пабликов» политической направленности, а также из блогов политических деятелей. Использование социальных сетей открывает человеку возможность активно участвовать в коммуникации по вопросам политики: обсуждать актуальные политические проблемы на форумах, знакомиться с идеями политических аналитиков, общаться с политическими деятелями. Следствием этого становится определение групповой идентичности, формирование политических взглядов, а также построение собственной иерархии политических ценностей.

Стоит отметить, что процесс политической социализации в социальных сетях, т. е. в виртуальном пространстве, существенно отличается от аналогичного процесса в реальности. Это обусловлено спецификой социальных сетей: языком (интернет-сленгом, языком «мемов») и особенностями представления информации («клиповой моделью»).

В то же время социальные сети могут выступать и как канал манипулирования политическим сознанием индивида. Манипуляция сознанием – это способ господства путем духовного воздействия на людей, через программирование их поведения [2].

Манипулирование политическим сознанием пользователя может происходить несколькими путями: посредством «вброса» информационного «мусора», с помощью создания интернет-фейков, посредством использования технологий искажения информации («сияющих обобщений», наклеивания ярлыков, ссылок на авторитеты, использований интернет-мемов и т. д.).

На наш взгляд, для усиления позитивного влияния и защиты от негативного влияния социальных сетей на политическое сознание пользователю необходимо следовать некоторым рекомендациям. Во-первых, проверять данные, публикуемые в социальных

сетях. Во-вторых, подвергать сомнению мнения других пользователей, экспертов и блогеров. В-третьих, не поддаваться авторитету большинства. В-четвертых, учиться распознавать «троллинг» и не поддаваться на провокации.

Литература

1. *Самыгин С. И., Попов М. Ю., Загутин Д. С.* Социальные сети как социальный институт социализации молодежи // Гуманитар., соц.-эконом. и общ. науки. 2015. № 5. С. 46–49.
2. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul12.htm> (дата обращения: 31.03.2017).

УДК 316.6

Ильиных Виктория Айруновна,
бакалавр 4-го курса
департамента международных отношений
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

МОТИВАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РУКОВОДИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В исследовании рассматриваются нематериальные инструменты, которыми может пользоваться руководитель любого предприятия, чтобы повысить работоспособность своих подчиненных, а также мотивировать их к еще большим свершениям.

Ключевые слова: мобильность; иммобильность; транспорт; время-препровождение.

Ilinich Victoria Airatovna,
4 year student of the department of international relations
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

MOTIVATIONAL TOOLS OF A MODERN HEAD OF A COMPANY

In the article the problems of motivation at a workplace are considered. This article is focused on non-financial tools of motivating employees. Moreover, their adaptation in the laboring processed is being processed thoroughly.

Keywords: motivation, peronal psychology, leadership.

В связи с резко возросшей ролью денег в общественной жизни одной из громадных ошибок руководителей в любой сфере стало убеждение в том, что только деньги могут служить единственной мотивацией для работников в выполнении их должностных обязанностей. Однако на практике существует гораздо большее количество мотивирующих инструментов, которые в каких-то моментах могут работать даже лучше, чем финансовая стимуляция. Таким образом, целью исследования является выделение существующих и поиск новых уникальных инструментов для мотивирования сотрудников на их рабочем месте.

Говоря о проблеме на макроуровне, стоит обратить внимание на пирамиду Маслоу, которая говорит, что без удовлетворения базовых потребностей нельзя удовлетворить нематериальные. Соответственно, материальные потребности все же стоят на первом месте, в то время как мы пытаемся найти инструменты, которые помогут избежать полного удовлетворения материальных потребностей, но все же будут мотивировать сотрудника к работе.

Среди нематериальных мотивирующих инструментов можно выделить карьерный рост, который, кроме материальной составляющей, подразумевает рост престижа и статусности. Более того, даже, казалось бы, очевидным занятие любимым делом неимоверно повышает мотивацию работника. Добавить в список инструментов можно похвалу и признание коллектива. При этом можно использовать и антагонистичный инструмент – порицание. Им

нужно умело пользоваться, чтобы не лишить человека желания работать. Расширить инструмент похвалы можно составлением доски почета, награждением грамотой или дипломом, а также введением соревновательного элемента в системе, который мотивирует людей стать лучше, чем кто-то, а занявшему первое место, стать лучше, чем он сам.

Для некоторых интересные задачи, к решению которых человек может подойти нестандартно, являются главным фактором в выборе работы. Поэтому расширение должностных обязанностей и их усложнение соответственно возможностям человека заставляют его вкладываться в работу больше. Еще одним интересным инструментом является корпоративное обучение, а также персональный ментор/коуч. Наставничество и забота, которые обычно человек не ожидает получить на работе, чудесным образом мотивируют его отдавать что-то взамен на полученные знания и внимание. Более того, сплочение коллектива гораздо повышает не только эффективность работы отдела в целом, но и мотивацию, так как если все отлично работают, то выделяться из такого коллектива не хочется, а также не возникает желания подводить коллег. Климат в команде сильно влияет на работоспособность коллектива и его составляющие. Наряду с этими инструментами можно предложить визуализацию или четкую постановку целей, и не просто постановку, а объяснение причин их появления. Так, как если работник понимает, зачем он выполняет определенные задачи, к каким результатам это приводит и для кого, он в большей степени посвящает себя работе.

В целом нужно понимать, что психологические типы людей отличаются разнообразием и, следовательно, необходимостью в индивидуальных подходах, а это говорит о надобности изобретения новых мотивационных инструментов в каждой конкретной ситуации. В добавление следует сказать, что даже универсальные вышеназванные инструменты должны постоянно углубляться, совершенствоваться и улучшаться, иначе их эффективность будет низкой. Создание и поддержание мотивации – это трудоемкий процесс, которые должен адаптироваться к имеющимся условиям в каждой конкретной ситуации.

Качесова Алиса Игоревна,
бакалавр 2-го курса департамента психологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

Рассматривается проблема отсутствия целостной теории конкурентоспособности. Целью работы является выявление основных психологических факторов конкурентоспособности выпускника вуза в условиях современного рынка труда и построения на их основе целостного образа феномена психологического обеспечения конкурентоспособности. Обосновывается идея о том, что стержневым психологическим фактором конкурентоспособности является стрессоустойчивость. Автор анализирует работы, посвященные понятиям конкурентоспособности и рынка труда, а также работы, выявляющие психологические факторы конкурентоспособности. Доказывается важность формирования и развития стрессоустойчивости будущих выпускников вузов для повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Ключевые слова: конкурентоспособность; стрессоустойчивость; рынок труда; психологическое обеспечение конкурентоспособности.

Kachesova Alisa Igorevna,
2-year student of the department of psychology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF COMPETITIVENESS OF UNIVERSITY GRADUATES IN THE CURRENT LABOUR MARKET

In the article the problem of the lack of a holistic theory of competitiveness is being examined. The aim of this article is to identify the main psychological

factors of competitiveness of university graduates in today's labour market and to build on this basis a holistic image of the phenomenon of psychological substructure of competitiveness. The author justifies the idea that, the pivotal psychological factor of competitiveness is stress resistance. The author analyzes the works devoted to the concepts of competitiveness and the labor market, as well as works that reveal the psychological factors of competitiveness. The importance of the formation and development of stress resistance of future university graduates to increase their competitiveness in the labor market is proved.

Keywords: competitiveness, stress resistance, labour market, Psychological support of competitiveness.

Конституция РФ гарантирует ее гражданам право на труд, а заявленный социальный характер государства призван обеспечить неантагонистичность реализации этого права. Однако реалии жизни современной России таковы, что трудоспособный и образованный гражданин, в частности выпускник вуза, не имеет никаких социальных гарантий со стороны государства и вынужден строить свою трудовую деятельность, конкурируя с остальными участниками трудового процесса на рынке труда. Мы сталкиваемся со следующей проблемой: молодой специалист должен быть конкурентоспособным, но теории конкурентоспособности, а тем более технологии ее формирования и развития не существует.

Очевидно, что среди факторов, обеспечивающих конкурентоспособность, существенная роль принадлежит факторам психологическим. Но каким именно? В работах психологов, посвященных конкурентоспособности, описывается ряд таких факторов. Эти работы дают определенное представление о феномене психологического обеспечения конкурентоспособности, однако оно фрагментарно, ему не хватает целостности, а потому на него трудно опираться как в построении теории психологических оснований конкурентоспособности, так и в деле ее формирования и развития. Целостности можно достичь, выявив стержневой элемент множества психологических характеристик, способный превратить множество в систему.

Цель исследования заключается в выявлении основных психологических факторов конкурентоспособности выпускника вуза

в условиях современного рынка труда и построения на их основе целостного образа феномена психологического обеспечения конкурентоспособности.

Гипотеза исследования. Есть основания предполагать, что системообразующим элементом феномена психологического обеспечения конкурентоспособности является такая психофизиологическая характеристика человека и психологическая черта личности, как стрессоустойчивость.

Теоретическим обоснованием для выдвижения цели и гипотезы нашего исследования являются работы, в которых анализируются понятия конкурентоспособности и рынка труда [1–5], а также работы, посвященные психологическому фактору конкурентоспособности. Так, в [6] в качестве такого фактора называется трансперсонализм, в [2] выделяются интегральные характеристики личности конкурентоспособного человека: направленность, компетентность и эмоциональная, интеллектуальная и поведенческая гибкость, неформально-организационные качества личности; в [5] первостепенной называется профессиональная социализация студентов, в [4] это рефлексия, мотивация и трудолюбие. Мы видим пеструю картину из психологических и непсихологических характеристик, влияющих на конкурентоспособность. В работах же, направленных на изучение собственно психологических ее факторов, особое внимание уделяется стрессоустойчивости [6–8], поскольку высокая стрессоустойчивость позволяет проявляться всем прочим качествам, обеспечивающим конкурентоспособность. И, наоборот, сниженная стрессоустойчивость блокирует их проявление. Например, в [8] показано, что студенты, способные эффективно противостоять стрессовым факторам, в новой ситуации демонстрируют уравновешенность и спокойствие, в то время как студенты с низким уровнем стрессоустойчивости испытывают дискомфорт в непредвиденных социальных ситуациях, неожиданные обстоятельства вызывают у них раздражительность и напряженность.

Перспективы работы видятся в разработке программы эмпирического исследования, направленного на создание модели психологического обеспечения конкурентоспособности и прове-

дении такого исследования. В случае успеха мы получим теоретически и эмпирически обоснованный конструкт для разработки методики формирования и развития конкурентоспособности.

Литература

1. *Грохотова И. В.* Формирование конкурентоспособности, лидерских и профессионально значимых качеств личности будущего специалиста : сб. конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 56-2. С. 70–73.
2. *Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение* / Л. М. Митина, Ю. А. Кореляков, Г. В. Шавырина и др. ; под ред. Л. М. Митиной. М. : Изд. центр «Академия», 2005. 336 с.
3. *Павловская Н. Г.* Формирование психологических качеств, детерминирующих конкурентоспособность будущих бакалавров образования // *Международ. науч. журнал «Теория и практика общественного развития»*, 2014. № 15.
4. *Терелянская И. В., Курышева И. В.* Психологические подходы к понятию конкурентоспособности личности // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 2. С. 236–238.
5. *Югфельд Е. А.* Проблема профессиональной социализации студентов: современный аспект // *Интернет-журнал «Мир науки»*, 2015. № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/21PDMN315.pdf>.
6. *Дмитриева Ю. А.* Преодолевая профессиональный стресс. Проблемы адаптации выпускников вузов при выходе на рынок труда // *Кадровик. Кадровый менеджмент*. 2009. № 4.
7. *Асранбоева М. Х.* Формирование стрессоустойчивости у учащейся молодежи вузов // *Науч.-популяр. журнал «НоваИнфо»*, 2016. № 42–2.
8. *Лысенко С. В.* Стрессоустойчивость как показатель психологического здоровья личности и ее повышение с помощью БОС- и психо-технологий // *Международ. науч.-исслед. журнал*. 2012. № 5 (5). С. 88–89.

Лукичева Юлия Вячеславовна,
магистрант 1-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Рассматриваются проблемы, возникающие в процессе организации волонтерской деятельности в рамках образовательных учреждений. Подчеркивается противоречие между возрастающим значением волонтерской деятельности в российском обществе и существующими барьерами и сложностями для развития волонтерских инициатив.

Ключевые слова: волонтерская деятельность; волонтерство; учащаяся молодежь.

Lukicheva Julia Vyacheslavovna,
1-year master student of the
department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

ACTUAL PROBLEMS OF ORGANIZING VOLUNTEER ACTIVITIES IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The problems arising in the process of organization of volunteer activity within educational institutions are considered. The contradiction between the growing importance of volunteerism in Russian society and the existing barriers and difficulties for the development of volunteer initiatives is underlined.

Keywords: volunteering, volunteer activity, students.

Практическую роль в воспитании личности, ориентированной на социально значимые ценности в современных условиях, играет волонтерское движение в образовательной среде. Это связано

с тем, что именно в процессе образования и воспитания личности определяются особенности целеполагания в деятельности, рассчитываются ее стратегии поведения в будущем, формируются ценностные ориентиры, которые на определенном этапе начинают влиять на постановку целей, мотивирующих действия. Следовательно, от того, какие ценности и идеалы будут сформированы в качестве приоритетных у современного молодого поколения, зависят возможные сценарии развития российского общества.

Волонтерство может стать инструментом реализации различных социальных программ и проектов, значимых для общества. Все больше государственных и негосударственных организаций, занятых работой в сфере социальной поддержки населения, прибегает к привлечению к своей работе волонтеров. В рамках этой деятельности волонтеры получают опыт социального взаимодействия, необходимый для будущего специалиста, образовательное учреждение – инструмент для формирования социальных и профессиональных компетенций обучающихся, а организации, которые нуждаются в помощи волонтеров и включаются в это трехстороннее взаимодействие – заинтересованных помощников в лице студентов или школьников.

Образовательные учреждения различного типа и уровня организуют волонтерскую деятельность. Однако на сегодняшний день можно говорить о ряде проблем, которые возникают в этом процессе. Выделим наиболее значимые среди них.

Правовые проблемы, которые можно считать основными, т. к. из них вытекают все последующие. В российском законодательстве отсутствует единый подход к определению понятий «доброволец» и «волонтер», что приводит к путанице в интерпретации общественного и юридического статуса этих понятий. Кроме этого, не зафиксированы права и обязанности волонтеров, в том числе право на медицинское страхование, что имеет особое значение, поскольку некоторые виды волонтерской деятельности содержат риски для здоровья (например, волонтеры-спасатели).

Экономические проблемы. Образовательные учреждения вынуждены изыскивать средства на обеспечение необходимыми ресурсами волонтеров для реализации программ и проектов, ко-

которые далеко не всегда могут быть заложены в бюджет образовательного учреждения.

Организационно-управленческие проблемы. Отсутствует единый порядок взаимодействия волонтерских организаций с учреждениями культуры, здравоохранения, социального обслуживания граждан, то есть с учреждениями основных направлений деятельности волонтеров. Актуальным является вопрос о поощрении обучающихся в образовательной организации за успехи в волонтерской деятельности – не все образовательные организации учитывают и поощряют достижения волонтеров. Следовательно, еще одним важным вопросом в организации волонтерской деятельности является **мотивация волонтеров** (установки, ценностные ориентации).

Многие исследования демонстрируют трансформацию мотивации волонтеров от альтруизма к прагматическим, а иногда даже эгоистическим основаниям. Следовательно, изменениям подвергается и функциональная нагрузка волонтерской деятельности, которая становится личностным ресурсом, обеспечивая определенный статус, набор компетенций участника волонтерской работы [1, с. 176].

Таким образом, очевидно противоречие между возрастающим значением волонтерской деятельности в российском обществе и существующими барьерами и сложностями для развития волонтерских инициатив. Важно отметить, что на текущий момент реализуются шаги для решения этого противоречия: 5 декабря 2016 года президент России В. Путин дал поручение Общественной палате РФ разработать план мероприятий по развитию волонтерского движения. Но реализация практического подхода предполагает основательную теоретическую проработку самого понятия волонтерства и особенностей данного вида деятельности среди учащейся молодежи.

Литература

1. Певная М. В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий аспект : дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург, 2016. 368 с.

Марьянова Ксения Александровна,
бакалавр 1-го курса Физико-технологического института
Уральского федерального университета

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА С ГРАЖДАНАМИ

Автор рассматривает «электронное правительство» как технологию виртуальной коммуникации государственного аппарата с гражданами, изучает эффективность виртуальных технологий, а также предлагает свой проект «Банк социокультурных инициатив», направленный на повышение эффективности и устойчивости виртуальных коммуникаций.

Ключевые слова: виртуальные коммуникации; «электронное правительство»; социокультурный проект; портал.

Maryanova Ksenia Alexandrovna,
1-year student
Institute of Physics and Technology
Ural Federal University

ELECTRONIC GOVERNMENT AS A TECHNOLOGY OF VIRTUAL COMMUNICATION OF THE STATE APPARATUS WITH CITIZENS

The author considers «Electronic government» as a technology of virtual communication of the state apparatus with citizens, studies the effectiveness of virtual technologies. Ator offers a project «The Bank of Socio-Cultural Initiatives». This project is aimed at increasing the effectiveness and sustainability of virtual communications.

Keywords: virtual communications, e-government, sociocultural project, portal.

Интенсивное развитие глобальной компьютерной сети Интернет привело к появлению новых форм коммуникаций, когда вир-

туальные практики становятся неотъемлемой частью всех сфер жизни общества, в том числе и политической.

Это втягивает людей в новые каналы коммуникации, ведет к изменению характера и направленности политических взаимодействий, что актуализирует изучение коммуникативных практик, сложившихся в виртуальном пространстве в политике в современном российском обществе.

Для определения эффективности технологий в рамках проекта «Электронного правительства» и методов «электронного управления» необходим постоянный мониторинг готовности общества к внедрению таких информационных технологий, а также социально-культурные эффекты таких нововведений. Все это дает возможность для оптимизации функционирования «электронного правительства».

Следует отметить, что под «„электронным правительством“» понимается совокупность органов, средств и методов, направленных на повышение эффективности деятельности правительства, а также обеспечение граждан и юридических лиц быстрым и высокоэффективным доступом к правительственной информации и услугам» [1, с. 436].

Проблема изучения особенностей виртуальных коммуникаций в связи с существующей системой «электронного управления» определяется неоднозначностью их влияния.

С одной стороны, они ускоряют и глобализируют обмен информацией, с другой – виртуальные коммуникации оказывают влияние в политической сфере на формирование и трансляцию индивидуальных политических взглядов. Справедливо заметить, что существует противоречие между инновационным потенциалом виртуального политического пространства и рисками.

Актуальность данной проблемы определяется общей тенденцией к увеличению форм и способов взаимодействия между политическими органами и обществом. Информационные технологии позволяют не только оптимизировать такую связь, но и улучшить эффективность взаимодействия внутри самой политической системы.

Всемирная сеть, являясь инновационным медиaprостранством современных массовых коммуникаций, вовлекает в социокультурные и политические практики как отдельных индивидов, так и общество в целом.

Многие исследователи связывают понятие «коммуникации» с общением. В чем заключается общение в рамках проекта «электронного правительства»? В режиме онлайн легко можно получить все необходимые сведения, доступ к муниципальным услугам, свободно смотреть отчеты о деятельности политических органов задать интересующие вопросы и получать ответы и многое другое.

Такая оперативная коммуникационная связь дает возможность улучшить качество предоставления государственных услуг, усилить государственную инфраструктуру и эффективность взаимодействия между государственным аппаратом и гражданами, сократить расходы на управление.

В связи с заявленной проблемой автором предложен проект портала, который позволит повысить устойчивость коммуникаций между органами власти и социально активными гражданами.

Особенностью проекта «Банк социокультурных инициатив» является то, что этот ресурс будет представлять собой средство виртуальных коммуникаций между органами власти и социально активными людьми.

«Банк социокультурных инициатив» позволит пользователям делиться социокультурными инициативами, которые необходимо представить в проектной форме или лонгридов. Проекты будут открыты для обсуждений, представители органов власти будут иметь возможность рецензировать проекты, с каждым проектировщиком можно будет связаться напрямую.

Предполагается, что ссылка на «Банк социокультурных инициатив» будет непосредственно на сайте «Электронное правительство» в разделе «Обновленные услуги».

Данный проект представляет собой самостоятельную, законченную, логически выстроенную последовательность действий в нормативно-правовых, экономических и кадровых рамках, по-

звolyающий решить реальные социокультурные проблемы исходя из имеющихся ресурсов.

Таким образом, рассматривая роль виртуальных коммуникаций в культурной политике регионов, авторы пришли к выводу, что для оптимизации взаимодействия органов власти и общества необходимо постоянно внедрять технологии и проекты, которые смогут повысить устойчивость коммуникаций и развивать основные идеи государственного проекта «Электронное правительство».

Литература

1. Кобелев О. А. Электронная коммерция : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2006. 682 с.

УДК 316.443+316.446

Меер Дарья Анатольевна,

магистрант 1-го курса

департамента социологии и политологии

Института социальных и политических наук

Уральского федерального университета

ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ВНЕДРЕНИЮ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРУ РАБОТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Рассматриваются теория активности и теория эйджизма, противоречащие друг другу. Автором поднимается проблема устарелости имеющихся здоровьесберегающих технологий в сфере работы социальных служб и их реформирование.

Ключевые слова: пожилые люди; теория активности; теория эйджизма; здоровьесберегающие технологии.

Meer Daria Anatolievna,
1-year master student of the
department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

FACTORS IMPEDING THE IMPLEMENTATION OF HEALTH TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF SOCIAL SERVICES

Discusses the theory and the theory of ageism that contradict each other. The author raises the problem of obsolescence of existing health technologies in the field of social services and their reform.

Keywords: elderly people, activity theory, theory of ageism, health-preserving technologies.

В жизни пожилых людей одной из главных проблем, требующих разрешения, является проблема сохранения и поддержания здоровья. Качество жизни исследуемой группы резко снижается из-за высокого уровня заболеваемости. В пожилом возрасте уровень заболеваемости увеличивается в два раза по сравнению с молодым возрастом, а в старческом возрасте – в шесть раз.

Государство со своей стороны предлагает заботиться о пожилых людях в форме льгот, пособий. Но пожилые люди нуждаются не только в материальном обеспечении, но и в процессе сохранения и поддержания своего здоровья.

Согласно данным Росстата, граждане пожилого возраста составляют на июнь 2016 года около 35 986,3 млн человек и 24,6 % от работоспособного населения и формируют устойчивый спрос на социальные услуги.

Теория активности, предложенная в 1994 году американскими авторами Хвигхарстом и Маддоксом, повествует о том, что пожилые люди, выходя на пенсию, сохраняют те же потребности и требования, которые существовали у них до этого. Пожилые люди стремятся защитить и добиться выполнения своих потребностей, несмотря на то, что остальное население пытается исключить их из общества. Для того чтобы быть востребованным в обществе,

пожилому человеку необходимо взамен утраченными ролям, приобрести новые социальные роли и приспособиться к ним.

Теория активности испытывала на себе критику со стороны других исследователей. Согласно Дж. Дайсону (Dyson) она не смогла выделить достаточного количества физических и экономических факторов, которые могли бы ограничить выбор людьми способа жизни в пожилом возрасте.

Теория активности противоречит теории эйд-жизма, автором которой является Р. Н. Батлер. Сутью теории эйд-жизма является дискриминация одних возрастных групп другими. В нашем обществе старики часто воспринимаются сквозь призму стереотипов. Эти стереотипы мешают воспринимать пожилых людей дифференцированно и могут приводить к социальным установкам и действиям, которые отбивают у них охоту принимать активное участие в коллективном труде и проведении досуга.

Проводя сравнительный анализ Западных стран и России, можно прийти к выводу, что качество жизни в европейских странах в разы лучше, чем в России. Ситуация в России показывает, что пожилые люди имеют потребности, но эти потребности не реализуются. И здесь можно прийти к выводу, что в России частично устарели или полностью отсутствуют методики и формы работы с пожилыми людьми, помогающие им сохранить и приумножить свое здоровье.

А связано это с тем, что современные пенсионеры имеют больше потребностей, чем пенсионеры десять или двадцать лет назад. Специалистов, работающих с пожилыми людьми, таким образом, нужно переориентировать, а следовательно, переобучать работе с гражданами третьего возраста.

Эмпирическую часть нашего исследования мы планируем провести на базе КСЦОН Октябрьского района г. Екатеринбурга. Работа будет заключаться в следующем: с помощью анкетирования и интервью опросить администрацию КСЦОН, пожилых людей и социальных работников. Собранные данные позволят нам проанализировать текущую работу с пожилыми людьми в процессе применения к ним технологий здоровьесбережения, сделать вывод об их результативности. На основании полученных выводов

составить методологическую рекомендацию для социальных работников, работающих с пожилыми людьми. Данную рекомендацию можно также использовать при обучении и переобучении специалистов, занятых в работе с гражданами третьего возраста.

УДК 37.013.77

Меньшикова Анастасия Михайловна,
бакалавр 2-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Рассматривается проблема профессиональной деформации специалиста по социальной работе, исследован механизм ее предотвращения. На основе теоретического анализа определены методы и сущность профилактики данного феномена и актуализируется необходимость использования разнообразных способов ее преодоления в социальных учреждениях. Кроме того, в работе исследованы особенности проявления профессиональной деформации у специалистов по социальной работе.

Ключевые слова: профессиональная деформация; профилактика; социальная работа; профилактика профессиональной деформации; стресс.

Menshikova Anastasia Mikhaylovna,
2-year student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

PREVENTION OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF SPECIALISTS IN SOCIAL WORK

The problem of professional deformation of social work specialist and ways of its prevention are considered in this report. The methods and the essence of

prevention of this phenomenon were determined on the basis of theoretical analysis. The necessity of using various means of overcoming it in the social services was made actual. Moreover in this paper were investigated the peculiarities of manifestation of professional deformation among social work specialists.

Keywords: professional deformation, prevention, social work, prevention of professional deformation, stress.

Социальная работа – новая для России отрасль научного знания и одновременно профессиональная деятельность. Общение с клиентами обязательно воздействует на специалиста и вызывает большие эмоциональные нагрузки, потому что специалисты по социальной работе должны обладать не только высокими моральными качествами, но и умением глубоко понимать проблемы подопечных, общаться с ними и оказывать практическую помощь. Сегодня в той или иной форме 60% специалистов сталкивались с рисками профессионального выгорания на работе [1, с. 127]. Поэтому устойчивость к профессиональной деформации – важный элемент в данной профессии.

Неблагополучное психоэмоциональное, стрессовое состояние специалистов по социальной работе может выступать фактором риска ухудшения состояния здоровья клиентов. Поэтому профессиональная деформация может оказать урон обществу в виде воздействия на качество предоставляемых социальных услуг.

Данный феномен изучали ряд исследователей. Например, П. Сорокин обозначал профессиональную деформацию как негативное влияние профессиональной деятельности на человека. Кроме того, профессиональную деформацию описывали в своих работах такие ученые, как С. Г. Геллерштейн, А. К. Маркова, Р. М. Грановская и Э. Ф. Зеер. Но именно аспект профилактики данного феномена недостаточно освещен в исследованиях. Хотя изучение профилактики профессиональной деформации необходимо, потому что если раньше диагностировать и осознать психологические предпосылки, то появится возможность предупредить заболевание либо эффективнее будет проходить лечение.

Существуют разнообразные методы профилактики профессиональной деформации. Среди них можно выделить такие, как тре-

нинги, деловые игры, консультации у личного психолога, супервизия, самоорганизация специалиста. Эти методы можно поделить на те, которыми работник может пользоваться индивидуально, и те, которые следует организовывать коллективно в учреждении. Но, несмотря на разнообразие способов предупреждения профессиональной деформации, они редко используются в практике социальных учреждениях. В этом противоречии и заключается проблема исследования.

Целью работы является выявление разрыва между теоретическими знаниями и практикой и характеристика особенностей профессиональной деформации в деятельности специалиста по социальной работе.

Можно предположить, что использование технологий по предупреждению профессиональной деформации способствует повышению престижа и развитию социальной работы. Такие навыки помогут специалисту предотвратить или избежать стрессовых ситуаций и эмоционального выгорания.

Существует множество общенаучных и частных парадигм профессиональной деформации. В частности, можно выделить акмеологический подход (Б. Г. Ананьев, И. Д. Багаева, Н. В. Кузьмина), концепцию взаимосвязи общетеоретического и профессионального образования (С. Я. Батышев, А. П. Беляева А. М. Кочнев), психологические основы профессиональных деформаций (Р. М. Грановская, Е. С. Кузьмин, Е. И. Рогов). Но следует рассуждать через личностно-деятельностный подход, так как основной постулат этой психологической концепции заключается в том, что психика формируется и проявляется в деятельности. На этом постулате основан принцип зависимости психического состояния личности от места в структуре деятельности. Основы данного подхода были заложены в психологии работами Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, где личность рассматривалась как субъект деятельности, которая сама, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения. Опираясь на эти идеи, можно подчеркнуть, что профессиональная деформация формируется как по причине влияния деятельности, так и впоследствии внутренних факторов.

Достигнув цели научной работы и получив достаточно информации о проблеме «профилактика профессиональной деформации в социальной работе», исследователи смогут предупреждать профессиональную деформацию, выявлять факторы, влияющие на ее развитие, повышать уровень умений и навыков специалистов предотвращать стрессовые ситуации, вытекающие в эмоциональное выгорание. Кроме того, социальная работа как отрасль научного знания продолжит свое становление и получит опыт практической деятельности технологий предупреждения с теоретической основой.

Литература

1. Российский статистический ежегодник, 2015 : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики (Росстат). М., 2015. 725 с.

УДК 31

Рафикова Вероника Айдаровна,

бакалавр 4-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ г. АСБЕСТА

В статье приводятся данные пилотажного исследования, проведенного в феврале-марте 2017 года в виде анкетирования социальных работников на предмет их установок и представлений о себе как о специалистах. Исследование выявляет тенденции в видении специалистами образа и миссии социальной работы, а также обнаруживает методологические проблемы, коррекция которых может способствовать более качественному проведению основного исследования.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; социальная работа как профессия; социальный работник.

Rafikova Veronika Aidarovna,
4-year student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

PROFESSIONAL IDENTITY OF SOCIAL WORKERS ON THE EXAMPLE OF EMPLOYEES OF SOCIAL SERVICES INSTITUTIONS IN ASBEST CITY

The article presents the data of a pilot study conducted in February-March 2017 in the form of a questionnaire of social workers on the subject of their characteristics and ideas about themselves as specialists. The study identifies trends in working with social problems, and also reveals methodological problems that can contribute to a better quality of basic research.

Keywords: professional identity, social work as profession, social worker.

Проблема профессионализации социальной работы в России сегодня становится более значимой в виду отсутствия единого исследовательского подхода к осмыслению образа профессии. Аккумуляция накопленного опыта и теоретических знаний позволяет говорить о важности обращения внимания к профессиональной группе социальных работников как одному из важных механизмов становления и упрочения статуса профессии в стране.

В фокусе данного исследования – проблема профессиональной идентичности социальных работников, заключающаяся в анализе установок специалистов по поводу своей профессии, видения себя как специалиста, для анализа которых используется трехуровневая модель изучения, аналогичная модели Э. Шейна: глубинный уровень представлений о профессии, ее отличительных характеристиках; более осознаваемый уровень, включающий атрибуты профессии, роль специалиста в профессиональной деятельности; поверхностный уровень обобщения, основанный на профессиональных приоритетах, ожиданиях специалиста.

Анкетирование, проведенное в период с 13.02.2017 по 13.03.2017, предполагало сбор информации для пилотажного исследования. Изучение профессиональной идентичности социаль-

ных работников предполагает использование преимущественно качественных методов сбора информации, однако данное исследование реализуется с помощью нескольких способов сбора данных, одним из которых является анкетирование.

Методическим ядром пилотажного исследования является опросный метод. Центральным критерием выбора объекта исследования является занимаемая должность (социальный работник или специалист по социальной работе). Данное социологическое исследование предполагает использование гомогенной выборки. Методика обработки результатов – выделение в обработанных данных анкет смысловых блоков в соответствии с задачами и индикаторами исследования и представление количественных и качественных обобщающих выводов по поставленной проблеме; анализ полученных данных на предмет соответствия выделенным гипотезам.

Пилотажное исследование было проведено в г. Асбесте и включало изучение мнения социальных работников трех учреждений по оказанию социальных услуг. Так, в процессе проведения пилотажного исследования было получено 54 анкеты (еще 16 не подлежали интерпретации) из таких учреждений, как ГБУЗ СО «Городская больница № 1», Комплексный центр социального обслуживания населения, Всероссийское общество инвалидов (региональное отделение).

Несмотря на небольшое количество полученных анкет, пилотажное исследование представляет ценность в первую очередь потому, что его проведение позволило выявить некоторые проблемы, связанные с инструментарием, что может повысить шансы для более качественного проведения полноценного исследования в г. Екатеринбурге.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что большинство специалистов по социальной работе ассоциируют социальную работу с помощью и милосердием, а также то, что специалисты считают свою работу сложным эмоциональным трудом, с которым может справиться далеко не каждый, о чем свидетельствует тот факт, что 87% опрошенных на вопрос о том, какой бы они дали совет будущему социальному работнику, ответили «хорошо подумать». Все респонденты отмечают, что социальная работа как профессия стала более востребованной среди населения.

Возможности практического применения результатов исследования заключаются в создании методологической базы для проведения более масштабного исследования, охватывающего более широкую изучаемую совокупность, в частности социальных работников г. Екатеринбурга.

УДК 316.776.3

Соколов Вадим Сергеевич,

бакалавр 2-го курса департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В данной статье рассматривается сущность социальных медиа и их возможная роль в предотвращении и профилактике подросткового суицида. Опыт подобной работы в России и за рубежом поддаются сравнительному анализу. Исследуются перспективы развития данного направления в социальной работе.

Ключевые слова: социальная работа; суицид; подростки; социальные медиа.

Sokolov Vadim Sergeevich,

2-year student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN YOUTH SUICIDE PREVENTION

The article deals with issues related to ensuring safety and preventing child suicide. Experience of similar work in Russia and abroad give in to the com-

parative analysis. The prospects of development of this direction in social work are investigated.

Keywords: social work, suicide, teenagers, social media.

Постановка проблемы. Роль социальных медиа в предотвращении и профилактике суицидального поведения подростков.

Практическая значимость. Исследование социальных медиа как новых способов коммуникации позволит расширить диапазон технологий для предотвращения и профилактики самоубийств среди молодого населения. На территории Российской Федерации службы сетевого общения крайне редко используются для подобных целей, в особенности среди психологов и специалистов по социальной работе.

Теоретическая значимость. Низкая частота использования социальных медиа для предотвращения и профилактики подростковых самоубийств в России объясняется малым количеством отечественных исследований. Изучение данной темы поможет перенять опыт зарубежных исследований, в том числе в вопросах теоретического характера, и определить направление будущих исследований в контексте российских реалий.

Формулировка проблемы исследования. Развитие технологий в современном обществе создает новые инструменты для работы с суицидентами. Одним из таких инновационных методов является коммуникация специалистов с подростками посредством социальных медиа, такими как месенджеры, форумы, социальные сети и т. п. Однако, как и любое нововведение, этот подход требует детального изучения во избежание различного рода проблем. Следовательно, описание социальных медиа и определение их роли в предотвращении и профилактике суицидального поведения является актуальной проблемой.

Цель исследования. Теоретическое исследование явления социальных медиа на основе зарубежных и отечественных работ, определение их практической значимости в вопросах предотвращения и профилактики суицидального поведения подростков.

Гипотеза исследования. Социальные медиа могут быть использованы специалистами различных областей с целью предотвращения и профилактики суицидального поведения среди подростков.

Теоретическое обоснование. Методологической базой исследования являются такие научные приемы, как метод сравнительного анализа, анализа статистических данных, а также изучение и обобщение материалов. Основу исследования представляют работы современных иностранных ученых и исследователей, таких как Дэвид Д. Лакстон, Дженнифер Д. Джун, Джонатан М. Фэрол и других.

Перспективы исследования. Основные положения и результаты исследования могут послужить основой для дальнейшего изучения социальных медиа как инструментов работы суицидентами, помогут повысить компетентность российских исследователей этой темы, а также увеличат шанс практического применения этих технологий в деятельности психологов и социальных работников.

УДК 316.6

Усольцева Наталья Владимировна,
бакалавр 4-го курса департамента психологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ 1-го КУРСА СУВОРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

Рассмотрены особенности адаптации воспитанников 1-го курса, поступивших в довузовские военные образовательные учреждения. Определены основные критерии успешности социально-психологической адаптации и признаки дезадаптации младших подростков к условиям суворовских военных училищ. Сформулирована цель, гипотеза планируемого исследования и перспективы исследования.

Ключевые слова: психология; социально-психологическая адаптация; дезадаптация; довузовское военное образование; суворовское военное училище.

Usoltceva Natalia Vladimirovna,
4-year student of the department of psychology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

PECULIARITIES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF 1ST COURSE PUPILS AT SUVOROV MILITARY SCHOOL

The features of the adaptation of pupils of the first year who entered the pre-university military educational institutions are considered. The main criteria for the success of socio-psychological adaptation and the signs of disadaptation of younger teenagers to the conditions of Suvorov military schools are determined. The target, hypothesis and perspectives of the research are formed.

Keywords: psychology, socio-psychological adaptation, disadaptation, pre-university military education, Suvorov military school.

В настоящее время в России в рамках основных положений новой военной реформы приоритетными задачами являются применение последних научных достижений, реорганизация системы военного образования и подготовка высококвалифицированных специалистов. Одним из звеньев системы военного образования являются суворовские военные училища, которые представляют собой начальную ступень поэтапной подготовки высококвалифицированных специалистов Министерства обороны РФ [1].

На данный период в суворовские училища набирают подростков с 10–11 лет на семилетний срок обучения. Военные училища предъявляют повышенные требования к воспитанникам в плане физической, интеллектуальной подготовки и личностных свойств.

При поступлении в военные учебные заведения возникает немало трудностей для младших подростков: необходимость подстраиваться под новые условия, специальный режим, необходимость выполнять новые для себя нормы и следовать традициям

воспитания данного учреждения, однородность коллективного состава, ограничение контактов с семьей и с привычными референтными группами, преобладание коллективных отношений над личностными. Поэтому из прикладных проблем данной отрасли остается актуальным процесс адаптации подростков к условиям военных учебных заведений.

Анализ литературы указывает на недостаточную изученность проблемы адаптации. До сих пор нет четкого и однозначного определения понятия «социально-психологической адаптации», которое бы учитывало всю сложность этого явления.

На основе изучения подходов к определению социально-психологической адаптации можно выделить общие признаки. Во-первых, процесс адаптации возникает при столкновении личности с новыми условиями в социуме; во-вторых, для протекания нормальной адаптации личность прибегает к определенным защитным механизмам, тем самым достигая гармонии в среде.

В психологической литературе отмечают, что основу социально-психологической адаптации составляют личностные особенности подростков (самооценка, уровень агрессивности, тревожности), сформировавшиеся на предшествующих этапах развития [2].

Проблематикой развития личности подростков в системе довузовских образовательных организаций Министерства обороны РФ занимались Г. Ю. Авдиенко, Ю. А. Анцибор, Н. В. Копылова, Ю. В. Кравченко, А. Г. Маклаков, И. В. Федоткина, С. В. Чермянин.

Впервые вопрос об особенностях адаптации подростков в довузовских образовательных учреждениях Министерства обороны РФ был рассмотрен Ю. В. Кравченко (2006), которая описала этапы и кризисные периоды адаптационного процесса, основные причины, механизмы и проявления нарушения адаптации [3].

По данным исследования Ю. В. Кравченко особенностей адаптации подростков к условиям обучения в довузовских военных учреждениях, показатели успешности адаптации, такие как успеваемость, социометрический статус и соматическое состояние подростка, не связаны между собой, но между тем оказывают значительное влияние на успешность прохождения адаптационного процесса у воспитанников [3].

Противоположным понятию адаптации является дефиниция «дезадаптация» – деструктивный процесс, характеризующийся нарушением связей индивида с социумом. Во многих исследованиях к основным признакам дезадаптации относят низкую успеваемость, нарушение социального взаимодействия и некоторых аспектов самосознания, ухудшение здоровья, низкую мотивацию к обучению [2].

Адаптационные возможности подростков индивидуальны и зависят от границ их личностных особенностей. Необходимо изучать факторы, как способствующие успешной социально-психологической адаптации, так и препятствующие ей, чтобы предотвратить процесс дезадаптации.

В связи с этим нами была поставлена цель исследования: изучить социально-психологическую адаптацию воспитанников 1-го курса суворовского училища.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что чем ниже уровень тревожности личности и чем сплоченнее группа, в которой учится суворовец, тем успешнее проходит процесс социально-психологической адаптации.

В ходе работы над исследованием предполагается использование методик: диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика определения уровня тревожности Ч. Д. Спилберга и Ю. Л. Ханина, социометрия Я. Л. Морено.

Результат исследования может быть использован для решения адаптационных проблем на начальном этапе сопровождения суворовцев и дальнейшего планирования мероприятий, направленных на работу с воспитанниками 1-го курса.

Литература

1. Иванова М. В. Особенности социально-психологической адаптации подростков к условиям обучения в Суворовском военном училище // Пед. образование в России. 2016. № 1. С. 175–178.
2. Анцибор Ю. А. Особенности профессиональной деятельности психолога по психологическому сопровождению адаптационного периода воспитанников 1 курса суворовского военного

училища // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1. С. 219–221.

3. *Кравченко Ю. В.* Особенности процесса адаптации подростков к условиям обучения в общеобразовательных военных учебных заведениях : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 167 с.

УДК 364.2

Фарманова Карина Борисовна,
бакалавр 2-го курса департамента социальная работа
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

КРИТЕРИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматриваются вопросы, связанные с выделением критериев благополучия и неблагополучия семей. Анализируются разные подходы авторов к данной проблеме.

Ключевые слова: семья; функции семьи; благополучие; профилактика; неблагополучие.

Farmanova Karina Borisovna,
2-year student of the department of social work
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

CRITERIA OF WELL-BEING AND DISADVANTAGE OF THE FAMILY IN MODERN CONDITIONS

This article discusses the issues associated with the release of the well-being and ill-being of families. Also different approaches of authors to this problem are analyzed.

Keywords: family, family functions, well-being, prevention, ill-being.

Постановка проблемы.

Практическая значимость. Различные источники указывают, что семейная политика в настоящее время недостаточно развита [1]. Деятельность государственной власти проявляет недостаточную активность в поддержке благополучия семей, упускаются способы профилирования, делается акцент на проблемах уже неблагополучных семей. Не выделяются четкие критерии социального благополучия и неблагополучия семей.

Теоретическая значимость. К социально благополучным относят гармоничные и педагогически компетентные семьи. В трудах Г. А. Карповой и Р. В. Овчаровой рассматриваются состояния и характеристики благополучных семей. И. Ф. Дементьева, Т. Н. Кухтевич, В. Д. Москаленко, Л. Я. Олиференко в своих исследованиях анализируют признаки неблагополучной семьи, а именно: нарушенную структуру и проблемы родителей [2].

В научной литературе нет однозначных параметров благополучной и неблагополучной семей, поэтому этот аспект нужно изучить более подробно.

Формулировка проблемы исследования. Можно отметить рост интереса общества к проблемам социального неблагополучия семей, однако из виду упускаются благополучные, ведь именно благополучные семьи являются важным составляющим компонентом для успешного будущего института семьи. Поэтому стоит обратить внимание и на эту сторону проблемы.

Цель исследования. На основе источников выявить критерии и оценки благополучия и неблагополучия современных семей.

Гипотеза исследования. Если установить критерии благополучия и неблагополучия семьи, то это откроет новые возможности в разработке различных подходов в области семейной политики.

Теоретическое обоснование. Через теорию структурного функционализма можно проанализировать семью со стороны ее функций и потребностей. Семья должна выполнять свои основные функции для нормального функционирования. Если же она их не выполняет, то она становится неблагополучной семьей, в которой удовлетворение потребностей членов семьи затрудняются.

Перспективы исследования. Результаты, полученные в ходе исследования, могут помочь для будущего развития социальной политики по делам семьи. Полученная информация может помочь в изменении подхода к оказанию услуг семьям и своевременным профилактическим мерам в отношении различных категорий семей.

Литература

1. Агеева А. В. Социальная политика Российской Федерации в отношении семьи как одна из функций государства // Психопедагогика в правоохран. органах. 2014. № 3 (58). С. 44–46.
2. Дементьева И. Ф., Олиференко Л. Я., Шульга Т. И. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М., 2008. 256 с.

УДК 316.62

Чантурия Хатуна Енверовна,
магистрант 1-го курса
департамента социологии и политологии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

СУБЪЕКТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ МИГРАНТА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В рамках исследовательской работы автор ставит цель осуществить поиск механизмов и создание условий в рамках социальной работы с мигрантами, способствующих формированию и развитию субъектной активности личности, как одного из ключевых факторов в успешной социальной адаптации переселенцев.

Ключевые слова: мигранты; социальная адаптация; субъектная активность; развитие личности.

Chanturiya Hatuna Enverovna,
1st-year master student of the department of sociology and politology
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

THE SUBJECTIVE ACTIVITY OF A MIGRANT'S PERSONALITY IN THE PROCESS OF SOCIAL ADAPTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

As part of the research work, the author sets a goal to search for mechanisms and create conditions within the framework of social work with migrants that contribute to the formation and development of personal subjectivity as one of the key factors in the successful social adaptation of migrants.

Keywords: migrants, social adaptation, subjective activity, personality development.

В условиях современного мира активная миграция населения приобрела поистине глобальные масштабы. Существующий тренд является неотъемлемой частью российской действительности. После развала советской государственности на территорию России хлынули потоки мигрантов, основными мотивами которых выступили межэтнические конфликты, экономические проблемы, культурная, духовная и политическая отчужденность, рост националистических настроений среди титульных народов бывших советских республик и др. Миграция имеет как вынужденный, так и трудовой характер. Однако и в том, и в другом случае в момент принятия решения о переселении каждый мигрант вступает в долгий процесс социальной адаптации, который имеет свою стратегию, механизмы, способы, алгоритмы, помогающие преодолевать мигранту многочисленные адаптивные барьеры, с которыми он вынужден сталкиваться в новом месте вселения. Как правило, это и «культурный шок», экономические и социальные проблемы, языковые и духовные препятствия, неприятие принимающего общества и другие не менее значимые проблемы. На наш взгляд, помимо организации условий для успешной адаптации мигранта в месте вселения, ключевую роль в процессе адаптации

играет личностный потенциал человека, уровень его мотивации, способность противостоять тем трудностям, с которыми ему приходится сталкиваться, жизнестойкость, готовность активизации внутренних ресурсов для того, чтобы наиболее гармонично интегрироваться в новую социальную среду.

Цель нашего исследования – это поиск механизмов и создание условий в рамках социальной работы с мигрантами, способствующих формированию и развитию субъектной активности личности как одного и ключевых факторов в успешной социальной адаптации переселенцев. Для личности процесс адаптации носит парадоксальный характер: она разворачивается как гибкоорганизованная в новых условиях поисковая активность, происходит выход индивида за пределы готовой конечной формы [1]. Понятие «адаптация» тесно связано с понятием «установка» как необходимого опосредующего звена между действиями внешней среды и психической деятельностью человека, как готовность к определенной активности, которая, в свою очередь, обусловлена потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией [2]. Успешность протекания адаптации многие исследователи связывают с характером «субъектной активности» мигранта, т. е. управление мигрантом своей активностью с позиции субъекта деятельности, общения и саморазвития. Субъектная активность личности переселенца дает право признать его активную роль в осуществлении разнообразных отношений в измененных социокультурных условиях жизни в период активной социальной адаптации в новом месте вселения. Такая позиция личности позволяет самостоятельно разрешать возникающие препятствия, в полной мере используя имеющийся в его арсенале внутренний потенциал. Он способен не только подстраиваться под уже существующие системы, но и оказывать влияние на их изменение, посредством предлагаемых им новых способов. Подобное свойство личности переселенца положительно воздействует на его психологическое состояние в период адаптации, что позволяет рационально использовать мобилизованные силы и способности на новом месте проживания. Самостоятельность, инициативность, ответственность за свои поступки, за собственную жизнь и события, происходящие

в ней; относительная независимость от воздействия среды, ее психотравмирующих ситуаций; стрессоустойчивость; организация жизни; адекватная своим возможностям и особенностям ситуации постановка целей; способность к саморегуляции, творчеству, самосовершенствованию и саморазвитию; способность самостоятельно решать внутренние и внешние противоречия, вырабатывая индивидуальные стратегии, стили жизни и деятельности, – вот качественные особенности мигранта как личности с высоким уровнем развития субъектной активности.

Опираясь на вышеизложенный материал, можно сформулировать гипотезу о том, что формирование и развитие субъектной активности личности мигранта, наряду с созданием внутри принимающего общества социальных условий, позитивно влияет на процесс социальной адаптации мигранта в новых условиях, активизирует процесс интеграции в новой социальной среде.

Поиск и разработка механизмов, способствующих формированию и развитию субъектной активности личности мигрантов, позволит активно применять в практике социальной работы, направленную на социальную адаптацию и интеграцию мигрантов на территории России.

Литература

1. Милославский Ю. А. Адаптация социальная // Энциклопед. соц. словарь. М., 1995.
2. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. М. : Изд-во АН ГССР, 1961.

Раздел восьмой

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

Баруткина Мария Олеговна,
аспирант департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ В ПОЭЗИИ Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ

Рассматривается сюжетно-мотивный комплекс Гефсимании в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Сравнивается ее интерпретация мотива моления о чаше с современниками, выявляются особенности ее художественного осмысления. Анализируются как прямые отсылки к тексту Евангелия, так и косвенные, контекстные.

Ключевые слова: Евангелие; моление о чаше; Гефсимания; Мать Мария; Е. Ю. Кузьмина-Караваева.

Barutkina Maria Olegovna,
4-year student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

THE MOTIF OF AGONY IN THE GARDEN IN THE POETRY OF KUZMINA-KARAVAEVA

The article is devoted to the analysis of plot-motif compound of Agony in the Garden in the work of Kuzmina-Karavaeva. We compare interpretations of the motif of Agony in poetry of Mother Maria and another authors, reveal artistic features of her own worldview. We analyze all references to Gospel (direct and contextual).

Keywords: gospel, agony in the garden, Gethsemane, Mother Maria, Kuzmina-Karavaeva.

Обращение поэтов XX века к евангельским сюжетам, образам, мотивам закономерно, потому как авторы в шаткое и темное время искали опоры в чем-то устойчивом, непреходящем. Необходимо было объяснять события окружающего мира не только социальными или политическими изменениями, но духовными, историко-софскими предпосылками. Тогда на помощь приходили тексты Библии. Одним из самых частотных и самых малоизученных мотивов поэзии XX века является мотив моления о чаше, точнее сюжетно-мотивный комплекс Гефсимания. Частотность обращений связана со спецификой мотива: в природе Христа проявляется его человеческая воля, сомнение в том, что он сможет вынести эти муки. Отсюда выводится мотив богооставленности, экзистенциального одиночества человека перед смертью, готовности или неготовности принять свою судьбу – все эти мотивы крайне актуальны для человека XX столетия. И Е. Ю. Кузьмина-Каравеева (мать Мария) не исключение.

В докладе фиксируются этапы различного понимания мотива моления о чаше у поэта Кузьминой-Каравеевой и у матери Марии (Скобцовой). Для поэта Кузьминой-Каравеевой (сборники «Скифские черепки» и «Руфь») не характерно частотное обра-

щение к Гефсиманскому сюжету, прямые отсылки скорее несут художественный и культурологический характер, это авторские переложения известного сюжета, вплетенные в общий строй повествования. Для матери Марии (сборники 30–40-х годов) мотив моления о чаше приобретает личностный характер, лирический герой оказывается перед высшим судом и всегда готов «испить чашу до дна». Но есть и общие тенденции понимания мотива независимо от времени – это сопряжение моления о чаше и моления о России, соединение судеб Христа и русского народа, особенно в тяжелые годы. Также в статье анализируется влияние эпохи на тексты Кузьминой-Караваевой и матери Марии, сравнивается ее понимание мотива с тем, как на него смотрели современники.

УДК 821.161.1

Брызгалова Мария Денисовна,
бакалавр 4-го курса департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ВРЕМЯ/ПАМЯТЬ В КНИГАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Свою новую прозу Татьяна Толстая пишет не от третьего лица, но от первого, создавая таким образом автобиографическую героиню и выстраивая автобиографическое пространство. Данный прием неизбежно актуализирует категории художественного времени и памяти. Мотив памяти в прозе Татьяны Толстой тесно связан с мотивом времени, поскольку одно обуславливает другое. Художественный мир писательницы состоит из разных уровней памяти – автобиографических воспоминаний, общекультурной памяти, памяти об истории. Каждому из этих уровней соответствует определенное представление о времени и определенный эмоциональный фон.

Ключевые слова: Татьяна Толстая; автобиографический герой; мотив памяти; мотив времени.

THE MOTIF OF MEMORY AND TIME IN TATYANA N. TOLSTAYA'S BOOKS

The new prose of Tatyana N. Tolstaya is written not from the third, but from the first person, which creates an autobiographic character and produces an autobiographic space. This reception inevitably actualizes the categories of imaginative time and memory. The memory motif in Tatyana Tolstaya's prose is intimately related to the time motif, because memory stipulates time. The artistic world of Tolstaya consists of different memory levels – from autobiographic remembrances to total cultural recollections and historical memory. Each of these levels has definite presentation of time and definite emotional background.

Keywords: Tatyana N. Tolstaya, autobiographic hero, time motif, memory motif.

Татьяна Толстая, «яркий, непочтительный, ядовитый писатель» [1, с. 130], относится к числу тех, кто принял завершение эпохи литературоцентризма без каких-либо оценочных характеристик. Она признала необходимость изменений соотношения рецепционных кодов не только в собственном стиле письма, соединив тенденцию к визуализации со скриптизацией бытия, литературной основой прошлого века, но и в выборе творческих стратегий и творческих амплуа.

Несмотря на изменения в стилистике письма и стратегиях творческого поведения, Татьяна Толстая внутренне обращена все же к веку литературоцентричному с его вечными культурными ценностями, передающимися от поколения к поколению, с его неизменной памятью о прошлом. Более того, в новой прозе она стала писать не от третьего лица, но от первого, создавая образ автобиографической героини и строя автобиографическое пространство, что с неизбежностью актуализировало категории художественного времени и памяти.

Мотив памяти в прозе Татьяны Толстой тесно связан с мотивом времени – одно обуславливает другое. В художественном мире писательницы есть разные уровни памяти – автобиографические воспоминания, общекультурная память, память об истории. Каждому из этих уровней соответствует определенное представление о времени и определенный эмоциональный фон.

Воспоминания о семье, детстве и юности составляют одну из ключевых тем для художественной прозы Татьяны Толстой как в ранних рассказах, так и автобиографических повестях, впервые опубликованных в сборниках 2010-х годов. Тема детства тесно сопряжена с темой двоемирия – детство проходит в тех пространствах, где времени нет, а вместе с ним нет и смерти: «И это ничему не мешает – ни алмазному свету миллиардов звезд, ни кривому пространству, ни неподвижному времени, ни плеску волн, ни дорогам, ни любви» [2, с. 59]. Родные и близкие не могут умереть, они уходят в иные пространства, где живут до тех пор, пока их помнят.

В автобиографических воспоминаниях о юности, когда надо «цвести пышным персидским цветом» [3, с. 11], время летит стремительно – оно более определено, чем время в воспоминаниях о детстве; более реально.

Совершенно другой тип памяти в прозе Толстой – память общекультурная и историческая, связанная с вневременным пространством или же с конкретной эпохой. Воспоминания о советском периоде, как правило, негативны – для писательницы он состоит из казенщины, бесчисленных убийств и ограничения свободы. Положительные воспоминания о каких-либо реалиях данного периода уходят во вневременной план – в другие пространства, в «легкие миры».

Таким образом, в своей новой прозе Татьяна Толстая создает художественный мир, автобиографическая основа которого дана эксплицитно, и мотивный комплекс время/память носит открыто личностный характер.

Литература

1. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 202 с.

2. Толстая Т. Н. Легкие миры. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.

3. Толстая Т. Н. Девушка в цвету. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 348 с.

УДК 821.161.1

Демкович Ирина Анатольевна,
студентка 5-го курса департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

**ДОМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА (ПОВЕСТЬ
«НА РУБЕЖЕ АЗИИ. ОЧЕРКИ ЗАХОЛУСТНОГО БЫТА»)**

Статья посвящена проблеме осмысления пространственно-бытийной структуры дома и системы домов-жилищ в повести «На рубеже Азии. Очерки захолустного быта» Д. Н. Мамин-Сибиряка.

Ключевые слова: художественное пространство; социальное пространство; дом; Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Demkovich Irina Anatolyevna,
5-year student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

**HOUSE AS A SOCIAL SPACE IN THE WORK OF DMITRY
MAMIN-SIBIRYAK (WITH REFERENCE TO «AT THE
CROSSROADS OF ASIA. STICKS ESSAYS»)**

This article deals with the problem of understanding the spatial structure of house and the system of houses in the story «At the crossroads of Asia. Sticks essays» by Dmitry Mamin-Sibiryak.

Keywords: space in literature, social space, house, Dmitry Mamin-Sibiryak.

В творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка существует глубокая пространственно-бытийная структура, выражаемая через систему мест проживания героев. Дом для Д. Н. Мамина-Сибиряка был одним из важнейших понятий его творческой картины мира.

В повести «На рубеже Азии» понятие «дом» включает в себя как традиционные составляющие (строение, изба, здание), так и эмоциональное пространство – мир, в котором обитает семья, род. В повести существуют система разнородных жилых пространств (дом Обонполовых, изба Луковны, дом отца Марка, келья Иринарха, комната Кирши в Гавриловске), которые в социальном плане и дополняют и противопоставляются в сознании героев, составляя общее пространство. Мамин четко выстраивает определенную систему домов-жилищ, взаимозависимую и взаимозаменяемую, в которой каждый дом по отдельности несет определенный смысл, но в синтезе расширяется и проецирует понятие дом от микрокосма одного героя, одной семьи на макрокосм России.

В повести существует разнообразнейший цикл мотивов, собирающий полотно текста воедино (мотив блудного сына, вражда родов, разрушение рода и разрушение дома, мотив хождения, обретение дома и т. д.) [См.: 1, с. 140]. В социально-пространственном осмыслении наиболее важен мотив хождения, потери и обретения дома.

В закрытой системе домов, описанных в повести, главный герой, Кир Обонполов, начиная с отчего дома, наполненного противоречивыми характеристиками, кочует от дома к дому (изба Луковны, комната Меркулыча, дом Ивана Андреича в Гавриловске, дом отца Марка, келья Иринарха), вбирая в себя каждую деталь, каждую эмоцию, осваивает «чужое пространство», как пилигрим в пути, наполняется житейским опытом, проходит стадии взросления. В финале герой представлен полноценной личностью, переживший и вобравший в себя опыт увиденных типов бытия, отраженных в устройстве дома и отношениях людей. Идея родовой самобытности (важнейшая для писателя) получает вещественное воплощение в самобытности жилища. Человек, находясь внутри

структуры, не растворяется в ней, он находит определенное место, заявляя о своей идентичности.

Социальный мир художественного пространства повести представлен через предметно-вещный ряд.

Пространство выстраивается в магистрали пути со значением судьбы, жизни с преобладанием горизонтальной модели [См.: 2, с. 137–143]. Через действие, через отношение к вещи Мамин-Сибиряк очень тонко описывает человека и его внутреннюю гармонию или дисгармонию, обращаясь к деталям быта и домового уклада (чашки, доставаемые несколько раз в году из Махневой, ненавистная кукла, самовар, ставящийся матерью при гнев отца; богатое убранство дома о. Марка, вызывающее «подавляющую силу богатства», «райский уголок» в «каменном склепе» Иринарха, скорее похожий на раффлезию – плотоядный цветок, сдвинутая пепельница, вызвавшая приступ гнева у Сергея Павловича и т. д.). Отсутствие, например, описания быта в доме Ивана Андреича говорит о чужеродности этого пространства для главного героя, об отсутствии в нем сострадания, любви, поддержки – важнейших родовых, семейных черт.

Таким образом, в повести «На рубеже Азии. Очерки захолустного быта» представлена система домов, через которую происходит проецирование микрокосма в макрокосм мира. Именно тема дома позволяет герою оставаться людьми, обретать свое назначение в жизни как продолжение родового бытия и соединять в пространстве дома прошлое – настоящее и будущее.

Литература

1. *Соболева Л. С.* Репрезентация родового мира в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 137–138.

2. *Кунгурцева Н. А.* Пространственно-бытовая структура Дома в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филология и человек. 2009. № 3 (65). С. 168–173.

Негуляева Полина Евгеньевна,
учащаяся 11 класса
Специализированного учебно-научного центра
Уральского федерального университета

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОД РОМАНА М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Работа посвящена одному из минимально изученных аспектов романа М. Петросян «Дом, в котором...» – литературному коду. Рассматриваются эпиграфы, прямо названные тексты, аллюзии, собственные произведения героев и песни как вид словесного творчества. На основе анализа данных элементов делается вывод о роли литературного кода в романе и о функции отдельных его составляющих.

Ключевые слова: эпиграф; аллюзия; код.

Negulyaeva Polina Evgenyevna,
Specialized Educational Scientific Center
Ural Federal University

LITERARY CODE IN THE NOVEL «THE HOUSE, IN WHICH...» BY M. PETROSYAN

The author analyzes the literary code of the novel «The house, in which...» by M. Petrosyan as the most understudied aspect of the novel's narrative structure. The paper focuses on such elements as epigraphs, texts, allusions, texts attributed to the novel's characters, and the song as a form of verbal art. Based on this analysis, the author draws some conclusions about the place of literary code in the novel.

Keywords: epigraph, allusion, code.

Роман М. Петросян «Дом, в котором...» называют итоговым текстом первой половины XXI века [1], однако один из наиболее важных культурных кодов произведения – литературный – изучен не достаточно подробно. Теоретической основой является статья К. Тихоми-

ровой «Книга, в которой...» [2], в основу методологии положена идея М. М. Гиршмана о целостности текста. Проблема состоит в изучении приемов включения диалога культур в современный роман.

Анализ эпизодов позволил выявить следующее. Эпиграфы, традиционно выражающие авторский голос, в Доме становятся голосами героев. Табаки, например, представляется через «Охоту на Снарка» Л. Кэрролла. Через них передается изменение тональности и настроения, перемены в состояниях «домовцев» и их мира. Они показывают ментальный диалог, в том числе разворачивающийся во времени и пространстве, и взаимодействие персонажей – так, к «Тарантулу» Б. Дилана обращается одновременно несколько героев. Также эпиграфы раскрывают степень понимания Дома.

Отсутствие эпиграфов объясняется увеличением дистанции между героями и Домом. Оно замечается в интермедиях, эпиграфе, а также в связи с героями, более тяготеющими к Наружности (Крыса).

Прямо названные тексты в меньшей степени интегрированы во внутреннюю культуру Дома, они не дополняют, а повторяют ее, потому становятся избыточны, как это происходит с «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха или «Снежной королевой» Х. К. Андерсена. Тем не менее многие тексты этой группы имеют глубокие корни в истории Дома.

Аллюзии оказываются более ассимилированными – они определяют сознание героев, выстраивающее мир внутри Дома. Они считаются практически всеми персонажами и органично вписываются во внутреннюю культуру. Аллюзии дополняют другие культурные коды романа, а потому могут группироваться в отношении к ним (мифологическому соответствуют произведения К. Кастанеды).

Музыка как текст в романе раскрывает противопоставление Изнанки и Наружности и характеры этих пространств, выявляет неявные оппозиции в Доме. Помимо рока (Led Zeppelin, The Beatles) и классических музыкальных композиций («Тоска», «Танго смерти»), привлекаются песни из «Хоббита, или Туда и обратно» Дж. Р. Р. Толкина.

Собственные стихи и песни героев уподобляются произведениям культуры в начальные периоды ее развития: они поэтичны

и функциональны. Это аллегоричное выражение опыта пребывания в Доме, аккумуляция знаний о нем.

Элементы литературного кода направлены на раскрытие характера Дома через отношение к нему его обитателей. Доминирующий пласт – сказочный: через фантастику XX века, а также фольклор и его литературную обработку раскрывается ирреальная природа Дома. Принципом построения кода становится преобразование и обращение классической традиции.

Литературный код позволяет более полно раскрыть историко-литературный контекст романа, увидеть в нем диалог культур и создает базу для множественности интерпретаций. В перспективе может быть исследовано его взаимоотношение с другими кодами романа.

Литература

1. *Лебедушкина О. П.* «Дом, в котором...» Мариам Петросян как «итоговый текст» десятилетия // Филологический класс. 2011. № 25. С. 20–21.

2. *Тихомирова К.* Книга, в которой... [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/dom.php (дата обращения: 13.01.2016).

УДК 821.161.1

Нестерова Анастасия Васильевна,

бакалавр 3-го курса департамента

«Филологический факультет»

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОСПРИЯТИЯ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ XVII ВЕКА «СТАТИР»

Рассматривается отношение автора «Статира» к слову как культурному феномену, способному преобразовать окружающую действитель-

ность, изучаются сущностные аспекты авторских проповедей, а также анализируется композиционная структура сборника.

Ключевые слова: «Статир»; письменность XVII века; авторская проповедь; слово как феномен культуры.

Nesterova Anastasia Vasilyevna,
3-year student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN THE 17th CENTURY HANDWRITTEN COLLECTION OF HOMILIES «STATIR»

The article investigates the author's attitude to the word as a cultural phenomenon capable of transforming the surrounding reality. The essential aspects of author's homilies are studied, and the compositional structure of the collection is analyzed.

Keywords: space in literature, social space, house, Dmitry Mamin-Sibiryak.

Человек всегда стремился повлиять на мир вокруг себя и привести в него то, что находится в его внутреннем мире. Одним из явлений, призванных повлиять на окружающее пространство, может стать творческое слово, созданное для того, чтобы быть услышанным, воспринятым и осмысленным. Именно в таком ключе предлагается рассматривать один из интереснейших, но при этом очень мало исследованных памятников письменности XVII века – сборник авторских проповедей «Статир». Этот рукописный сборник представляет собой уникальное произведение, по самобытности и художественной выразительности сопоставимое с сочинениями таких авторов, как протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Как известно, к XVII веку еще не сложилась традиция повсеместного написания проповедей от первого лица. Автор же данной рукописи не только принимает решение составить собственные проповеди, но и высказывает удивительную самостоятельность в суждениях и выводах, опираясь на существовавшую традицию гомилетики. Эти особенности вызывают интерес к ав-

тору как создателю рукописи и обуславливают актуальность изучения данной рукописи как уникального авторского текста.

Ее ценность также предопределяется связью с местом создания – Прикамье (вотчина Строгановых в XVII в.). К большому сожалению, зная место написания данной рукописи и время ее создания, мы не можем назвать имя создателя. Оно оказалось скрыто по невыясненным причинам, а попытки определить его до настоящего времени не являются убедительными.

На предыдущих этапах нами были рассмотрены графический облик рукописи и своеобразие автора как писца, а также некоторые аспекты авторской риторики. Целью же данного этапа исследования становится выявление отношения автора сборника к слову как культурному феномену, а также изучение сущностных аспектов авторских проповедей. По нашим предположениям, автор как человек своей эпохи верит в преображающую силу слова и ее возможность изменить окружающую действительность. Найти подтверждение этому или открыть другие черты в авторском облике, мы надеемся, удастся после проведенного исследования. Также необходимо выяснить, насколько полно в своих текстах автор раскрывает внутренний потенциал и проявляет личностное начало, предлагает ли он результаты самостоятельного анализа и глубоких размышлений и опирается ли при изложении своих мыслей на святоотеческую традицию. Возможно, также стоит обратить внимание на то, является ли существенной роль субъективных эмоций автора в характеристике образов и стиле.

Перспективной задачей нашего исследования является многогранное, комплексное изучение данного рукописного сборника как литературного и языкового феномена конца XVII в. Сложность проблемы сопряжена с объемом рукописи (815 листов), что существенно затрудняет достижение полноты в обрисовке всех тем, поднятых автором, и требует выбора оптимального подхода и определения этапов исследования поучительных и похвальных Слов. Есть надежда, что в ходе дальнейших исследований удастся приблизиться к осмыслению этого выдающегося памятника письменности и гомилетики во внутренней целостности.

Пальчик Марина Александровна,
аспирант департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета;
ученый секретарь муниципального бюджетного учреждения
культуры «Объединенный музей писателей Урала»

СПОСОБЫ ПРИЖИЗНЕННОЙ МУЗЕЕФИКАЦИИ ТЕКСТА (О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МОЛОДЫХ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ПОЭТОВ С ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ)

Доклад представляет собой анализ современной литературной ситуации, сложившейся в Екатеринбурге, которая установила новый способ взаимодействия молодых екатеринбургских поэтов с литературным музеем.

Ключевые слова: уральская поэтическая школа; литературный музей; современная поэзия; уральская поэзия.

Palchik Marina Aleksandrovna,
PhD student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

THE METHODS OF MUSEUMIFICATION OF A TEXT IN LIFETIME (ON THE INTERACTION OF YOUNG POETS OF YEKATERINBURG WITH THE LITERARY MUSEUM)

The paper analyzes the contemporary literary situation in Yekaterinburg, which has established a new way of interaction between young Yekaterinburg poets and a literary museum.

Keywords: Ural poetry school, literary museum, Ural poetry, contemporary poetry.

Миссия литературных музеев Екатеринбурга, входящих в Объединенный музей писателей Урала, была установлена еще в совет-

ское время – хранение и трансляция культурных ценностей. При этом само понятие «культурная ценность» не требовало уточнений: оно определялось интеллигенцией, связывалось с символическим капиталом региона, творческим наследием автора, которое должно сохраняться сквозь время.

Специфика современной литературной ситуации, сложившейся в Екатеринбурге, установила новый способ взаимодействия автора и музея. Сегодня понятия литературного успеха и символического капитала определены не так явно, а миссия музея не является актуальной для общества, которое находит иные формы хранения и трансляции материала, связанного с жизнью и творчеством писателя (электронные архивы).

Кризис двух участников литературного поля (автора и хранилища) установил новые механизмы взаимодействия молодых екатеринбургских поэтов с литературными музеями города, в частности подразделениями Объединенного музея писателей Урала: Музеем «Литературная жизнь Урала XX века» и научной библиотекой учреждения. Сегодня музей стал одним из крупнейших центров хранения поэтических сборников современных авторов (получая их пассивно, от самих поэтов), узкосегментированным продавцом книг, имеющих отношение к уральской поэзии, а также площадкой для поэтических мероприятий.

Такой способ взаимодействия автора и литературного музея в Екатеринбурге видится неслучайным. Современные книги, переданные авторами, традиционно мало интересовали фонды музея, большую ценность представляли рукописи и личные вещи писателей. Правило передачи изданного сборника стало формой самовывдвижения текста в качестве культурной ценности, которую необходимо сохранить во времени. Выбор же литературного музея в роли дистрибьютора связан не столько с получением реального капитала за свои книги, сколько с поиском «читателя определенного круга». Все эти механизмы, вероятно, говорят о новой стратегии молодых екатеринбургских поэтов.

Эльстон-Бирон Инна Олеговна,
магистрант департамента «Филологический факультет»
Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета

ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ «ТЫ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА «АРМЕНИЯ»

Рассматриваются семантика и функции местоимения «ты» в поэтическом цикле «Армения» О. Мандельштама. Делаются предварительные выводы о коммуникативных особенностях данного цикла, а также позднего творчества О. Мандельштама в целом.

Ключевые слова: поэзия О. Мандельштама; позднее творчество; цикл «Армения»; местоимение «ты».

Elston-Biron Inna Olegovna,
M.A. student of the Department of Philology
Institute of Arts and Humanities
Ural Federal University

THE FUNCTIONS OF THE PRONOUN «YOU» (SINGLE FORM) IN THE POETIC CYCLE «ARMENIA» BY O. MANDELSTAM

The article considers the meaning and functions of the pronoun *you* (single form) in the poetic cycle *Armenia* by O. Mandelstam. The author draws preliminary conclusions about the communicative features of this cycle, as well as of O. Mandelstam's later work as a whole.

Keywords: poetry of O. Mandelstam, latest lyrics, poetic cycle «Armenia», pronoun «you» (singular form).

Стихотворение, как и любой текст, является элементом коммуникации, оно всегда имеет адресата и адресанта. Есть внутренний адресат (тот, к кому обращается лирический субъект) и внешний (собственно читатель). Степень апеллятивности текста может варьироваться. Так, одним из значимых показателей, выражающим

направленность текста адресату, является местоимение «ты», которое может служить обозначением конкретного лица или не-лица (то есть предмета, явления природы, некой абстрактной сущности). Поскольку поэзия как способ коммуникации характеризуется интимностью, яркой выраженностью личного начала, местоимения «я» и «ты» – самые частотные из всех, которые используются в лирике.

Поэзия О. Мандельштама 30-х годов характеризуется повышенной коммуникативностью, что связано с биографическими реалиями: оказавшись «отщепенцем», не имеющим читателя (с 1928 года стихи О. Мандельштама не публиковались), поэт ощущал острую необходимость в диалоге. В период «Новых стихов» количество текстов, подчеркнуто ориентированных на адресата – 18, в «Воронежских тетрадах» – их 11 [1, с. 127]. Зачастую весь текст стихотворения представляет собой обращение.

Наш доклад посвящен анализу функций местоимения «ты» в цикле «Армения» (1930). Местоимение второго лица употребляется в шести из двенадцати стихотворений цикла («Ты розу Гафиза колышешь...», «Ты красок себе пожелала...», «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...», «Закутав рот, как влажную розу...», «Я тебя никогда не увижу...», «Лазурь да глина, глина да лазурь...»), оно обращено к Армении, Эривани, армянскому небу и самому себе. Первые три значения «ты» очевидно близки и почти синонимичны, однако представляется более продуктивным их все же не смешивать. Последний случай стоит рассмотреть отдельно.

Употребление местоимения «ты» по отношению к не-лицу свидетельствует о стремлении лирического субъекта проникнуть в суть вещей, «вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже понять, ярче выразить эмоционально-волевое отношение к ним» [2, с. 90]. О. Мандельштам, глубоко прочувствовавший Армению, нуждается в прямом, глубоком диалоге с ней, не опосредованном ничем посторонним. В этом проявляется и высочайшее почтение, и почти физическое ощущение духа этой страны.

Эривань – более конкретизированный образ Армении, но наделенный теми же чертами, в стихотворении упоминается тот же

рисующий лев, но появляются и новые образы, и – что особенно важно – лирический герой переходит на разговор о своей жизни.

Тональность стихотворения, где лирический субъект обращается к армянскому небу, также отличается от тех стихов, где представлено обращение к Армении: восторг уступает место недоброму предчувствию свой судьбы и горькому (хотя и смиренному) ее признанию.

В стихотворении «Лазурь да глина, глина да лазурь...» представлена автокоммуникация, но «ты» здесь может быть понято и в обобщенно-личном значении, «ты» – то есть всякий.

Несомненно, все обращения цикла «Армения» не предполагают ответа, поэтому можно говорить о том, что данный цикл является внутренним монологом лирического субъекта, «ты» здесь не активно, коммуникация оказывается замкнутой.

Литература

1. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. 823 с.
2. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986. 208 с.

Раздел девятый ФИЛОСОФИЯ

УДК 304

Баженов Виталий Алексеевич,
магистрант департамента философии
Уральского федерального университета

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье рассматриваются проблема субъективации населения в период избирательных кампаний. Граждане проявляют низкий интерес к избирательному праву и традиционным информационным каналам. Новые информационные каналы как социальные сети доказали свою эффективность.

Ключевые слова: политические коммуникации; идентичность; субъект; объект; субъективация; выборы; электорат.

IDENTITY AS AN ELEMENT OF POLITICAL COMMUNICATION

The article discusses the problem of subjectivation of the population during election campaigns. Citizens show a low interest in the electoral law and traditional information channels. New information channels as social networking has proved its effectiveness.

Keywords: political communication, identity, subject, object, subjective attitude, elections, electorate.

В своей книге «Уши машут ослом» Олег Матвейчев одной из проблем первого плана ставит феномен субъекта [1]. Кто такой субъект и где его можно найти в нашем обществе?

Рассматривая проблемы предпочтения и волеизъявления граждан – избирательные кампании и позиционирования в них кандидатов, – Матвейчев вплотную подбирается к процессу субъективизации. Как население дифференцируется, отдавая свое предпочтение, свой голос за того или иного кандидата? Как соотношение внутреннего мира избирателя, его мировоззрения с предлагаемым кандидатом запускает процесс субъективизации? Как идеи и взгляды людей определяют их поступки и в конечном итоге характер и результаты голосования?

Главной проблемой в работе является определение субъекта в обществе в рамках проведения избирательной кампании. В современных российских условиях малого интереса избирателей к выборным процессам необходимо переосмыслить отношения субъектов и объектов выборов. Низкое доверие граждан к институту избирательного права говорит об усталости избирателя, отторжение агитации по старым каналам. Лозунги, программы, лица кандидатов повторяются вновь и вновь, что в конечном итоге раздражает избирателя и подталкивает его проигнорировать день голосования. Кроме отсутствия новых коммуникационных каналов,

используются те же технологии: газеты в почтовых ящиках, агитаторы, наружная реклама. Теперь каждый кандидат использует весь этот «стандартный набор». Создатель уральской школы политического консалтинга, Матвейчев отмечает, что электорат больше не реагирует на послания, не считывает пропаганду [2]. Перспективность новых информационных каналов, таких как социальные сети, доказали свою эффективность на Западе. Дональду Трампу был ограничен допуск на телевидение США. Он обращался к избирателям в том числе и через Twitter. Известный итальянский комик, лидер движения пяти звезд Бeppe Гpилло вызывал на митинг сотни сторонников также через Twitter.

Особенно непредсказуемое голосование, т. е. большое расхождение с предварительными социологическими вопросами, наблюдается в сельской местности. Причиной недоверия, непредсказуемости поведения граждан Матвейчев называет низкое доверие к информационным каналам. Субъекты – избиратели, на которых направлены информационные потоки, перестали их считывать. Коммуникация по стандартным каналам не соотносится с их идентичностью, не сегментирует их на группы по профессиям, месторождению, убеждениям. Коммуникация направлена в пустоту, не вызывает ответной реакции.

Литература

1. Матвейчев О. А. Уши машут ослом. М. : Изд-во Питер, 2013. 101 с.
2. Матвейчев О. А. Проблемы манипуляций. М. : Изд-во «Пайдейя», 1999. 139 с.

Голендухина Мария Алексеевна,
бакалавр департамента «Филологический факультет»
Уральского федерального университета

ПРОРОК И ОТСТУПНИК В ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

Рассматривается взгляд протопопа Аввакума, отраженный в тексте его «Жития», на символическое противостояние между ним и патриархом Никоном. Писатель трактует конфликт через сопоставление с библейскими событиями из ветхозаветной Книги пророка Аввакума. Оценивается создание Никоном Нового Иерусалима как проявление гордыни. Столкновение Никона и Аввакума приобретает значение защиты всего христианства и спасения мира от Антихриста.

Ключевые слова: Аввакум; житие; Новый Иерусалим; патриарх Никон; пророк.

Golendukhina Mariya Alekseevna,
Ural Federal University

PROPHET AND APOSTATE IN THE AUTOBIOGRAPHY OF PROTOPOP AVVAKUM: A SYMBOLIC READING OF HISTORICAL FACT

The view of Archpriest Avvakum, reflected in the text of his «Life», is considered a symbolic confrontation between him and Patriarch Nikon. The writer interprets the conflict through comparison with the biblical events from the Book of the prophet Habakkuk. The significance of the creation of the New Jerusalem by Nikon as a manifestation of pride is assessed. The clash of Nikon and Avvakum acquires the importance of protecting all Christianity and saving the world from the Antichrist.

Keywords: Protopop Avvakum, New Jerusalem, patriarch Nikon, prophet, life of the saint, hagiography.

Раскол Русской православной церкви в 1650–1660-х годах вывел на арену двух противостоящих друг другу религиозных лидеров: церковного реформатора патриарха Никона и приверженца «старой веры» протопопа Аввакума. Поведение героев нашло яркое отражение в автобиографическом «Житии» последнего. В своем сочинении Аввакум следует основной цели – обличить «никонианскую ересь». Основным средством достижения этой цели является создание двух противоположных образов: «отступника Никона», предавшего веру и вставшего на сторону дьявола, и правого Аввакума, несущего свет истины, претерпевающего мучения за свою веру и тем самым спасающего православную Русь. Противостояние протопопа и патриарха неоднократно описано в исторических и филологических трудах. Тема данного сообщения – столкновение Аввакума и Никона в символическом поле, подоплекой для которого становится осознание в Житии конфликта героев как противостояние истинного пророка и лжепророка-отступника (фарисея).

Аввакум осознает себя пророком, что неоднократно находит свое текстовое воплощение в Житии. В разных ситуациях он отождествлением себя с ветхозаветными и новозаветными персонажами (Иовом, Авраамом, пророком Аввакумом, апостолами, мучениками). Законы подобию, важные для средневекового сознания, подталкивают его к прямому сопоставлению своего жизненного пути и модели поведения с пророческим подвигом Аввакума – героя Ветхого Завета. Протопоп видит в себе пророческие черты: он единственный, кому открыта божественная истина «чистоты веры» и кто способен ее проповедовать, обличая предавших православие никониан.

Изображение Аввакумом себя в образе пророка имеет прямые параллели в ветхозаветной Книге Пророка Аввакума, в которой предсказаны приход Мессии и пленение Иерусалима. Аввакуму в видении является Господь и возвещает о грядущем наказании за всеобщее нечестие. По Божьему повелению пророк должен возвестить о разрушении Иерусалима халдеями – свирепым и необузданным народом. Он оплакивает участь неправедных народов

и получает ответ от Господа: все насилие врагов будет уничтожено, спасен же будет тот, кто верен Богу.

Аввакум-пророк Нового времени проецирует на себя образ одноименного предшественника и интерпретирует современные ему события как аналогичные библейским: халдейский народ – Никон и его последователи, ветхозаветный пророк – сам протопоп Аввакум, а разрушение Иерусалима трактуется им не только как наказание реформаторов церкви за прегрешения (отступление от истинной веры), но и как буквальное разрушение Иерусалима, построенного Никоном.

В контексте идеи «Москва – третий Рим» столица Российского государства истолковывается как икона Нового Иерусалима, который в конце времен должен сойти с небес. Этому отвечает замысел «иерусалимского» строительства, осуществленный патриархом Никоном, который построил Новый Иерусалимский монастырь (нынешний Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь), где полностью воссоздал топографию реального Иерусалима. И хотя в средневековой архитектуре не существовало «копирования» храма – воспроизводились лишь некоторые его черты, Никон впервые попытался скопировать иерусалимскую святыню (Храм Гроба Господня). Символическое подобие сменилось буквальным, что было воспринято многими людьми (прежде всего староверами) как кощунство. При этом Никон не только полностью повторяет сакральный образец, но и пытается превзойти его (собор Никона почти вдвое превосходил по высоте Иерусалимский). Подобное дерзновенную попытку можно было интерпретировать как желание Никона возвысить себя через «присвоение» образа Иерусалима – патриарх фактически объявляет себя Священником Горнего Иерусалима, уподобляясь Христу. После низложения Никон произнес проповедь, в которой собственную биографию излагал через страдания Христа. В понимании староверов, Никон не Христос, а Антихрист, обуреваемый гордыней, – воплощение Сатаны на земле [2, с. 174–181].

Соответственно, Аввакум в своем «Житии» приписывает Никону роль лжеучителя, а себе – роль пророка. Задача Аввакума – обличить фарисейство Никона. В тексте «Жития» Аввакум

вспоминает бушевавший на Руси мор и связывает это печальное событие с карой Господа за отступничество Никона: «Бог излил фиял гнева ярости Своея на Русскую землю» [1, с. 29]. Он обличает Никона как еретика, приравнивает его учение к католическому, которому всегда вменяли папскую гордыню.

Проецируя библейские события на современные ему, Аввакум добивается эффекта защиты всего христианства, выводя тем самым масштаб противостояния на уровень мирового конфликта гибели и спасения.

Литература

1. Житие Аввакума и другие его сочинения. М. : Сов. Россия, 1991. 368 с.

2. Бусеева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М. : Наука, 1994. 224 с.

УДК 791.43.01+159.954

Давлетшина Диана Азатовна,
бакалавр 2-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ОППОЗИЦИОННОСТЬ ОБРАЗОВ ПРАВОСЛАВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХХІ ВЕКА: ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ

В данном тексте поднимается вопрос о влиянии опыта нарочитого атеизма СССР на религиозность современного россиянина. Тема раскрывается через отражение тех или иных тенденции в отношении религии через кинематограф и то, как искусство кино способно выразить противоречия в вопросе православия для современного гражданина России.

Ключевые слова: российский кинематограф; православие; пропаганда; история России; атеизм.

Davletshina Diana Azatovna,
Department of philosophy
Ural Federal University

THE OPPOSITION OF ORTHODOXY IMAGES IN THE RUSSIAN CINEMA OF THE 21ST CENTURY: ORIGINS AND CAUSES

In this article the question about influence of experience in «deliberate» USSR atheism on religiosity of modern Russian citizens is raised. The theme comes to light in relationships of religion and cinema and also through contradictions in Orthodoxy questions for modern Russian citizens in the cinema.

Keywords: Russian cinematography, orthodoxy, propaganda, Russian history, atheism.

Кинематограф имеет интересное свойство – способность действовать, с одной стороны, как зеркало, служащее отражением волнений в обществе и его интересов, с другой – становиться чем-то направляющим, задающим тон. Какую же нишу в этом переплетении занимает такой феномен, как религия? Какие религиозные тенденции можно выявить, наблюдая за кинообразами? Данная тема в рамках анализа отечественного кинематографа и роли в нем православия, оказавшего, безусловно, сильное влияние на русскую историю, осталась в тени.

Начав свое развитие в качестве искусства на заре СССР, в скором времени кинематограф стал инструментом пропаганды для Союза. На конвейер было поставлено создание фильмов антирелигиозного и антихристианского характера: священнослужители выставлялись обманщиками, верующие – наивными глупцами, в некоторых фильмах вера вовсе приводила к глупой и нелепой смерти (например, «В дебрях быта» Александра Разумного, 1925). При этом чувствуется непроизвольное воспроизведение давно забытых традиций. Так, в легендарном «Броненосце Потемкине»

Сергея Эйзенштейна, одного из убежденных атеистов начала советской истории, невольно напрашивается сопоставление гибели героя Вакуленчука за свободу матросов и смерти Христа за свободу человечества от греха [1, с. 328–335].

Однако новые исторические обстоятельства помешали заданному направлению. Вторая мировая война потребовала веры в лучшее, не имеющей под собой объективного основания. Иначе и без того страдающий от голода, болезней и тяжелых потерь житель России впал бы в отчаяние. Все это способствует тому, что происходит своеобразная реконструкция русской религиозной культуры в виде расширения допустимых рамок религиозности, касающаяся в основе своей православия. В кино вновь звучит слово «Бог», герои фильмов, не стесняясь, ставят иконки, священнослужитель, прежде бывший врагом пролетария и колхозника, теперь соратник в борьбе с фашизмом.

Но и данный период продлился недолго – ни в «оттепель», ни в «застой» данная тенденция не была продолжена, и даже наоборот, ограничилась указанным кризисным военным временем. После Хрущева призывает «развернуть наступление на религиозные пережитки». Однако именно данный временной отрезок, несмотря на свою антирелигиозность, «назначенную» властью, ознаменовалась гением Андрея Тарковского и его фильмом «Андрей Рублев». Несмотря на свой полузапрещенный статус, картина стала событием не только для советского кинематографа, но и европейского (за этот фильм Андрей Тарковский получил Пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля 1966 года). Несмотря на последующую критику искажения христианской тематики и «несердечность» фильма со стороны А. Солженицына [2, с. 157–167], исключительность фильма заключается в том, что духовно-религиозная тема впервые в истории Союза раскрывается столь полно, как основной сюжет. Перестройка и распад СССР стали временем своеобразной тишины: исчезнувший железный занавес и новая свобода сделали веру одним из последних объектов для интереса.

И лишь в нулевых годах вновь взор отечественных режиссеров был обращен к теме, задевающей религии и православие. Однако свое выражение данная тема нашла не просто в разных, а поляр-

ных образах. С одной стороны, это апологетики православия, вновь обратившиеся к вере и нашедшие в ней ответы. Таким становятся фильмы «Царь» Павла Лунгина и его же «Остров». В них священнослужитель – источник истины и справедливости. Герои готовы переживать мучения за свою веру и по причине своей веры, а иногда и смерть.

С другой стороны, выступают такие фильмы, как «Левиафан» Андрея Звягинцева и «Ученик» Кирилла Серебрянникова. В них православие и церковь – источник страданий человека в худшем смысле: они утратили свой изначальный смысл и становятся источниками зла. Так, церковь лишает дома главного героя «Левиафана», что становится для него стартом целого ряда бед. В «Ученике» внезапно уверовавший главный герой становится проблемой для своей школы и впоследствии убивает друга, признавшегося в своей гомосексуальности, что не укладывается в границы христианского мировоззрения героя.

Таким образом, во многом истоки описанной двойственности обусловлены историческим прошлым, но недостаточная освещенность темы в иных аспектах становится барьером для объективного анализа причин данного процесса, будь то заново осознанная необходимость в вере или атеистические настроения новой волны.

Литература

1. *Марголит Е.* Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х годов. СПб. : Мастерская «Сеанс», 2012. С. 328–335.
2. *Солженицын А. И.* Фильм о Рублёве // Публицистика : в 3 т. Т. 3. Ярославль : Верхняя Волга, 1997. 560 с.

Козырева Ольга Александровна,
аспирант кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры
Уральского федерального университета

**СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
О ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ:
ЭКСПРЕССИОНИЗМ В. ДЕКОМБА**

В докладе рассматривается проблема субъективности в современной французской философии. Предлагается анализировать эту проблему через понятие выражения, которое можно считать ядром субъективности. В качестве примера выбрана позиция В. Декомба, который полагает существование корреляции между понятиями субъективности, идентичности и выражения.

Ключевые слова: субъект; французская философия; Декомб; выражение; идентичность.

Kozyreva Olga Alekseevna,
Ural Federal University

**CONTEMPORARY FRENCH PHILOSOPHY ON THE PROBLEM
OF SUBJECTIVITY: V. DESCOMBES' EXPRESSIONISM**

The article deals with the problem of subjectivity in contemporary French philosophy. I argue that this problem is strictly connected with the concept of expression which may be regarded as a core of subjectivity. An example of this is Vincent Descombes' analysis of the correlation between the concepts of subjectivity, identity, and expression.

Keywords: subject, French philosophy, Descombes, expression, identity.

Специфику современной французской философии можно определить через обращение к проблеме субъективности. Иными словами, допустимо рассматривать современную французскую философию как философию субъекта независимо от того, какую

функцию в концепциях французских мыслителей выполняет понятие субъекта (является ли оно смыслообразующим стержнем философской системы или же, наоборот, ее объектом критики). Обусловленность подобного рассмотрения достигается за счет концептуальной неустраимости из философских построений проблемы выражения (фр. *expression*, англ. *expression*), которая составляет ядро проблемы субъективности.

Удачной иллюстрацией предложенной выше интерпретации проблемы субъективности в современной французской философии является точка зрения одного из ее представителей – В. Декомба. Опираясь на то, что его соотечественники позиционировали себя как противников субъективности, он разворачивает историко-философское исследование проблемного поля французской философии следующим образом [1]: философию субъекта, развиваемую со времен Р. Декарта, в XX в. сменяет проект критики субъекта (в двух версиях – собственно критической и парадоксальной), вслед за которым приходит «критика критики субъекта». Этот последний этап В. Декомб описывает как анализ смысла и условий приписывания предиката «быть субъектом», т. е. как своеобразную философскую грамматику субъективности, характерную для различных философских концепций.

Подобное описание философии субъекта (в широком смысле) посредством выделения трех сменяющих друг друга этапов В. Декомб дополняет анализом проблемы идентичности, одним из аспектов которой является поиск ответа на вопрос «кто есть я?» Для французского мыслителя оказывается справедливым утверждение о взаимосвязи субъективности и идентичности, которая достигается за счет введения проблематики выражения. В разговоре о значении понятия субъекта В. Декомб отказывается от признания примата внутреннего над внешним, заменяя традиционное представление на концепцию экспрессивной (фр. *expressif*, англ. *expressive*) идентичности или субъективности: «Как случается так, что субъект ищет себя вовне себя? Ответ гласит, что он ищет себя не во всем, что угодно, что может находиться вовне его, но лишь в том, на что он тем или иным способом может притязать как на

проявление в актуальности того, что только в потенциальности находилось внутри субъекта» [2, р. 131].

Таким образом, существующее традиционное представление о субъективности приводит французских философов к осознанию необходимости поиска решения проблемы выражения. Аргументация того варианта решения, который выбирает В. Декомб, разворачивается в режиме критики позиции интернализма в отношении природы мышления и его взаимосвязи с феноменом языка: противоположная позиция экстернализма ведет к возникновению системы холистического типа, которую сам В. Декомб именует антропологическим холизмом.

Литература

1. *Descombes V. A Propos of the «Critique of the Subject» and of the Critique of this Critique // Topoi. 1988. № 7. P. 123–131.*
2. *Descombes V. Puzzling Identities / tr. S. A. Schwartz. Cambridge, 2016.*

УДК 124.5

Кокин Даниил Игоревич,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ИДЕЯ ПУБЛИЧНОГО РАЗУМА ДЖОНА РОЛЗА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Работа посвящена идее публичного разума, выдвинутой американским философом Джоном Ролзом. Автор показывает роль этой концепции в современной политической философии. В работе анализируются основные аспекты идеи публичного разума, условия его существования, а также необходимость публичного разума для стабильного демократического обществ.

Ключевые слова: Джон Ролз; публичный разум; политическая философия; публичная сфера; демократия.

JOHN RAWLS' IDEA OF PUBLIC REASON AND ITS SIGNIFICANCE FOR DEMOCRATIC SOCIETY

This paper is devoted to the idea of public reason, proposed by American philosopher John Rawls. The author shows the role of this conception in contemporary political philosophy. The paper analyses main aspects of the idea of public reason, conditions of its existence, and public reason's necessity for stable democratic society.

Keywords: John Rawls, public reason, political philosophy, public sphere, democracy.

Идея публичного разума является философским обоснованием того, каким образом индивиды могут обсуждать и решать общественные проблемы в рамках публичной сферы. Наибольшее влияние на развитие идеи публичного разума оказал американский политический философ Джон Ролз (John Rawls, 1921–2002). К сожалению, российская интеллектуальная среда в основном знакома лишь с его magnum opus «Теория справедливости» (A Theory of Justice, 1971), тогда как другие идеи Ролза, которые внесли неоценимый вклад в современную политическую философию, заслуживают не менее пристального внимания. Именно поэтому автор считает необходимым обозначить основные моменты идеи публичного разума.

Корни идеи публичного разума кроются в работах Гоббса, Канта и Руссо [1]. В общем виде идея публичного разума понимается так: «Публичный разум требует, чтобы моральные и политические правила, которые регулируют нашу общественную жизнь, были обоснованными или приемлемыми для всех людей, на которых эти правила распространяются» [1]. Наиболее известная и распространенная трактовка этой идеи изложена в книге Ролза «Политический либерализм» (Political Liberalism, 1994) и была существенно дополнена в статье «Возвращаясь к идее публичного разума»

(The Idea of Public Reason Revisited, 1997). Идея публичного разума Ролза вытекает из его двух принципов справедливости. По Ролзу, главной особенностью демократии является плюрализм мнений [2, § 1]. Так как основания этих мнений – это исчерпывающие доктрины (религиозные и нерелигиозные), которые не совмещаются друг с другом, гражданам будет сложно прийти к соглашению, опираясь на них в общественных дискуссиях. Для рационального принятия решений и стабильного существования общества нужен публичный разум.

Исследователь Венар Лиф дает следующую трактовку доктрине публичного разума Ролза: «Граждане, включенные в определенную **политическую деятельность** (political activities), должны иметь **долг корректности** (duty of civility), чтобы обосновывать свои решения по поводу **фундаментальных политических вопросов** (fundamental political issues), опираясь только на **общественные нормы и ценности** (public values and public standards)» [3]. Выделенные термины являются ключевыми для понимания доктрины.

Ролз выделяет пять ключевых аспектов публичного разума [2, р. 767–773]: 1) публичный разум применяется как к фундаментальным политическим вопросам, 2) так и к представителям правительства и государственным служащим; 3) приемлемые концепции справедливости, составляющие содержание публичного разума [2, § 2]; 4) эти концепции используются при обсуждении принудительных законов; 5) убеждения граждан, полученные из их представлений о справедливости, удовлетворяют критерию взаимности. При соблюдении этих аспектов публичный разум как нормативное руководство в публичной сфере будет самым благоприятным вариантом.

Концепция публичного разума Ролза играет важную роль как в академическом, так и политическом плане. Во-первых, она расширяет прикладной характер ролзовских принципов справедливости и показывает, что дискуссия – неотъемлемая часть публичного разума [4, р. 390–391], а во-вторых, показывает, как в свободном и плюралистичном обществе граждане с различными взглядами могут прийти к консенсусу и добиться стабильности. Как результат, мы получаем философское обоснование одного из

самых распространенных и стабильных политических режимов – делиберативной (совещательной) демократии.

Литература

1. *Quong J.* Public Reason // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/public-reason>.
2. *Rawls J.* The Idea of Public Reason Revisited // The University of Chicago Law Review. 1997. № 64. P. 765–807.
3. *Wenar L.* John Rawls // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/rawls/>.
4. *Larmore Ch.* Public Reason // Cambridge Companion to Rawls / ed. by Samuel Freedman. Cambridge University Press, 2003.

УДК 794.05

Кузьмин Дмитрий Олегович,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИГРОКА И ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННЫХ ВИДЕОИГРАХ ЖАНРА RPG

Проект исследования ставит целью выявить глубину и характер влияния коммуникации на человека в видеоигре. Гипотеза исследования, основанная на концепции заботы о себе М. Фуко, предполагает, что конструирование игрового персонажа основывается на атрибутах, определяющих игрока. Основным материалом для анализа являются серия игр «Dark Souls», игры «Dragon Age II» и «Fallout: New Vegas», диктующие тесное взаимодействие между игроком и персонажем.

Ключевые слова: жанр ролевых игр; герменевтика субъекта; современные видеоигры; идентификация игрока и персонажа.

IDENTIFICATION OF PLAYER AND CHARACTER IN MODERN RPGS

Research project aims to find out the level of influence of video game communications on the player. Hypothesis of this research is based on Michelle Foucault's idea of "care of the self", and suggests that player character creation is based on the attributes that define the player. Main subjects of analysis are Dark Souls series of games, Dragon Age II and Fallout: New Vegas, because they dictate close cooperation between the player and the character.

Keywords: role-playing game, hermeneuticus of the subject, modern videogames, player-character identification.

Современное культурное поле предоставляет человеку ряд возможностей для самоидентификации и реализации себя. Особенно наглядно это проявляется в интерактивных медиа, к которым относятся и видеоигры. Видеоигра позволяет играющему примерить на себя иную идентичность без риска для реального существования. В современной научной литературе проблема идентификации игрока и персонажа представлена пока только для онлайн-игр. Необходимо изучить идентификацию игрока и персонажа в одиночной игре, чтобы выяснить, как может повлиять на человека коммуникация в виртуальном мире, где виртуальность – это собеседник, а не посредник в общении между живыми людьми. Лучшим примером такой идентификации является жанр RPG (ролевая игра), где внутри игрового мира моделируются определенные паттерны поведения персонажа. В RPG игрок создает своего персонажа и идентифицирует себя с ним, перенося на него те или иные внутренние качества, воплощая в нем свое представление о себе.

На основе концепции заботы о себе, изложенной у М. Фуко в цикле лекций «Герменевтика субъекта» [1], мы ставим целью выяснить глубину и характер акта идентификации игрока и персонажа, выявить особенности их взаимозависимости: предпочте-

ние определенных игровых ролей или же изменение привычек под влиянием персонажа.

Гипотезой нашего исследования является предположение, что играющий создает персонажа на основе своих предпочтений, через которые умышленно или неумышленно проявляются атрибуты, определяющие «Я» играющего. Вследствие этого игрок невольно начинает ассоциировать наделенного своими чертами персонажа с самим собой, и таким образом происходит перенос с «Я» на «Он», что влияет на манеру игры и отношение к персонажу: оно становится более бережным. Такая ассоциация оказывает влияние на играющего, изменяя его личностные атрибуты в реальности.

В качестве основного материала для анализа мы выбрали наиболее популярные современные видеоигры, по механике игры диктующие тесную связь игрока и персонажа: серия игр «Dark Souls», игры «Dragon Age II» и «Fallout: New Vegas». Так, в серии игр, «Dark Souls» игровой процесс воспроизводит инстинкт самосохранения по отношению к персонажу, в «Dragon Age II» взаимодействия между персонажами сопровождаются психоэмоциональными реакциями, а в «Fallout New Vegas» работает принцип причины и следствия, или же игровой кармы, что напрямую влияет на принятие/непринятие персонажа миром игры и последующее развитие сюжета.

В дальнейшем мы планируем расширить рамки исследования и провести глубинные интервью с людьми, увлекающимися видеоиграми, чтобы оценить характер и глубину идентификации игрока и персонажа.

Список игрового материала

1. Dark Souls. From Software; Bandai Namco Entertainment, 1С–СофтКлуб. 2011.
2. Dark Souls 2. From Software; Namco Bandai Games, 1С–СофтКлуб. 2012.
3. Dark Souls 3. From Software; Bandai Namco Entertainment, Новый Диск. 2016.
4. Dragon Age II. Bioware Edmonton; Electronic Arts. 2011.
5. Fallout: New Vegas. Obsidian Entertainment; Bethesda Softworks, 1С. 2010.

Литература

1. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Изд-во «Наука», 2007. 680 с.

УДК 101

Миронов Николай Алексеевич,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Автор описывает основные черты нового направления исследований в философии, возникшего в качестве необходимости концептуального философского осмысления реальности, глубоко и безвозвратно трансформированной мощным развитием информационных технологий. Такой философией является философия информации, которая предлагает принципиально иную философскую перспективу для решения данной задачи и претендует на место главной философской системы информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество; философия информации.

Mironov Nicolay Alekseevich,
Ural Federal University

THE PHILOSOPHY OF INFORMATIONAL SOCIETY

The Author describes main features of new line of investigation in the philosophy, which has appeared as necessity of conceptual philosophical comprehension of reality deeply and irrevocably transformed by powerful development of informational technologies. Such philosophy is the Philosophy of information which offers fundamentally new philosophical perspective as solution of such issues and also pretend to be the main philosophical system of informational society.

Keywords: informational society, philosophy of information.

Основной риск информационного общества заключается в отсутствии его подготовленности к собственному развитию, то есть в отсутствии философии, концептуально «схватывающей» и объясняющей трансформации, вызванные развитием информационных технологий. Такой философией является философия информации (далее – ФИ), претендующая на роль философии нашего времени и философии для нашего времени.

Ее главная задача состоит в том, чтобы развить интегрированное «семейство» теорий, которые анализируют, оценивают и объясняют различные принципы и понятия информации, их динамику и использование, а также уделяют особое внимание системным проблемам, возникающим от различных контекстов применения и соединений с такими ключевыми понятиями философии, как знание, истина, значение, реальность и этические ценности [1]. Таким образом, подобно другим философским областям, философия информации задает свой вопрос «что есть ...?» по отношению к природе информации и поэтому предлагает не только новое поле исследований, но и новую методологию для решения прежних и новых проблем. Фундаментальным принципом ФИ является понимание информации как главного конституирующего элемента всех уровней бытия [2].

Точкой отчета ФИ информации является четвертая революция в нашем концептуальном понимании человека. После коперниканской, дарвинской и фрейдистской революций вместе с развитием технологий происходит четвертая переоценка человеческой природы. Человечество постепенно принимает идею, что люди могут быть информационными организмами среди других таких же организмов, значительно, но не радикально отличимыми от природных сущностей и умных инженерных артефактов [2]. Так, ФИ формирует инвайроменталистский, или экологический подход, который рассматривает абсолютно все формы существования – и природные и искусственно-инженерные – как равные, что позволяет ФИ лучше работать с проблемами, возникшими вследствие развития информационно-коммуникативных техно-

логий [2]. Такого рода холистический инвайроментализм требует изменений в онтологической перспективе.

Онтологическое учение в ФИ сменяется с материалистского, в котором физические объекты и процессы играют главную роль, на информационное, в котором: а) объекты и процессы дефизикализованы, типизированы, а также клонируемы; б) право пользования является таким же важным, как право собственности; в) критерий существования больше не является неизменным или зависимым от восприятия, но становится функцией от возможности взаимодействия [2]. Информационная революция усиливает последствия еще предшествующей ей индустриальной революции: в то время как последняя лишает физические объекты уникальности, тем самым меняя образ мира с номиналистического миром уникальных объектов на платоновский мир типовых и заменимых объектов, первая революция подобным образом типизирует как общества, так и индивидов [2].

Философия информации тем не менее не предлагает романтической идеи борьбы против технологического зла. Она утверждает, что технологии становятся нашей средой обитания и при этом не отрицает первичную природную среду. Она предлагает иную философскую концепцию мира, которая позволяет выявить и решить многие из проблем, вызванных информационной революцией. Она стремится дать философское осмысление всему, что подверглось изменениям, и возвести результаты этого переосмысления в единую систему. Таким образом, философия информации оказывается философией современного общества.

Литература

1. *Floridi L.* What is the philosophy of information? // *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33 (1/2). P. 123–145.
2. *Floridi L.* The Information Society and Its Philosophy: Introduction to the Special Issue on «The Philosophy of Information, Its Nature, and Future Developments» // *The informational society*. 2009. № 25. P. 153–158.

Перфильева Анастасия Сергеевна,
магистрант 2-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

СУБЪЕКТ И ЕГО ГРАНИЦЫ В «ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКЕ» Н. А. ВАСИЛЬЕВА

Статья представляет собой анализ основных работ российского логика Н. А. Васильева как одного из первых представителей неклассической мысли. В частности, рассматривается изменение местоположения субъекта в революционной теории автора. Кроме того, анализируется значение такого поворота для мировой логической мысли.

Ключевые слова: «воображаемая логика» Н. А. Васильева; субъект в неклассической логике; границы субъекта.

Perfilyeva Anastasiya Sergeevna,
Master student of the department of philosophy
Ural Federal University

THE SUBJECT AND ITS BORDERS IN «IMAGINARY LOGIC» OF N. A. VASILYEV

The article is an analysis of the main works of the Russian logic N. A. Vasilyev, as one of the first representative of nonclassical thought. In particular is considered the change in the location of the subject in the author's revolutionary theory. Besides the significance of this turn for world logical thought is analyzed.

Keywords: «imaginary logic» of N. A. Vasilyev, a subject in nonclassical logic, the borders of the subject.

Основная интенция философии после «лингвистического поворота» – большой интерес к языку, поэтому закономерно возвращение логики на арену передовых философских направлений. Новый этап в истории логики базируется на рефлексивной и критической установке относительно непреложности и универсаль-

ности законов классической логики. Подобные реформистские установки были осознаны еще Кантом и Гегелем, однако последовательная теоретико-логическая критика «аристотелевских» принципов логики начинается только с Н. А. Васильева, чьи авангардные работы предопределили паранепротиворечивые, парapolные, комбинированные, многомерные [1] и иные неклассические логики, и потому сегодня о нем говорят как о «звезде первой величины в логической мысли человечества» [2].

Принципиально новым в работе российского логика является сам факт сомнения в незыблемости законов классической логики. Метод построения воображаемой логики аналогичен методу построения неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевским и состоит в следующем: «Необходим способ проверить, какие из законов логики суть законы мысли, т. е. зависят от мыслящего субъекта, и какие суть законы реальности, т. е. зависят от познаваемых объектов. <...> Если какое-нибудь логическое основоположение может быть отброшено и заменено воображаемым без того, чтобы вместе с этим исчезла возможность логического рассуждения, то это будет служить верным признаком того, что данное логическое основоположение покоится на эмпирической основе и зависит от познаваемых объектов» [3].

Ревизия классической логики начинается с основополагающей аксиомы – закона исключенного третьего, который, по мнению Н. А. Васильева, является законом реальности, а не мысли. В суждениях о понятиях, с точки зрения воображаемой логики, требуется закон исключенного четвертого: предикат либо необходимо принадлежит субъекту, либо невозможен для данного субъекта, либо, в свою очередь, возможен, четвертого суждения образовать нельзя.

Логика Н. А. Васильева сегодня находит множество интерпретаций: она может быть прочитана как первая паранепротиворечивая логика [4], как доказательство нереализуемости закона исключенного третьего на бесконечных последовательностях, даже как один из первых и своеобразных вариантов многозначной логики.

Литература

1. Смирнов В. А. Многомерные и комбинированные логики // Логико-философские труды В. А. Смирнова. М. : Эдиториал УРСС, 2010. С. 215–269.
2. Бажанов В. А. Прерванный полет. История «университетской» философии и логики в России. М. : Изд-во МГУ, 1995.
3. Васильев Н. А. Воображаемая логика // Избранные труды. М. : Наука, 1989. С. 126–131.
4. Arruda A. On the Imaginary Logic of N. A. Vasil'ev // Non-Classical Logic, Model Theory and Computability / eds. A. Arruda, N. da Costa, R. Chuanqui. Amsterdam : North Holland, 1977.

УДК 070.1 + 32.001

Петрин Иван Сергеевич,
бакалавр 2-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

«НАСИЛИЕ» КАК СТРАТЕГИЯ: РАСПАД СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ Ж. БАТАЯ И М. БЛАНШО

В статье рассматриваются проблемы преодоления субъект-объектной оппозиции на основе сопоставления текстов Ж. Батая и М. Бланшо. Стратегия распада субъекта связывается с идеей сообщения и «внутреннего опыта». Анализ дискурса предполагает выявление элементов, имеющих разрушительный характер для целостности *cogito*.

Ключевые слова: «внутренний опыт»; «распад субъекта»; сообщение; текст.

«VIOLENCE» AS STRATEGY: DISINTEGRATION OF SUBJECT IN THE TEXTS BY G. BATAILLE AND M. BLANCHOT

The article problematizes the overcoming of subject-object opposition by means of comparing the texts of G. Bataille to the texts of M. Blanchot. The disintegration of subject strategy was associated with the ideas of communication and «inner experience». The discourse analysis involves detecting some elements, which have the destructive effect to the integrity of «cogito».

Keywords: inner experience, disintegration of subject, communication, text.

Обнаружению специфического положения субъекта, извлекаемого из произведений Ж. Батая и М. Бланшо, посвящено множество исследований. Можно фиксировать родство следа (последствий), связываемое с общей для данных мыслителей стратегией оспаривания и отрицания самодостаточности субъекта. Проблема, поставленная в статье заключается в попытке выявления этой стратегии на разных уровнях приближения к тексту и сведения ее противоречивого характера к феномену «распада субъекта».

В первую очередь необходимо обозначить данные «уровни приближения»: уровень «внутреннего опыта», наиболее дистанцированный от читателя; уровень сообщения, вхождения в континуум, образованный предельно отдаленным «опытом» и предельно приближенным дискурсом – третьим фиксируемым уровнем. Стратегия и есть прохождение (преодоление) данной «дистанции»: стирание границ между «опытом», тягой сообщить этот «опыт» и содержанием-воплощением «опыта». Общий смысл стратегии в данном случае можно определить как отказ от всевозможных стратегий, протест экзистенции против стратегии как таковой.

Такое преодоление «дистанции» и есть насилие: сознательная ориентация на провал, неудачу; стяжение актов сопротивления и отрицания, направленное в зону самотождественности *cogito* (субъекта). Генезис данного «философского поведения» в общем

виде образуют идеи: Ф. М. Достоевского (идеи «подпольного человека», волевой исток конфронтации с предзаданностью рационального характера), Ф. Ницше (направленность на собственную «гибель»; безумие утверждения бессмысленности в перспективе вечного возвращения того же самого) и Л. И. Шестова («бесперспективный» и открытый жест отторжения прагматики успеха и достижения позитивного результата; постулирование «беспочвенности»).

Слово «провал» в отношении данной проблематики играет весьма важную роль. Провал может означать как некий результат, получаемый в ходе критического осмысления протеста против стратегии, так и сложный процесс: движение внутрь субъекта, «проваливание» в иррациональные слои сущего. Само сущее является в этом процессе как «место проваливания», «зияние», имеющее необозримую глубину вследствие потери системы координат, (пред)заданных главенством *cogito*.

Сущность сообщения становится доступной именно в терминах провала и безрассудства. Сообщение у Батая – это возможность преодоления субъект-объектной оппозиции: слияние субъекта и объекта, «безобъектность», обнажающее незнание как лишение устойчивости онтологического положения субъекта. В рассказах Бланшо конструируется «фон сообщения», вычерчивается «трагическое» пространство, в котором находится субъект: в мир возвращается необходимая для осуществления сообщения «катастрофичность», отсутствующая при взгляде «из проекта». «Блуждание» (семантически родственное «незнанию» Батая) выставленного в ничто сущего понимается как предтеча сообщения.

Дискурс обоих мыслителей в общей форме есть «пространство бесконечных противоречий», где противоречие является ключевым и движущим (разлагающим, «раздвигающим» дискурс) понятием. Речь Бланшо, двигаясь в круговороте противоречий, воспроизводит физическое нанесение ран, выписывает механику разделения плоти: то содержание, которое не удерживается дискурсом, переходит в сообщение, разрушая структуры противопоставления читателя и текста, субъекта и бытия.

Можно сказать, что тексты Батая и Бланшо транслируют структуры внутреннего опыта, неподдающегося концептуализации, и осуществляют стратегию непосредственного сообщения мысли, разлагая инстанцию субъекта и материю текста.

УДК 101

Регульский Иван Тимофеевич,
бакалавр 2-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

РЕЛИГИЯ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СТЕПЕНЬ СОВМЕСТИМОСТИ И АНАЛИЗ МНЕНИЙ

В XXI веке исчезает представление о религии как чем-то негативном, иррациональном, сковывающем индивидуальное человеческое бытие. В связи с этим вопрос о соотношении религии и науки снова приобретает актуальность. Автор анализирует тенденции постмодерна в области языка и взгляды отдельных ученых прошлого и настоящего как факторы, влияющие на совместимость религии и академического дискурса. Опираясь на работы Ф. Коллинза, А. Ацеля, Д. Полкинхорна, Б. Хайша, автор приходит к выводу, что проблема совместимости религии и академического дискурса лежит не в сущности этих явлений, а в мировоззренческом поле отдельных индивидов.

Ключевые слова: наука; религия; А. Ацель; Б. Хайш; Ф. Коллинз; Д. Полкинхорн; Р. Докинз; С. Харрис; К. Хитченс.

RELIGION AND ACADEMIC DISCOURSE: MEASURE OF COMPATIBILITY AND ANALYSIS OF OPINIONS

In the 21st century views on religion as something negative, irrational, restricting personal human being is melting. Due this fact, the question of relation of religion and science are real again. The author analysis tendencies of postmodern in language area and views of particular scientists of the past and the future as factors that influence on compatibility of religion and academic discourse. Using works of A. Aczel, B. Haisch, F. Collins, J. Polkinghorne, the author concludes that a problem of compatibility of religion and academic discourse lying in views of particular individuals, not in the nature of science or religion.

Keywords: science, religion, A. Aczel, B. Haisch, F. Collins, J. Polkinghorne, R. Dawkins, S. Harris, C. Hitchens.

В современном мире набирает силу процесс десекуляризации. Представления о секулярном времени эпохи модерна теряют свою актуальность. Религия возвращается в публичное поле и становится важным фактором, влияющим на образование, политику и общественную сферу. В связи с этим встает вопрос о возможности и степени совместимости религии и академического дискурса.

Существует два уровня данной проблемы: частный и общий. Частный подразумевает рассмотрение того, как религия и академический дискурс совмещаются в сознании отдельного индивида. Примером того, как реализуется это совмещение, являются такие известные западные ученые, как А. Ацель [1], Б. Хайш [2], Ф. Коллинз [3], Д. Полкинхорн [4]. Они совмещают эти две сферы, с одной стороны, на уровне индивидуальном, будучи учеными и верующими одновременно. Так, Ф. Коллинз принадлежит к евангельским христианам. С другой стороны, они занимаются проблемой совместимости религиозных догматов и научных теорий, о чем будет сказано ниже. Совмещение академического дис-

курса и религии на индивидуальном, таким образом, не представляет проблем.

Проблематика совмещения религии и академического дискурса на общем уровне связана с тем, что современный мир находится в стадии перехода от парадигмы модерна к парадигме постмодерна.

Первая подразумевает несовместимость этих двух сфер. Примером такой позиции на Западе служат такие личности, как Р. Докинз [5], К. Хитченс [6], С. Харрис [7]. Они исходят из бинарных оппозиций «наука – религия» и «рациональное-иррациональное», где наука связана с рациональным, а религия – с иррациональным. Ложность такого подхода была раскрыта в работах А. Ацеля, Б. Хайш, Ф. Коллинза и Д. Полкинхорна. Они говорят о принципиальной различности сфер науки и религии: первую интересует вопрос того, как что-либо произошло, вторую – почему что-либо произошло. Вопрос проблематики существования Бога они выносят за пределы компетенции ученых в силу того, что наука занимается лишь той реальностью, которая доступна чувствам и разуму. Религия, по их мнению, говорит о реальности трансцендентной, что исключает противоречия между наукой и религией. Они развивают эту мысль, говоря о тенденциозности и предвзятости выводов Докинза, Харриса и проч. Ф. Коллинз, критикуя последнего, в частности останавливается на опросе Докинзом членов королевского общества. В результате опроса Докинз приходит к выводу о том, что большинство членов королевского общества – атеисты. Этот опрос, как утверждает Коллинз, был проведен с предвзятостью, а потому не может служить базой для каких-либо обобщений. Позиция Коллинза и прочих состоит в том, что религиозные догматы и научные теории могут совмещаться без ущерба и для науки, и для религии. Ф. Коллинз дает пример такого совмещения в астрономии. Он говорит о том, что теория Большого взрыва и представления о создании мира Богом могут сочетаться, если допустить, что сам взрыв был спровоцирован Богом.

Примеры такого совмещения находятся в двух плоскостях: исторической и концептуальной. Историческими примерами этого совмещения могут служить И. Ньютон и Г. Кантор. И. Ньютон, создатель классической механики, говорил о том, что агентом,

распространяющим гравитацию, является Бог [8, 9]. Г. Кантор, создатель теории множеств, утверждал, что множества являются мыслями Бога [10].

Концептуально возможность такого совмещения раскрывается через философию постмодерна, которая говорит о смешении языков. Наука и религия как сферы, обладающие собственными языками и собственными понятийными аппаратами, таким образом, могут быть совмещены. Проблема совмещения религии и академического дискурса лежит не в области теории или практики науки и религии. Проблема связана с мировоззренческими позициями отдельных индивидов.

Для западного общества примерами таких индивидов может служить Р. Докинз, для российского – В. Гинзбург. Для России совмещение религии и академического дискурса усложняется советским подходом к рассмотрению религии как сферы негативной, противоположной научной и иррациональной сферам духовной и интеллектуальной жизни человека.

Литература

1. *Ацель А.* Почему наука не отрицает существование Бога? М. : Иностранка, 2015. 256 с.
2. *Хайш Б.* Теория Бога. Доказательство существования Бога в современной науке. М. : София, 2010. 224 с.
3. *Коллинз Ф.* Доказательство Бога. Аргументы ученого. М. : Альпина нон-фикшн, 2008. 216 с.
4. *Полкинхорн Дж.* Вера глазами физика. М. : Библ.-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 1998. 232 с.
5. *Докинз Р.* Бог как иллюзия. М. : Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2015. 560 с.
6. *Хитченс К.* Бог не любовь. Как религия все отравляет. М. : Альпина нон-фикшн, 2011. 368 с.
7. *Харрис С.* Конец веры. Религия, террор и будущее разума. М. : Эксмо, 2011. 496 с.
8. *Любищев А. А.* Наука и религия. СПб. : Алетея, 2008. 360 с.
9. *Snobelen S.D.* The Theology of Isaac Newton's Principia Mathematica: A Preliminary Survey [Электронный ресурс]. URL:

<https://ru.scribd.com/document/319205085/The-Theology-of-Isaac-Newton-s-Principia-Mathematica-pdf> (дата обращения: 22.03.2017).

10. Любичев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб. : Алетея, 2008. 256 с.

УДК 304.2+303.093.7

Сатыбалдина Диана Кайратовна,
магистрант 2-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ВРЕМЯ, НЕ ПОТРАЧЕННОЕ ВПУСТУЮ: К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ МОБИЛЬНОСТЯХ

В данной работе автор рассматривает проблему мобильности и иммобильности: возможности и специфику практик, реализуемых во время участия в мобильных процессах. Указывается зависимость времяпрепровождения людей от вида мобильности, в которой они участвуют.

Ключевые слова: мобильность; иммобильность; транспорт; времяпрепровождение.

Satybaldina Diana Kayratovna,
2-year student of the department of philosophy
Institute for Social and Political Science
Ural Federal University

NOT WASTED TIME: IN ADDITION TO QUESTION ABOUT MODERN MOBILITIES

In the article the problems of mobility and immobility are considered: possibility and specificity of practices which are realized in mobile process. The author marked the fact that the way of spending time by people depends on type of mobility they participated in.

Keywords: mobility, immobility, transport, amusement.

Насколько сильно мы погружены в окружающий мобильный мир? Мы мобильны настолько же сильно, как и наши технические устройства или нет? А. А. Филиппов подчеркивает следующее: «в нашем распоряжении находится много мобильных устройств, которые сконструированы именно так, чтобы их было легко перемещать, <...> они позволяют нам оставаться там, где мы находимся „здесь и сейчас“, чтобы достичь того и сделать то, что мы должны были бы сделать, не приводя в движение наши тела» [1]. Также он отмечает появление «немест» (пробки, транспорт, остановки), в них «почти невозможна целесообразная деятельность, точнее, она возможна и здесь только как препровождение времени, а не как то, что диктуется логикой места» [1]. Обращаясь к исследованию Дж. Урри и Л. Уоттс, поначалу мы можем найти рассуждения, подтверждающие мнение А. А. Филиппова: «время и место передвижения, таким образом, стали широко восприниматься как бесполезные, они отнимают время от экономически полезной работы. „Стационарное“ время, с другой стороны, рассматривается как значимое» [2, р. 862]. «Стационарным» авторы называют осознанное время, или то, которое можно практически использовать. Далее они приводят данные о том, чем занимаются пассажиры во время поездки: «чтение для удовольствия (34 %); глядеть в окно/рассматривать людей (18 %); и работа/учеба (13 %)» [2, р. 863–864], но более важно для нас, что «около 70 % пассажиров рассматривают свое путешествие как время, которое можно использовать» [2, р. 863–864]. Изучение вопроса о предварительном планировании поездки показало, что среди пассажиров были и те, кто «рассматривали время в поездке как время „для пользы“» [2, р. 863–864]. По мнению авторов, следует пересмотреть подход к оценке времени в пути как мусорного. Это время является переходным между различными социальными отношениями и практиками, «единственным временем, которым они (пассажиры) действительно обладали в течение дня» [2, р. 866], поэтому можно утверждать, что человеческие мобильные практики не полностью диктуются логикой места.

Человек начинает осваивать микропространства рядом с собой. Урри, описывая «запакованных» и «неупакованных» пасса-

жиров, показывает, что «запакованные пассажиры настроены на ожидание в транзитных зонах и на мобильность <...>, они имеют место с ограниченными возможностями для практики. Неупакованные пассажиры – <...> человек с имуществом в форме <...>, которая сама по себе сравнительно неподвижна. Артефакты для использования в пути находятся в руке (сборник рассказов, телефон, вода)» [2, р. 870]. Мобильные устройства дают возможность быть более мобильным. Теперь даже запакованный пассажир, используя свой гаджет, расширяет ограниченный набор практик, приписанный временем в пути и логикой «транспортного» пространства.

Также исследователи вводят понятие «гавани» – своеобразной тихой пристани, где человек может восстановить силы, не затрачивая дополнительные силы на поддержание социальных связей. Обратившись к «Герменевтике субъекта» М. Фуко, мы можем сказать, что субъекта можно считать мобильным и по отношению к самому себе: «он, этот субъект, должен двигаться к чему-то такому, что есть он сам. Перемещение, траектория, усилие, движение – все это должно быть учтено, когда мы говорим об обращении на себя» [3, с. 274]. А с другой стороны, эта мобильность к самому себе является репрезентацией практик человека на протяжении всей жизни: «метафора мореплавания, заключающая в себе много смыслов. Первое: это, конечно, представление о некотором пути, действительном перемещении из одной точки в другую. Во-вторых, <...> это перемещение осуществляется по направлению к какой-то цели <...>. Эта цель – пристань, гавань, надежное убежище от всяких невзгод. Путь к себе – всегда некая одиссея» [3, с. 274–275].

Получается, что в рамках мобильной теории мы можем считать заявленные «гавани» убежищем от мобильного мира и мобильных практик, без которых человек с трудом закрепляется в существующем социальном порядке: преодоление и освоение практик мобильности служит формированию идентичности и индивидуального восприятия мира. Также, переосмысливая Фуко, можно говорить о существовании «внутренней мобильности» человека, представленной процессом рефлексии и самопознания, которые приводят к становлению личности.

Литература

1. Филиппов А. А. Парадоксальная мобильность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/paradoksalnaya-mobilnost>.
2. Watts L., Urry J. Moving methods, traveling times. *Environment and Planning D: Society and Space* 2008. Vol. 26. P. 860–874.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 680 с.

УДК 141

Сидорова Полина Сергеевна,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ДЕТСТВО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ АРНОЛЬДА ГЕЛЕНА

Представитель философской антропологии Арнольд Гелен вводит понятие «долгого детства», называя его важнейшим видовым преимуществом человека, так как детство оказывается необходимым условием для выживания и развития человека, своеобразным пространством для накопления опыта, благодаря которому человек может достигнуть высоких ступеней развития.

Ключевые слова: антропология детства; философская антропология; «долгое детство»; «недостаточное существо».

CHILDHOOD AS A KEY TO UNDERSTANDING HUMAN NATURE IN THE PHILOSOPHY OF ARNOLD GEHLEN

The representative of the philosophical anthropology of Arnold Gehlen introduces the concept of «the long childhood», calling it the most important species of man's advantage, as childhood is a necessary condition for the survival and development of man, a kind of space for the accumulation of experience through which man can attain high levels of development.

Keywords: anthropology of childhood, philosophical anthropology, a long childhood.

Арнольд Гелен (1904–1976), немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии, подвергал критике умозрительность прежних учений о человеке. Он считал, что философская антропология, как всякая наука, должна брать свои понятия из фактов, а ее высказывания должны быть эмпирически научные. Наука о человеке должна быть не «метафизической», а «всеохватывающей». Отдельные науки (морфология, физиология, физиология чувств, психология), по мнению философа, тоже занимаются человеком, но они исследуют только определенные стороны «этого самого сложного изо всех предметов», отвлекаясь от остальных. Философская антропология должна рассматривать человека как целое, пользуясь материалом отдельных наук и выходя за их пределы.

Чтобы выстроить такую картину человека, в которой он бы рассматривался как целое, Гелен использует в своем исследовании «психофизически нейтральные» понятия и выражения, так как только с их помощью «отдельные признаки (безразлично, внутренние или внешние) вступают в соотношение друг с другом таким образом, что они образуют биологически понятную связь» [1]. Такие «психофизически нейтральные» понятия – действие,

культура, сообщество. Но ключевым и системообразующим понятием является – действие.

Человек – существо действующее, именно его активная деятельность по преобразованию мира позволила ему выжить и организовать приемлемую для него среду обитания. Действие формирует человека, и результаты его деятельности многое говорят о нем самом. Интересен и тот факт, что примерно в это же самое время с аналогичными идеями выступает и психоанализ. Главный тезис психоаналитического учения заключается как раз в том, что мы представляем собой не что иное, как сумму всех предшествующих действий и связанных с ними переживаний. Поэтому причины всех взрослых проблем и психологических неразрешимостей стоит искать в прошлом, а именно в детстве.

Но если эта идея ясно и понятно артикулирована в психоанализе, то в рамках философской антропологии значение детства так и остается не раскрытым. Философские антропологи не сосредотачиваются на понятии детства, фокусируясь в основном на более глобальных проблемах: раскрытие сущности человека, специфическое отличие в способе существования человека и животных, место человека в мире и др. Таким образом, проблема заключается в раскрытии основополагающей роли детства в философской антропологии.

При изучении значения понятия «долгое детство» в философии Арнольда Гелена, было выяснено, что «долгое детство» оказывается важнейшим преимуществом человека. В своем исследовании, исходя из понятия действия, философ установил, что человеку, чтобы выжить, надо действовать, но его поведение не должно быть инстинктивным, запрограммированным, как у животных. «Долгое детство» оказывается периодом, в течение которого происходит накопление опыта, овладение тем, что унаследовано быть не может, зато поведение приобретает большую изменчивость, а это позволяет лучше приспособливаться к изменяющимся условиям существования.

Понятие «долгого детства», обоснованное Геленом, позволяет объяснить наделение детства сверхценностью, которое происходит в современной культуре. В каком-то смысле длительность пе-

риода, на протяжении которого общество может позволить детям оставаться «детьми», может восприниматься как критерий культурной эволюции социума.

Литература

1. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. № 3. С. 37–51.

УДК 141

Султанов Данис Марсович,
бакалавр 2-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

СУБЪЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПРАГМАТИКИ КАРЛА-ОТТО АПЕЛЯ

В статье анализируется философия Карла-Отто Апеля. Производится параллельный разбор систем Канта и Апеля. Дается оценка его концепции интерсубъективности, рассматривается правомерность философии языка Апеля как трансцендентальной философии.

Ключевые слова: философия языка; интерсубъективность; прагматика; трансцендентальная философия; трансцендентальный прагматизм.

Sultanov Danis Marisovich,
Student of the department of philosophy
Ural Federal University

THE SUBJECT IN KARL-OTTO APEL'S TRANSCENDENTAL PRAGMATICS

The article provides the analysis of philosophy of Karl-Otto Apel. Apel's philosophy analyzed simultaneously with Kant's transcendental idealism.

Apel's concept of intersubjectivity provided with its assessment, the legitimacy of its self-naming as transcendental philosophy undergoes the examination.

Keywords: philosophy of language, intersubjectivity, pragmatics, transcendental philosophy, transcendental pragmatism

Система критической философии Иммануила Канта в последовательном разборе познавательных способностей, через анализ чистого и практического разума, в последней из «великой триады» книге подошла к проблематизации способности суждения как способности, опосредующей в некотором смысле правильную предикацию. Сама аналитика подступает к вопросу о всеобщей субъективности и необходимой сообщаемости как к моментам, присутствующим в работе способности суждения.

В наши дни (расширительно понимая этот временной промежуток: в современной философии) «лингвистический поворот» обозначил отступление к исследованию форм выражения как к возможному способу отхода от «метафизичности» в философии. В ситуации, когда подступы на позициях, обозначенных Кантом, могут быть усилены за счет концептуальных наработок в философии языка, трансцендентальный подход к сообщаемости/всеобщей субъективности, однако во вполне кантовском курсе на построение метафизики как науки заброшен не был. Программа трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апеля видится одним из таких мостов к сближению разноречивых позиций [1]. Детерминация языка мышлением, равно как и мышления языком, в равной степени ошибочны и для Апеля, противоположность обеих возможностей может быть снята анализом коммуникативного априори.

Помимо ознакомления и дальнейшего введения философии Апеля в более широкий круг читателей, исследование предполагает обозначить горизонты, с одной стороны, возможной актуализации трансцендентальной философии, с другой – обозначить потенциальные концептуальные точки схождения аналитической философии и континентальных традиций.

Литература

1. *Апель К-О.* Трансформация философии. М. : «Логос», 2001. 344 с.

УДК 791.43.01+159.954

Темлякова Алина Сергеевна,
аспирант кафедры истории философии,
философской антропологии,
эстетики и теории культуры департамента философии
Уральского федерального университета

КИНО КАК КОНСТРУКЦИЯ ВООБРАЖЕНИЯ

В статье рассмотрены истоки появления кинореальности. Проанализирована категория воображаемого в концепции Г. Башляра. Дано определение гиперреальности в трактовке Ж. Бодрийяра. Сделан вывод о все большем замещении реальности гиперреальностью.

Ключевые слова: кинореальность; воображаемое; гиперреальность; философия кино.

Temlyakova Alina Sergeevna,
Post-graduate student of the department of philosophy
Ural Federal University

CINEMA AS A CONSTRUCTION OF THE IMAGINATION

The article reveals the origins of the appearance of cinema reality. And it analyzes the spheres of the imaginary (Gaston Bachelard) and hyperreal (Jean Baudrillard). The conclusion is that the last category one is replacing reality increasingly.

Keywords: cinema reality, imagine, hyperreality, philosophy of philm.

Истоки происхождения кинореальности, ее возникновения теряются и переплетаются с двух аспектов – техническом (изобре-

тение киноаппарата братьями Люмьер) и социальном. Оставим в стороне рассуждения о технической части вопроса и сконцентрируемся на движении жизни, движении умов, чьи идеи не могли не попасть на киноплёнку и не быть высвеченными на экране кинотеатра, а именно – на вопросе воображения. В данной статье будет опробован подход к философии кино по пути, начальной точкой отсчета которого выступает проблема происхождения кинореальности, а именно соотношение между реальным и воображаемым, а также ирреальным. То есть мы коснемся вопроса человеческого мышления.

Сегодня, когда миры реального, ирреального, виртуального и кинореального, а также воображаемого создаются, пересекаются и возобновляются, а также исчезают с бесконечной скоростью, особенно остро стоит проблема выявления специфики мира кинореальности, которая находит свои истоки в воображении режиссера. Так, французский поэт и писатель Робер Деснос определяет кино как искусственное воображение: «Мы отправляемся в сумрак кинозалов на поиски искусственных мечтаний...» [1]. Как отмечает Маршалл Маклюэн, весь XIX век в известном смысле завершился появлением кино и принятием утверждения, что мир снов лучше и богаче реальной жизни [2].

Для точного определения онтологического статуса кинореальности следует обратиться к философскому пониманию реальности и воображаемого. Кино находится в сфере воображаемого, воображаемо воплощенного и призрачно представленного в реальности.

Воображение, согласно Башляру, это не способность творить образы из реальности; воображение – способность творить образы, выходящие за пределы реальности [3]. Воображение изобретает больше, чем просто явления и драмы, оно изобретает то, в чем есть дух новизны; оно раскрывает глаза, уже владеющие новым типом видения. Воображение подвергает переплавке любые воспоминания. В то же время мы храним в памяти микрофильмы, которые можем прочесть, только если их осветит живой свет воображения. Здесь фильм понимается как запечатленное в памяти

событие, которое мы можем воспроизвести при помощи воображения.

Согласно Бодрийяру, сегодня реальное и воображаемое слились в одно операциональное целое, и во всем присутствуют эстетические чары [4]. Стоит упомянуть и о специфике реальности в гиперреализме, в тщательной редупликации реальности, особенно опосредованной другим репродуктивным материалом. Таким образом, вместо объекта репрезентации мы имеем экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность. По замечанию Бодрийяра, коэффициент реальности пропорционален запасу воображаемого, которое и придаст ей ее удельный вес. Когда пределы некогда ограниченного мира отодвигаются в бесконечность, то из него истекает реальность, то есть внутренняя связность.

Система массовой коммуникации, и в том числе кинематограф, по мнению Бодрийяра, играет все большую роль в нашем восприятии действительности. Оно больше не является непосредственным, а постепенно заменяется симуляцией, в то время как отдельные объекты превращаются в так называемые симулякры. Конечный вариант этого процесса – гиперреальность, которая во все не нуждается во внешних референциях и способна существовать в отрыве от реального мира.

Литература

1. Деснос Р. Когда художник открывает глаза... Заметки о живописи и кино 1923–1944. М., 2016. 204 с.
2. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012. 224 с.
3. Баиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : «Добросвет», 2000. 387 с.

Тимофеева Маргарита Евгеньевна,
бакалавр 3-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ОНТОЛОГИЧНОСТЬ БЕЗУМИЯ И СПОСОБЫ ПРИНЯТИЯ

Безумие рассматривается в качестве онтологического феномена, выявляются подходы к нему как таковому в истории философии и культуре в целом. Существующие подходы проблематизируются как признающие за нерациональным некое отклонение от нормы; освещаются негативные последствия такого отношения. Предлагается возможный вариант решения проблемы.

Ключевые слова: безумие; бессознательное; дорациональное; незнание; норма; отклонение.

Timofeyeva Margarita Evgenyevna,
Student of the department of philosophy
Ural Federal University

ONTOLOGY OF INSANITY AND WAYS OF TAKING

The insanity is considered as an ontological phenomenon; identify approaches to it as such in the history of philosophy and culture in general. Existing approaches are problematized as recognizing a certain deviation from the norm for irrationality; identify some negative consequences of this attitude. A possible solution is suggested.

Keywords: insanity, unconscious, norm, deviation.

В философских словарях даются негативные определения безумия как психического или душевного состояния, поведения, противоположного разумности, синоним безрассудности. В то же время безумие традиционно выступает как отклонение от нормы, общепринятого стандарта поведения и состояния человека, и потому зачастую носит негативную эмоциональную окраску, тогда

как рациональность оценивается позитивно. Это указывает на такую важную проблему для западной культуры, как то, что в своем стремлении к постижению действительности мы игнорируем важнейшую ее часть или, как станет ясно позднее, конституирующий элемент, называемый в истории философии по-разному: Бессознательное, Внеположенное, Дорациональное, Незнаемое. За неимением соответствующего подхода работа с ним невозможна, и это, в свою очередь, приводит к проблемам, оказывающим влияние на отношения человека с самим собой и окружающим миром.

Согласно М. Фуко, любой культуре свойственны запреты, и человек начинается не со свободы, а с непреодолимого предела [1, с. 141]. В частности, предел и ограничение составляют ядро западной культуры. То же имеет в виду К. Г. Юнг, когда пишет о том, что человечество все стремления всегда направляло на укрепление сознательного против бессознательного [2, с. 92]. Рационалистический характер выражается как раз в стремлении ограничить, упорядочить, систематизировать, классифицировать, придать некоторую оформленность. Однако форма бессодержательна, значит, имеет место предшествование чего-то еще не оформленного, своеобразного основания, которое с неизбежностью оказывается иной природы, в чем мы убеждаемся при рассмотрении множества примеров замещающих друг друга оснований, выделяемых при построении рациональных объясняющих систем в истории философии.

Об этом «предшествовании», которое имеет характер онтологический, а не логической последовательности, как раз пишет Хайдеггер, обнаруживая круг, в котором мы движемся, спрашивая о бытии [3]. Также Деррида говорит о некоем предшествующем даже онтико-онтологическому различию Хайдеггера различии как движении по созданию смысла путем ограничения исходной бессмыслицы [4].

Данными концепциями бессмыслица утверждается как исходная. Это становится возможным, поскольку в XIX–XX вв. мы имеем дело с совершенно другим отношением к неизвестному, темному, нерациональному, безумному человеческой природы, которое выступает как на индивидуальном субъективном, так и на объек-

тивном уровнях. Данное заявление иллюстрируется концепцией бессознательного К. Г. Юнга.

Согласно Фуко, безумие обозначает пустоту, из которой исходит творение [1, с. 146]. Западная культура избегает пустоты.

В культуре к отклонениям в речи и поведении всегда имелось двоякое отношение, однако оба они сводятся к страху перед Незнаемым и являются попытками с ним справиться. В одном случае речи безумцев отбрасывались, за ними признавалась полная бессмыслица, которая не стоит пристального внимания. В то же время имела место позиция, которая предполагала вслушивание и признание решительной значимости подобных высказываний и действий. Они наделялись мистическим ореолом исключительности, уникальности, чрезвычайной переполненности смыслом, который, однако, не был доступен каждому. В обоих случаях мы имеем дело с тем, чему не можем дать внятного объяснения, и признание факта этой невозможности вынуждает нас пытаться объяснить необъяснимость. Это представляется более реальным, потому как сознание наиболее доступно для нашего анализа.

В попытке показать невозможность объяснения Запредельное сводится к пустоте либо к исчерпывающей полноте смысла, что на деле оказывается одним и тем же, поскольку оно заранее признается отклонением, и это приводит к одинаковым, губительным для нас, результатам: боязни и избеганию ответственности, бессилию, пассивности, ограниченности взглядов и многому другому, – в силу которых невозможно постижение многогранной реальности в ее полноте.

Для решения данной проблемы нам следовало бы не заниматься созданием объяснений путем поиска разумных оснований, который не способствует обретению смысла. Первым шагом должно стать *осознанное* принятие своего страха перед неизвестностью, а затем Незнаемого как данности. Осознанного, потому как принятие осуществляется нами также в каждом из двух случаев, однако невидимым для сознания образом. Иными словами, необходимо сделать более гибкими границы нормы. Только после этого станет возможна работа с Бессознательным, взаимодействие, которое, несомненно, оказывается плодотворным, и «все то, что сегодня

мы переживаем как нечто предельное, или странное, или невыносимое, достигнет безмятежной позитивности» [1, с. 137].

Литература

1. Юнг К. Г., Фуко М. Безумие, отсутствие творения // Матрица безумия. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. 384 с.
2. Юнг К. Г., Фуко М. Об архетипах коллективного бессознательного // Матрица безумия. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. 384 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. 5-е изд. М. : Академ. проспект, 2015. 452 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. ст. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 540 с.

УДК 772+316.74:7+159.937

Филиппова Мария Валерьевна,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ОДЕРЖИМОСТЬ ТЕЛОМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ, СВОБОДА И ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОСТИ

Рассматриваются проблемы телесности в рамках повседневной культуры современной Европы. Автор формулирует вопросы, которые касаются критериев персональной идентичности, границ индивидуальной телесности и свободы конституирования тела.

Ключевые слова: телесность; интерсубъективность; персональная идентичность; другой; индивидуальность.

POSSESSION OF CORPOREALITY IN MODERN EVERYDAY CULTURE: IDENTIFICATION, FREEDOM AND AMBIT OF CORPOREALITY

In the article the problems of corporeality in modern everyday culture are being examined. In particular, the personal identity and ambit of the corporeality are considered. The author raises the question of freedom of constitution of the body.

Keywords: corporeality, intersubjectivity, personal identity, other, individuality.

В философской традиции под влиянием сначала схоластики, а затем картезианской мысли тело оставалось в стороне от исследования. XX век преодолевает субъект-объектные отношения, предлагает отказаться от дихотомии души и тела и вводит такое понятие, как «телесность». Тело начинает пониматься не как объект или совокупность органов, а как неосознанный горизонт человеческого опыта, существующий до всякого определенного мышления. Телесность оказывается изначальной по отношению к природным и культурным объектам, связанной с бессознательным и включенной в социальные культурные формы.

В современной повседневной культуре Европы наблюдается повышенный интерес человека к своему телу. Обращение к повседневной культуре предполагает описание интерессубъективной реальности, обладающей определенной системой ценностей, в которую телесность вписывается особым образом. Интерессубъективность понимается как структура индивидуального сознания, отвечающая факту существования других индивидов.

В связи с глобализацией европейской культуры возникает потребность в переосмыслении понимания индивидуального существования человека в массовом обществе. Взаимопроникновение различных национальных культур, отсутствие жесткой социаль-

ной стратификации заставляет современного европейца находиться в режиме постоянного поиска своей личности. В поисках персональной идентичности человек становится ориентированным на свою телесность, тело начинает пониматься как основной инструмент социокультурных практик. Тело мыслится как способ конституирования своего собственного «Я» за счет проекции «Другого». Телесность своего собственного «Я» собирается на «Другом» – тезис, предложенный Фрейдом и разработанный затем в теории Лакана в стадии зеркала, в результате которой раздробленное тело осознается целостным в отчуждении от себя самого и в отчуждении «Другого». Переживания «Другого» никогда не даны человеку непосредственно: можно только гипотетически реконструировать их содержание по внешним проявлениям, а значит, благодаря телу. В связи с этим возникают целый ряд вопросов: что есть тело? какую роль оно играет в персональной идентификации? где проходят границы индивидуальной телесности?

На первый взгляд можно сказать, что культура XX века освобождает человеческую телесность от внешних социальных норм и правил поведения, принимая тело как неотъемлемую, даже основополагающую, часть человеческой природы, тем самым уравновешивая в правах тело и душу. Действительно, сегодня человек сам волен выбирать себе собственное тело, используя современные технологии и практики, но здесь за внешней, казалось бы, свободой скрывается контроль внутренних. Обнаруживается, что человеческое тело, конституируемое посредством «Другого» в интерсубъективной реальности, оказывается регламентированным внутренними механизмами самосознания, которые, в свою очередь, напрямую зависят от социальной среды. Таким образом, только что обретенное собственное тело оказывается вовсе чужим, отданным социуму, а не своим собственным, мне принадлежащим.

Тем самым перед исследователем возникает целый ряд проблем, связанный с сегодняшней одержимостью телом в современной повседневной культуре Европы.

Чекулаев Сергей Владимирович,
магистрант 1-го курса
департамента философии
Уральского федерального университета

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ДЖ. МИЛЛЯ

Данная работа посвящена переосмыслению концепции индивидуальной свободы Дж. Милля. Его либеральные идеи обретают новый смысл при применении их к современному политическому дискурсу. В работе показаны его основные идеи и принципы, а также поставлен ряд вопросов.

Ключевые слова: Дж. Милль; свобода; либерализм; индивидуализм.

Chekulaev Sergey Vladimirovich,
Master student of the department of philosophy
Ural Federal University

RETHINKING OF THE CONCEPT OF INDIVIDUAL LIBERTY IN THE LIBERAL TRADITION OF J. MILL

The article is devoted to a rethinking of Mill's concept of individual liberty. His liberal ideas are gaining a new sense in applying them to contemporary political discourse. His main concepts, principles and related issues will be described in this article.

Keywords: Mill, liberty, liberalism, individualism.

Динамика современного мира определяет те вызовы, с которыми сталкиваются демократически развитые государства, для которых стремление к свободе и справедливости является высшей ценностью. Относительно них выстраиваются формы политического управления, механизмы гражданского участия, права и обязанности, способы контроля власти и другие значимые социальные практики. Несмотря на довольно плодотворное философское

осмысление понятия «свободы» на протяжении многих столетий, нынешний усложняющийся мир определил условия существования разнородных социальных общностей, которым требуется четкое понимание того, как им организовывать свою жизнь для прогрессивного развития цивилизации. Ответ на этот вопрос дал еще в XIX веке Дж. Милль в своей работе «О свободе» [1]. Тем не менее требуется определенный пересмотр его фундаментальных идей, определивших становление либеральной традиции. Попытаемся далее понять значение его вклада, а также те вопросы, которые обретают новые смыслы в современной парадигме человеческого существования.

Дж. Милль в трактате «О свободе» попытался определить основные принципы индивидуальной свободы в контексте своего исторического анализа государственного развития. Он видит в развитии человеческой индивидуальности основу прогресса, что возможно только в свободном обществе. Милль отмечал, что за долгий промежуток времени многие страны произвели качественный скачок в понимании взаимоотношений государства и общества, что в конечном итоге привело к появлению такого феномена, как представительная демократия. Была преодолена оппозиция между властью и гражданским обществом в силу того, что власть как таковая стала слугами народа, а не хозяевами, как было ранее. На фоне этих институциональных изменений изменились не только отношения между властью и обществом, но также возникла проблема – сформированное «народное правление» стало представлять угрозу: «воля народа на самом деле есть <...> воля большинства <...> следовательно, народная власть может иметь побуждения угнетать часть народа, и поэтому против ее злоупотреблений также необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти». Появляется необходимость предупредительных мер против тирании большинства. Общество должно обеспечивать три типа свобод: безграничная свобода мысли и мнения, свобода планирования своей жизни, а также свобода объединения единомышленников для достижения общей цели. Для согласования индивидуальной свободы и общественного мнения необходимо следовать ряду принципов. Если свобода

слова должна быть безграничной в силу защиты и сохранения истины при открытых дискуссиях, то действия ограничиваются по принципу не причинения вреда другому. Общество или государство должно быть наделено полномочиями по предотвращению поведения, которое вредит другим, но не более того. Тем не менее личная жизнь индивида и его действия не подотчетны обществу. Свобода должна вести к различию, что есть условие истинного прогресса. Вторым важным принципом, ограничивающим свободу, является принцип моральной зрелости человека для возможности своего выбора.

Таким образом, концепция индивидуальной свободы в либеральной традиции основывается на принципе невмешательства в личную жизнь людей до тех пор, пока их деятельность не является опасной для других членов общества и моральной зрелости человека. Но здесь возникает вопрос: что может быть опасным в том или иной трактовке? Такая самозащита, как цель, при вмешательстве общества в чьи-либо дела должна обладать границами. Непресекающиеся споры вокруг этого принципа говорят об актуальности постановки вопроса: каким должен быть вред, чтобы общество вмешалось в деятельность человека? Тем не менее Миллю удалось сформировать основы для развития либерализма с человеческим лицом, утверждая, что индивидуальная свобода – это условия прогрессивного развития общества и стремление к благу, при которых любое вмешательство или ограничения являются препятствиями.

Литература

1. Милль Дж. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / пер. с англ. А. Н. Неведомского. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 696 с.

Шульмин Игорь Александрович,
ассистент департамента философии и религиоведения
Школы гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета

СУБЪЕКТИВАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

В контексте постструктуралистского подхода рассматривается проблема демаркации человеческой субъективности и субъекта интернет-дискурса, с одной стороны, демаркации субъекта интернет-дискурса и собственно дискурса – с другой. Автор ставит вопрос о возможности освобождения пользователя социальной сети с точки зрения концепции «заботы о себе» М. Фуко.

Ключевые слова: Фуко; субъект; субъективация; субъективность; забота о себе; социальные сети.

Shulmin Igor Aleksandrovich,
Assistant of the department of philosophy and religion
Far Eastern Federal University

SUBJECTIFICATION THROUGH SOCIAL NETWORKS AND THE PROBLEM OF IDENTITY

Within the framework of post-structuralist approach the problem of demarcation of human subjectivity and the subject of an Internet discourse is considered on the one hand and demarcation of the subject of an Internet discourse and peculiarly a discourse is considered on the other hand. The author poses a question of a possibility of social networker's release in the Michel Foucault's concept «self-care».

Keywords: Foucault, subject, subjectivication, subjectivity, self-care, social networks

Растиражированные в постмодернистской литературе «смерть человека», «смерть субъекта» и «смерть автора» стали

общим местом в современном философском дискурсе, однако данное обстоятельство не снимает вопрос о человеческой субъективности, а только усугубляет его. Дискурс социальных сетей позволяет пересмотреть статус субъекта в информационном обществе, в частности механизм его самоидентификации. Заостряя вопрос, мы можем сформулировать проблему демаркации человеческой субъективности и субъекта интернет-дискурса, с одной стороны, демаркации субъекта интернет-дискурса и собственно дискурса – с другой.

Предлагаемая нами программа исследования базируется на постструктуралистском подходе, дискурс-анализе социальных сетей. Понимая под дискурсом не традиционную репрезентативную (языковую) систему, а «сеть властных отношений», отметим, что определение статуса субъекта находится в плоскости коммуникативных стратегий.

В соцсетях пользователи сталкиваются с деятельностью рекламодателей и маркетологов, изоморфной стратегиям самих пользователей. Если классические идеологии модерна гомогенизируют аудиторию с целью объединения и противопоставления другой аудитории, то интернет-маркетинг стремится максимально дифференцировать пользователей как социально, так и индивидуально. Это отвечает его стратегии максимальной символической (социальной) капитализации. В этой связи встает вопрос: как пользователям отстроить коммуникативные стратегии от изоморфных маркетинговых стратегий?

Подлинными коммуникативными стратегиями выступают лишь техники изменения себя, которые Фуко называл «заботой о себе» [1]. Пользователь конструирует виртуальную субъективность, отличную от «Я», маркированного в социальных практиках, т. е. создает вторичные фейковые анкеты. Эту виртуальную субъективность «Я» рекурсивно соотносит с собой и присваивает как самость. Таким образом, коммуникативная стратегия замыкается на производстве субъективности, а не на символическом обмене и производстве символического капитала.

Литература

1. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

УДК 141.155

Щекотова Екатерина Сергеевна,
магистрант 1-го курса департамента философии
Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета

ОТ ДАРВИНИЗМА К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ПОСТЧЕЛОВЕК В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В данной работе исследуется постгуманистическая концепция человека с помощью инструментария философской антропологии. С учетом влияния новых технологий на эволюцию живых организмов и изменения окружающей среды производится эпистемологическая переоценка базовых категорий дарвинистской эволюционной теории. Базовым концептом данного подхода является выявление сущности постчеловека и его ключевой характеристики – мутационной гибридизации.

Ключевые слова: биотехнологии; изменчивость; самоустановление; гибридизация; мутация; эволюция.

Shchekotova Ekaterina Sergeevna,
Master student of the department of philosophy
Ural Federal University

FROM DARWINISM TO TECHNOLOGICAL EVOLUTION: A POSTHUMAN IN A VIEW OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

In this paper, the posthumanist concept of man is studied using the tools of philosophical anthropology. Taking into account the influence of new tech-

nologies on the evolution of living organisms and changes in the environment, an epistemological reassessment of the basic categories of the Darwinian evolutionary theory is made. The basic concept of this approach is the identification of the essence of the posthuman and its key characteristic – mutational hybridization.

Keywords: biotechnologies, alterability, self-setting, hybridization, mutation, evolution.

Скорость и размах технологических изменений влияют не только на нашу непосредственную окружающую среду, но и на саму эволюцию человеческой жизни. Новые технологии – информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии, генная инженерия, достижения когнитивной науки, психотехнологии, робототехника и создание искусственного интеллекта – обещают изменить внутреннее строение человеческого тела и его наличную действительность. Эти научные достижения трансформируют структуру наших жизней и предъявляют новый мир, который мы должны исследовать и понять. В этом смысле инструментарий традиционной гуманистической теории кажется недостаточными для того, чтобы переосмыслить сущность человеческого в век биоинженерии, поэтому мы обратимся к концепциям философской антропологии для описания постчеловека в новую технологическую эпоху.

Постгуманистическая мысль и философская антропология отрывают перед нами новые перспективы понимания существования человека, поскольку технологии ГРИН (генно-, робото-, инфо-, нано-), судя по всему, обещают неисследованные и неожиданные пути эволюции всего живого, и прежде всего человека. Следовательно, необходимо обозначить новый антропологический горизонт эволюции человека, произвести эпистемологическую переоценку тех категорий, которые гуманистическая традиция использует для концептуализации переворота, который обозначился на пути от *homo sapiens* к современному человеку.

Однако до описания иного образа человека в постгуманизме требуется новая формулировка теории эволюции. Фактически новизна этого подхода состоит в том, чтобы пересмотреть дарвиновскую эволюцию с точки зрения понятий изменчивости, актив-

ного творческого отношения, пластичности, транспонирования и самоустановления в процессе развития организма. С этой точки зрения ясно, что для исследования человека мы должны учитывать прежде всего «технологическую эволюцию», так как главным компонентом взаимодействия между человеком и его окружающей средой становится влияние наукоемкого технологического производства. Человек находит новые эволюционные стимулы в технике вне своей биологической конституции, но эти изменения проникают в самую сущность человеческого организма.

Таким образом, наша гипотеза будет заключаться в том, что центральным эволюционным феноменом современности является то, что далее мы будем называть мутационной гибридизацией. Мы попытаемся исследовать возможности новой перспективы осмысления человеческой природы с точки зрения философской антропологии, обозначим ее достоинства и ограничения. В этом смысле интерпретация человека должна быть пересмотрена в соответствии с таким подходом, который ставит конъюнкцию тождественности и изменчивости как центральный элемент существования организмов. С точки зрения философской антропологии, человеку как существу «неспециализированному» необходимы силы, уравнивающие его незрелость и рискованность его конституции. Главной такой силой является его «способность к самоустановлению, к неутомимой импровизации все новых ответов на неисчерпаемые вызовы бытия» [1, с. 40] и тем самым к выстраиванию новых культурных способов приспособления к изменчивой окружающей среде.

Литература

1. Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 37–51.

Якимов Андрей Евгеньевич,
магистрант 1-го курса департамента философии
Уральского федерального университета

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИНЕМАТОГРАФА

В статье ставится вопрос о причинах культурной и социальной успешности кинематографа в современном обществе. На основании данного вопроса формулируется проблема выбора подхода к теоретическому анализу киноискусства. Также предпринимается попытка рассмотрения феномена кинематографа с помощью философско-антропологического и социологического подходов.

Ключевые слова: кинематограф; антропологический подход; социологический подход; массовый кинематограф.

Yakimov Andrey Evgenyevich,
Master student of the department of philosophy
Ural Federal University

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS OF CINEMATOGRAPHY

The article raises the question of the reasons for the cultural and social success of cinematography in modern society. On the basis of this question, the problem of choosing an approach to the theoretical analysis of cinematography is formulated. It is also an attempt to review the phenomenon of cinema with the help of philosophical-anthropological and sociological approaches.

Keywords: cinematograph, anthropological approach, sociological approach, mass cinematograph.

Кинематограф – это особый элемент медиасферы, зачастую кино – способ развлечения масс. На сегодняшний день кино является одним из самых успешных культурных явлений и в экономическом, и в социальном плане.

Проблема в том, с помощью какого подхода можно объяснить данный факт социальной и культурной успешности кинематографа. Для этого, на мой взгляд, необходимо рассматривать кино на стыке философско-антропологического и социологического подходов. Цель подобного рассмотрения – это прежде всего описание феномена кинематографа с помощью данных подходов.

Разные подходы принято разделять, но кино, на мой взгляд, это синтетический вид искусства, который является важным эстетическим, социальным, культурным и антропологическим явлением, поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от всех перечисленных сфер.

Нужно выделить специфические черты и признаки кино, которые его отличают от других видов искусства. Кино принято считать зрелищным, в оппозицию литературе. Н. Хренов в работе «Кино: реабилитация архетипической реальности» констатирует факт создания кинематографом новой эстетической реальности, которая основывается высвобождении архаичного [1]. Кино ближе всего к архаичным зрелищам и ритуалам (цирки, балаганы и т. п.), так как кинематографу присущ принцип программности. Это особый тип организации, противоположный принципу сюжетности, который свойственен литературе, так как подразумевает более свободное отношение между демонстрируемыми явлениями. Наше бытие в мире также строится на принципе программности, принцип сюжетности существует лишь в сознании человека. Кино тем самым претендует заместить собой реальность, создавая особую движущуюся знаковую структуру, симулякр реальности. Кино удовлетворяет потребность в иллюзионном сходстве искусства с реальностью.

В обыденной практике, с точки зрения Бурдьё, фотографирование – это ценностный взгляд автора, привилегировывание того или иного объекта [2, с. 147]. Бурдьё говорит про фотографирование, но я думаю, данная теория также приложима и к видеосъемке, а в частности к кинематографу. Таким образом, кино – это не только репрезентация архетипической реальности, но также социально-обусловленная практика репрезентации ценностей (крупные планы в кинематографе, акцент на вещах и организа-

ции пространства). Зачастую данные практики оценивания осуществляются бессознательно. С точки зрения Бурдьё, отношение к фотографированию различаются у разных классов, представители городского среднего класса пытаются отделить себя от других групп путем имитации вкуса и близости к искусству. Выбор фотографирования или кинематографа в качестве профессии больше свойственен выходцам из высшей страты среднего класса [2, с. 155]. Как пишет Гордон Грей в книге «Кино: визуальная антропология», кинематографисты существуют в социальном и культурном контексте, который они сами создают и существуют в постоянном диалоге с более обширным социальным контекстом [3].

В связи с этим кино – очень интересный материал для социологии и визуальной антропологии. Пользуясь Бодрийярской трактовкой общества потребления, можно говорить и о массовом кинематографе как о том, что осуществляет социальное контролирование путем соблазнов, убеждения, создания образов, стереотипов и определенных моделей поведения, а также конструированием все новых потребностей [4].

При дальнейшем рассмотрении кинематографа именно с точки зрения антропологии, социологии и медиафилософии можно выработать новую целостную схему философского анализа конкретных фильмов, поэтому у такого рассмотрения определенно есть перспективы.

Литература

1. Хренов Н. Кино: реабилитация архетипической реальности. М. : Аграф, 2006. 736 с.
2. Волков В., Харходин О. Теория практик. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с. (Серия «Прагматический поворот». Вып. 2)
3. Гордон Г. Кино: Визуальная антропология [Электронный ресурс]. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/7994-antropologiya-kino?utm_medium=search&utm_source=tnp.
4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академ. проект, 2007. 272 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Логинов А. В. Бесконечность интерпретации: многомерность общества и обществознание.....	3
Соколов С. В. Идея восточнославянского единства в российском историописании средневековья и раннего нового времени.....	7
Табаринцева-Романова К. М. Новый виток международных культурных отношений ЕС.....	12

Раздел второй

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Зиннатуллина Р. М. Перформативные средства создания спектакля (на примере российского театра).....	15
Пермякова О. В. Частные коллекции в публичном пространстве. О социальной значимости коллекционирования.....	18
Пруцких Е. Д. Социальная ангажированность современного искусства.....	21
Ризнычок И. А. Русские художники в США (1960–1980-е): проблема интеграции в контекст зарубежного искусства.....	24

Соколова Е. А. Кенго Кума. Новое видение японской деревянной архитектуры.....	27
Усолицева С. А. Актуальное искусство и зритель в Екатеринбурге в 1990-е гг.: стратегии взаимодействия.....	30
Черкасова Д. А. Художественный салон Гертруды Стайн в Париже (1910–1930-е) как международное коммуникативное пространство: знакомства, связи, влияния.....	33

Раздел третий ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Беспалова К. А. Роль капитана Садуля в переговорах в Брест-Литовске и Вологде в 1918 году.....	37
Булакова Е. А. Реконструкция образа жизни древнего общества (на примере поселения Каменный Амбар и могильника Неплюевский).....	40
Ветошкина Т. И. Цинское общество глазами Джона Томсона.....	44
Градковская Е. В. «Онна Дайгаку»: Пример для подражания японской женщине в эпоху Эдо (1603–1868).....	47
Жихарев Н. А. К вопросу о роли Югославской народной армии в распаде СФРЮ.....	49
Ившин В. С. Эволюция репрезентации образа Франции в манифестах Отечественной войны 1812 года.....	52
Костин Н. О. Инсигнии византийского императора: детали образа власти и их связь с богословской традицией.....	55
Масалева А. Ю. Образ английского рабочего середины XIX в. в произведениях Элизабет Гаскелл.....	58
Никифоров А. С. Роль студенческого движения в Хорватии в годы «Хорватской весны» 1968–1971 гг.....	61
Перевалова А. Н. Образ битвы при Ватерлоо в английской и французской художественной литературе второй половины XIX века.....	65
Сайфуллин Б. И. Федор Иванович Успенский как директор Русского археологического института в Константинополе 1895–1914 гг.....	68

Соловьев А. В. Конфликт в высшем руководстве Вермахта относительно дальнейшей судьбы Ленинграда.....	71
Судакова А. А. Кинематограф как исторический источник.....	73
Фейгин Д. М. Патриции и плебеи на должности курульных эдилов: просопографический анализ.....	77
Ширанова Е. А. Европейское академическое пространство XVIII–XIX вв.: трансграничное положение Прибалтийского края Российской империи.....	80
Бабаева М. Е. Социально-утопическая легенда о Беловодье в контексте исторического исследования.....	83
Бахарев Д. С. Водоснабжение Екатеринбурга в начале XX века: санитарные риски.....	86
Валов Т. В. Региональная политика правительства молодых реформаторов: общие тенденции и локальная специфика (на примере свердловской области).....	89
Вишневская А. В. Смертность в Екатеринбурге в начале XX века: опыт анализа метрических книг единоверческой Спасской церкви.....	92
Владимирова А. Е. «Дайте возможность жить и работать...»: характеристика лишенцев-контрреволюционеров по материалам личных дел (1918–1936).....	95
Гончарова Е. Н. Эксперимент в археологии: общая характеристика и перспективы.....	98
Заболотных Е. А. Солдатская синагога Екатеринбурга в XIX в.: история, численность, повседневная жизнь.....	102
Каштанов Д. Д. Формирование поведенческих установок в общественном сознании посредством периодической печати в 1934–1935 гг.	105
Кохановский А. А. Умеренные социалисты: особенности предвыборных кампаний 1917 года.....	109
Мельник Т. В. История изучения погребальных комплексов Барсовой Горы.....	112
Михеев И. А. Причины прорыва немецких войск к Москве в сентябре-ноябре 1941 года: фактор недооценки противника и переоценки своих сил советским командованием.....	115
Мосунова А. В. Ранние грунтовые погребения на р. Дуван.....	118

Накишова М. Т. Критерии социальной самоидентификации служивых людей в России во второй половине XVII в.....	122
Огуренко Е. В. Архивисты и архивное дело в тоталитарном обществе 1930–1940-х гг.....	125
Пименов П. С. О применимости концепции фронта к изучению истории Русской Америки.....	128
Рябов С. М. Докладная записка о Царе Московском: исторический источник через призму социальных отношений.....	131
Сидоркина Т. С. Концепция «мест памяти» на примере Президентского центра Б. Н. Ельцина.....	134

Раздел четвертый

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Алексеевская А. И. Лексические особенности записей блога Б. Акунина.....	138
Бурова А. П. Аксиологические установки в театральных блогах (на материале театров Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Омска).....	142
Ваторопина Е. В. Работа с художественным текстом на английском языке: из опыта проектной деятельности в средней школе.....	145
Воронина Е. С. Передача реалий в аудиовизуальном переводе (на примере сериала «Vikings»).....	148
Воронович Н. Е. Лингвистические особенности спортивного репортажа (на материале работы хоккейных комментаторов).....	150
Горячун Д. С., Фатхиева Е. М. Лексико-семантическое поле понятия «conflit» (на материале французской прессы).....	153
Ильина Ю. Е. Оппозиция «свое – чужое» в пространстве японского языка.....	156
Козынцева У. Н. Способы реализации социальной семантики в глаголах движения и перемещения.....	160
Линь Юньцзя Сравнительный лингвокультурологический анализ русских и китайских примет и суеверий с новогодним компонентом.....	162

Неугодникова Е. О. Обучение трансформациям в курсе теории и практики перевода: методика «арочного шва».....	167
Огородникова Е. А. Тропонимия и синонимия русского глагола в структуре электронных тезаурусов.....	170
Пестрецова П. М. Мультиmodalность в перспективе межкультурной коммуникации: применение методов мультиmodalных исследований в обучении китайскому языку.....	173
Пырикова Т. В. Транслитерация как инструмент расчета переводческой эквивалентности.....	176
Рогова Е. А. Противоречия организации самостоятельной работы студентов языкового факультета.....	179
Слыченко А. В. Интеллектуальные и личностные качества женщины в русских, казахских, английских пословицах как отражение национальных особенностей страны.....	182
Тумакова В. М. Компонентный анализ значения как способ выявления содержания концепта и смысловой структуры слов (на примере лексемы <i>sexism</i>).....	185

Раздел пятый

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Елкин М. Е. «Японо-американский договор (о взаимном сотрудничестве и гарантии) безопасности» и его влияние на японскую политику национальной безопасности.....	188
Зюлина Е. Ю. Позиция Франции на Обзорной Конференции ДНЯО 2015 г.....	191
Карушин Е. Г. Становление внешней политики Республики Казахстан.....	195
Мамин Н. В. «Исламское государство»: генезис, природа и перспектива распада.....	198
Мосина Т. А. Положение правозащитных НПО в Саудовской Аравии.....	202
Поспелова Т. В. Мультикультурализм и интеркультурализм: концепции, европейский опыт.....	205

Раюллина Т. Г. Проблема борьбы с наркотрафиком в Боливии в XXI веке.....	209
Синицына Е. И. Роль России в отказе Сирии от химического оружия.....	212
Тупоногова К. Ю. Международные механизмы защиты прав коренных народов.....	216
Хабарова А. А. Нагорный Карабах: перспективы разрешения конфликта.....	218
Шалагинова Е. А. Решоринг в США (на примере автомобильной промышленности).....	223

Раздел шестой

ПСИХОЛОГИЯ И НЕЙРОНАУКИ

Архипова В. А. Особенности интеллекта представителей различных типов МВТИ.....	226
Валиева Э. Р., Кунникова К. И. Методика оценки развития механизмов внимания у недоношенных младенцев.....	229
Васькова Д. Н. Нейроусиление человека: я ли это?.....	233
Елфимова А. Н. Мотивации молодых спортсменов на достижение результатов на соревнованиях.....	236
Ильясова Э. Н., Прейс А. В., Комарова М. Ю. Сравнительный анализ жизнестойкости у студентов и пожилых людей.....	239
Лебедева Ю. В., Вахрушева Д. М. Формирование жизнестойкости личности в спорте.....	243
Муртазина М. А. Исследование влияния мультфильмов на игровую деятельность детей.....	245
Надеев И. А., Майорова Я. В. Исследование жизнестойкости студентов.....	248
Петухова А. С. Взаимосвязь жизнестойкости и качества жизни в юношеском возрасте.....	251
Сергеева А. О., Куваева И. О. Копинг-стратегии у студентов юридического ВУЗа.....	253
Усольцева Д. К. Образование как фактор формирования жизнестойкости людей с ограниченными возможностями здоровья.....	257

Чебыкина О. Е. Программа социально-психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья.....	260
Шипилова Ю. Д. Изучение самооценки у младших подростков с легкой степенью умственной отсталости.....	262

Раздел седьмой

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Гасымова Р. Н. Стигматизация детей, имеющих нарушения слуха.....	266
Зиннатуллина Р. Р. Роль социальной среды в социальной адаптации ВИЧ- и СПИД-инфицированных людей.....	269
Зыкова Н. Е., Строганов В. Б. Социальные сети: инструмент политической социализации или канал манипулирования политическим сознанием в интернете.....	272
Ильиных В. А. Мотивационные инструменты руководителя в современном обществе.....	275
Качесова А. И. Психологические факторы конкурентоспособности выпускников вузов на современном рынке труда.....	278
Лукичева Ю. В. Актуальные проблемы организации волонтерской деятельности в образовательной среде.....	282
Марьянова К. А. «Электронное правительство» как технология виртуальной коммуникации государственного аппарата с гражданами.....	285
Меер Д. А. Факторы, препятствующие внедрению здоровьесберегающих технологий в сферу работы социальных служб.....	288
Меньшикова А. М. Профилактика профессиональной деформации специалистов по социальной работе.....	291
Рафикова В. А. Профессиональная идентичность социальных работников на примере сотрудников учреждений социального обслуживания г. Асбеста.....	294
Соколов В. С. Роль социальных медиа в предотвращении и профилактике суицидального поведения подростков.....	297

Усольцева Н. В. Особенности социально-психологической адаптации воспитанников 1-го курса Суворовского военного училища.....	299
Фарманова К. Б. Критерии благополучия и неблагополучия семей в современных условиях.....	303
Чантурия Х. Е. Субъектная активность личности мигранта в процессе социальной адаптации в Российской Федерации.....	305

Раздел восьмой ФИЛОЛОГИЯ

Баруткина М. О. Моление о чаше в поэзии Е. Ю. Кузьминой-Караваевой.....	309
Брызгалова М. Д. Мотивный комплекс время/память в книгах Татьяны Толстой.....	311
Демкович И. А. Дом как социальное пространство в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (повесть «На рубеже Азии. Очерки захолустного быта»).....	314
Негуляева П. Е. Литературный код романа М. Петросян «Дом, в котором...».....	317
Нестерова А. В. Особенности авторской концепции мировосприятия в рукописном сборнике XVII века «Статир».....	319
Пальчик М. А. Способы прижизненной музеефикации текста (о взаимодействии молодых екатеринбургских поэтов с литературным музеем).....	322
Эльстон-Бирон И. О. Функции местоимения «ты» в поэтическом цикле О. Мандельштама «Армения».....	324

Раздел девятый ФИЛОСОФИЯ

Баженов В. А. Идентичность как элемент политических коммуникаций.....	327
Голендухина М. А. Пророк и отступник в Житии протопопа Аввакума: символическое прочтение исторического факта.....	330

Давлетшина Д. А. Оппозиционность образов православия в отечественном кинематографе XXI века: истоки и причины.....	333
Козырева О. А. Современная французская философия о проблеме субъективности: экспрессионизм В. Декомба.....	337
Кокин Д. И. Идея публичного разума Джона Ролза и ее значение для демократического общества.....	339
Кузьмин Д. О. Идентификация игрока и персонажа в современных видеоиграх жанра RPG.....	342
Миронов Н. А. Философия информационного общества.....	345
Перфильева А. С. Субъект и его границы в «воображаемой логике» Н. А. Васильева.....	348
Петрин И. С. «Насилие» как стратегия: распад субъекта в текстах Ж. Батая и М. Бланшо.....	350
Регульский И. Т. Религия и академический дискурс: степень совместимости и анализ мнений.....	353
Сатыбалдина Д. К. Время, не потраченное впустую: к вопросу о современных мобильностях.....	357
Сидорова П. С. Детство как ключ к пониманию человеческой природы в философии Арнольда Гелена.....	360
Султанов Д. М. Субъект трансцендентальной прагматики Карла-Отто Апеля.....	363
Темлякова А. С. Кино как конструкция воображения.....	365
Тимофеева М. Е. Онтологичность безумия и способы принятия.....	368
Филиппова М. В. Одержимость телом в современной культуре повседневности: идентификация, свобода и границы телесности.....	371
Чекулаев С. В. Переосмысление концепции индивидуальной свободы в либеральной традиции Дж. Милля.....	374
Шульмин И. А. Субъективация в социальных сетях и проблема идентичности.....	377
Щекотова Е. С. От дарвинизма к технологической эволюции: постчеловек в свете философской антропологии.....	379
Якимов А. Е. Философско-антропологические и социологические аспекты кинематографа.....	382

Научное издание

**МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА:
ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
1-й молодежный конвент**

Материалы международной студенческой конференции
28–29 апреля 2017 года

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Издание размещено в электронном архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>

Подписано 15.11.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 19,9. Объем данных 2,32 Мб.
Гарнитура Minion Pro.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Издательско-полиграфический центр УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>